

Filológia.hu

Tartalom

Tanulmányok

- Torma Katalin:
*Jellemábrázolás és jellemfestés
a Šâhnâme Bižan és Maniže című történetében* **4**

Kisebb közlemények

- Gazdag Vilmos:
Az „ittas (részeg) ember” képe a magyar frazeologizmusokban **23**

Recenziók

- Mátyás Bánhegyi:
*Lynne Bowker:
Computer Aided Translation Technology: A Practical Introduction* **28**

Az év szakdolgozata

- Ангела Борбей:
Русско-польские лексические параллели **35**

Filológia.hu

A Magyar Tudományos Akadémia Modern Filológiai Társaságának
lektorált online folyóirata
www.filologia.hu

Alapító főszerkesztő és a szerkesztőbizottság elnöke

Nyomárkay István

Alapító szerkesztő

Veszelszki Ágnes

A szerkesztőség elérhetősége

filologia.hu@gmail.com

A tanácsadó testület tagjai

Bańczerowski Janusz
Bárdosi Vilmos
Bárdos Jenő
Frank Tibor
Gadányi Károly
Giacomo Sciacovelli
Gósy Mária
Jászay László
Jeremiás Éva
Keszler Borbála
Kiss Jenő
Knipf Erzsébet
Kulcsár Szabó Ernő
Lukács István
Pál Ferenc
Papp Andrea
Székely Gábor

A nemzetközi tanácsadó testület tagjai

Gerhard Neweklowsky (Bécs)
Marko Jesenšek (Maribor)
Djuro Blažeka (Zágráb)
Peter Sherwood
Marko Samardžija (Zágráb)

A címlapot
Greiner Balázs
tervezte.

ISSN 2062-7858

A folyóiratról

A Filológia.hu a Magyar Tudományos Akadémia Modern Filológiai Társaságának online megjelenő, lektorált folyóirata.

A Modern Filológiai Társaság online folyóirata és egyben új honlapja 2010 januárja óta működik (www.filologia.hu).

A honlapon hosszabb tanulmányok, rövidebb cikkek – kisebb közlemények, illetve recenziók kapnak helyet. A 2009-ben meghirdetett "Az év szakdolgozata" pályázat győztes munkái is folyamatosan kerülnek fel az oldalra. Ezekon felül itt tesszük közzé a fontosabb társasági híreket, konferenciafelhívásokat és -beszámolókat.

Az online folyóirat előnye a papír alapúhoz képest, hogy nincs időhöz, nyomdához, folyóiratszámhoz kötve, így folyamatosan és nagyon gyorsan lehet az új tanulmányokat publikálni.

A honlap nyelve alapvetően magyar, de tudományos írásokat angol, német, francia, orosz, spanyol, olasz, horvát, szerb stb. nyelveken is elfogadjunk (megfelelő nyelvi lektorálás után). Minden cikkhez magyar és angol nyelvű kivonat társul.

A cikkeket a tanácsadó testület lektorálja, csak a lektor engedélyével és ajánlásával kerülhetnek fel a cikkek az oldalra. Mivel lektorált folyóirat, az itt megjelent tanulmányok hivatalos publikációkként elfogadtathatóak.

Konferenciafelhívásokat, híreket, új könyvek bemutatását is örömmel megjelentetünk.

E-mail címünk: filologia.hu@gmail.com

Tanulmányok

Torma Katalin

JELLEMÁBRÁZOLÁS ÉS JELLEMESTÉS A ŠÂHNÂME BIŽAN ÉS MANIŽE CÍMŰ TÖRTÉNETÉBEN

1. Bevezetés

Ferdowsi mintegy hatvanezer párversből álló, az iszlám hódítás előtti Irán történetét elbeszélő, kb. 1000 körül keletkezett epikus munkája – a Šâhnâme – a klasszikus perzsa irodalom első remekműveként vonult be az irodalomtörténetbe. A régi ősök kalandos történetének elbeszélése korának kiemelkedő teljesítménye. Ferdowsi felléptekor ugyan már van hagyománya az újperzsa nyelven készült királytörténeteknek, de a művében bizonyított prozodiában való jártasság, és a költői eszközök mesteri használata a korszakban páratlan. Jelen dolgozatban arra vállalkozom, hogy a Šâhnâme egyik történetéből kigyűjtött példákon keresztül bemutassam, Ferdowsi milyen változatos eszközöket alkalmaz a cselekményben szereplő alakok jellemének bemutatására. A kiválasztott szövegkorpusz a mintegy 1387 sorpárból álló Bižan és Maniže történet, melynek eseménysora, és a szereplők viszonyrendszere lehetőséget ad a egymástól igen eltérő jellemek és érzelmek bemutatására.

2. A jellemábrázolás eszközei a *Bižan és Maniže* történetben

Az *Encyclopaedia Iranica* „Ferdowsi” szócikkében Khalegi-Motlagh azt állítja, Ferdowsi *Šâhnâméj*ának *Bižan és Maniže* történetét feldolgozó része vélhetően a szerző fiatal korában, a nagy munka első darabjaként készült el, mely később lett beillesztve a kronológikus történetelbeszélésbe (Yarshater 1999: 515). Állítását azzal indokolja, hogy e történet elbeszélésének stílusa és kevésbé bravúros retorikai megformáltsága kevesebb jártasságról tanúskodik, mint az epikus munka egyéb részei. Charles Melville a *The Text and Image in the Story of Bizhan and Manezhe* című tanulmányában szintén megjegyzi, hogy ez az első történet, melyet Ferdowsi elkészített a *Šâhnâméből*. A kiforratlanság nyomait két tényezőben látja megmutatkozni: egyrészt a viszonylag gyakori természetleírásokban, melyek költői értékét nem vitatja, másrészt pedig a meglehetősen hosszú és szükségtelen párbeszéd alkalmazásában (Melville 2006: 72). Összeségében tehát Melville is megállapítja, hogy a *Bižan és Maniže* történet egy kezdő költő munkája, akinek a költői beszédmódban való jártassága nem éri el azt a szintet, mely a később készült részekben megmutatkozik.

Nem kívánom dolgozatomban cáfolni Khalegi-Motlagh megállapítását és Melville megjegyzését, pusztán arra kívánom felhívni a figyelmet a továbbiakban, hogy a szereplők bemutatása céljából készült megjegyzések és leírások igen gazdag,

színes képet mutatnak az elemzett történetben. Ha a jellemábrázolás szempontjából fontos szövegrészleteket grammatikai aspektusból osztályozni kívánjuk, három csoport alakítható. Az elsőbe a szóösszetételek, a másodikba a nem mondatértékű megnyilvánulások, szószerkezetek, végül a harmadikba a teljes mondatok oszthatók. Negyedik csoportként az egyetlen szóból álló jelzőket vehetnénk számba, azonban mivel ezek előfordulása a szövegben igen ritka, a továbbiakban részletesen nem foglalkozom velük. Annyi azonban ide kívánczik, hogy jellemzően egyszerű melléknevekről vagy főnévből képzett melléknevekről beszélhetünk ez esetben. Az elsőre példa lehet a *zur* ('erős'), de metaforaként akár főnév is sorolható e csoportba, mint például a Maniže jellemzéséhez használt *pari* ('tündér'), vagy a Bižannal és Rostammal kapcsolatban egyaránt alkalmazott *niv* ('hős') kifejezés. A főnévből képzett melléknevekre pedig a *nâmvar* ('név' + melléknévképző, 'neves, híres'), *tâjvar* ('korona' + melléknévképző, 'koronás'), a *firuzgar* ('győzelem' + melléknév- vagy főnévképző), vagy a Rostam jellemzésére használt *širgir* (oroszlán + *gereftan* 'elkapni' ige praesens töve, 'oroszlánfogó') hozhatók fel példaként.

A szóösszetételek és a képzett szavak igen gyakori előfordulása az epikus munkákra jellemző díszítő jelzők (epitheton ornans) nagy arányú alkalmazásának köszönhető. Ugyanakkor megfigyelhetők más típusú, tehát nem állandósult, hanem alkalmi szóösszetételek is, melyek az egyes szereplők külső vagy belső jellemzőinek leírását szolgálják. Az első csoportba tartozó szóösszetételek és szerkezetek – melyek tehát az egyes szereplők epitheton ornansaként jelentkeznek – közé sorolhatóak csak néhány példát említve a következők: Bižannal kapcsolatban használt gyakori összetételek a *farrox-nežâd* ('nemes születésű'), *mâhruy* ('holdarcú'), *pur-niv* ('vitéz gyermek'). Maniže állandó jelzője a *xub-cehr(e)* ('szép arcú'). Rostam jellemzésére pedig a *šir-mard* ('oroszlánember') és a *jahân-pahlavân* ('világhős') fordulnak elő a leggyakrabban. Az összetételek másik típusa a nem állandó jelzőként, hanem a cselekményből adódó szituáció invokálta, alkalmi jelzők. Ezzel a kategóriával az egyes személyek bemutatásánál majd részletesen foglalkozom, most csak egyetlen példát hozok fel, szemléltetésképpen: mikor Bižan és Gorgin elindulnak Turán felé, hogy megleljék a mezőt, ahol a gyönyörű lányok ünnepelnek, Gorgin a *kine-sâz* 'bosszúépítő' jelzőt kapja, előrevetítvén ezzel a események rossz kimenetelét.

A szövegben a személyek tulajdonságaira utaló leírások közül leggyakrabban nem mondatértékű megnyilvánulásokkal, szerkezetekkel találkozhatunk. Sok esetben ezek is állandósult, meghatározott szereplőkhöz köthető részletesebb jellemzések. Különösképpen a tulajdonságra utaló jelzős, illetve a birtokos jelzős szerkezetek sorolhatóak ide. Xosrow több alkalommal előforduló jelzője a *šâh-e piruz* 'győzelmes király', Bižan megjelenésének leírására a *sarv-e boland* 'magas ciprus' metafora szolgál, Rostam pedig gyakran mint *xodâvand-e Raxš* 'Raxš gazdája' jelenik meg a szövegben. De olyan hosszabb, nem mondat értékű leírások is lehetnek az egyes szereplők jellemzésének gyakran előforduló eszközei, mint a Gorgin jellemzésére több esetben használt *deli por gonâh* 'szíve bűnnel teli' szerkezet.

A mondat értékű jellemábrázolás céljából tett megnyilvánulások legtöbb esetben egyedi, a szituációból fakadó leírások. Jól szemlélteti ezt az a jelenet, mikor Afrâsiâb lányát erkölcsstelen viselkedése miatt a következő szavakkal tagadja ki: *bar to nazibad hami tâj-o taxt* 'Nem vagy egyáltalán méltó a koronára és a trónra'. De szemléletes példa Gorgin becstelenségéről a *nakard ic yâd az jahân-âfarin* 'Egyáltalán nem emlékezett meg a világteremtőről' mondat.

Mint az eddigiekből látszik, igen változatos eszközöket alkalmaz a szerző a történet szereplőinek bemutatására. Az egyszavas, tömör jelzőtől a hosszú, akár több sor terjedelmű leírásig. A leghosszabb jellemzések a szereplők ünnepélyes köszöntései, melyek minden esetben az egyik szereplő megnyilatkozásai találkozáskor vagy valamilyen ünnepélyes alkalommal. Ezek terjedelme általában két-három sor, de terjedelmesebb dicséretes (*âfarin*) is előfordulnak a szövegben, mint például Rostam Xosrow erényeit lajstromzó monológja, mely tíz soron át tart (826–835). Mivel ezek a magasztaló ünnepélyes beszédek sok esetben sablonokat használnak, véleményem szerint nem célszerű a szereplők jellemének elemzésében ezekre támaszkodni, így jelen tanulmányban figyelmen kívül hagyom ezeket a terjedelmes köszöntő monológokat. Ugyanakkor érdemes megjegyezni, hogy a történet dramaturgiai szempontból kiemelkedő pontjain igen hosszú leírásokat olvashatunk az egyes alakokról vagy csoportokról. Mikor Gorgin meggyőzni igyekszik Bizant a turáni útról, a következő, igen hosszú jellemzéssel próbálja társa érdeklődését és vágyát felkelteni:

hame doxt-e torkân pušide ruy / hame sarv- qadd-o hame mošk-muy

hame rox por az gol hame cašm-e xâb / hame lab por az mey be-bu-ye gol-âb

hame dašt bini be-yârâste / co bot-xâne-ye cin por az xâste

'Minden török lánynak arca elfátyolozva /mind ciprustermetű és mosúszillatú.

Minden arc virággal teli, minden álomszem / minden ajak borral teli és rózsavíz illattal.

Egész mező, amíg a szem ellát, feldíszítve / mint a kínai bálványház, kinccsel telve'

A leírás nemcsak terjedelme, hanem retorikai megszerkesztettsége miatt is figyelmet érdemel. A gondolatrítmus eszközét használva Gorgin megnyilatkozásának ritmusa felgyorsul, így az útra ösztökélés izgatottságát és sürgetést fejez ki. Ugyanakkor a *repetitio* alapjául szolgáló, a felsorokat kezdő *hame* ('minden') szót követően csak a grammatikai szerkezet formája azonos, mely az első sorban (*hame* + főnév + ezâfe jele + melléknév), a második sorban: (*hame* + főnév + melléknév 'tele valamivel' + főnév), a harmadik sor első fél sorában a gondolatrítmust a *hame* kezdőszót már nem követi olyan grammatikai szerkezet, mely már korábban előfordult volna, felkészítvén ezzel a befogadót a gondolatfolyam lezárására, melyet az utolsó felsor kezdő szava a *co* tör meg végképp, lelassítván a leírás hömpölygését és befolyezvén azt. A fent vázolt gondolatrítmus működé-

sét tovább erősíti a mezőn ünneplők külső tulajdonságainak fokozatos, egyre valószínűbb *hyperbolikus* leírása, mely végül az utolsó félsorban a kínai bálványház (azaz a szépségek háza) kincseinek hasonlatával zárul.

Kiemelek egy további, példát, mely képi megszerkesztettsége miatt igen komoly retorikai jártasságra utal. A *Bižan és Maniže* történet véleményem szerint egyik legmeghatóbb mozzanata Giv egyetlen fia elvesztése miatt érzett bánata. Mint majd a személyekre lebontott ismertetésből látható lesz, a szövegben igen változatos leírások szerepelnek erről. Saját fájdalomáról a következőt mondja Giv Rostam apjához, Zálhoz érkezvén:

... *ruyam na-bini be-rang / ze-xun-e može pošt-e pâyam palang*

'... az arcomat nem látod színesnek / a szempillámból hulló vértől mögöttem (nyomomban) párduc'

(A sor értelmezésében köszönöm Omid Mallak Behbahâni segítségét.)

A bánat leírását két szemléletes kép szolgáltatta. Az első félsorban a szomorúságtól elsápadt, színtelen arc képe jelenik meg, a második félsorban pedig a gyermek elvesztése miatt hullajtott könnyek költői megfogalmazása olvasható. A szöveg egyéb helyein is gyakran előforduló *hyperbola* a *xun* ('vér') szó alkalmazása a könny helyett. Hasonlóképpen a víz jelenésű *âb* lexéma is sűrűn a könny szinonímájaként szerepel. Azonban, míg ez utóbbi semleges, a *xun* szó könny értelemben való használata a szemantikai mező költői kitágítása. A *hyperbola* használatának célja a szív fájdalom erősségének érzékeltetése. A lehető legnagyobb szomorúság az, melyet Giv átélni kényszerül: gyermeke elvesztésének lehetősége miatt vérkönnyeket hullajt. Ugyanakkor az apa-gyermek viszony ismerete egy újabb asszociációs mezőt is működésbe léptet: a vér ebben a kontextusban egyszerre utal a vérségi kapcsolatra is, mely Giv és Bižan között fennáll. A *pars pro toto* alkalmazásával (*xun-e može*) a kép tovább finomodik. A történet egyéb helyein is előfordul a sírással kapcsolatban a szempilla említése, azonban ez az egyetlen hely, ahol nem feltétlenül eredeti jelentésében használatos, hanem a szem egészére utal. Megjegyzendő, hogy a *synecdoche* működés módjára jellemzően a szempilláról éppen lehulló könnycsepp képe is felidéződik, mely a sírás folyamatosságát, éppen-megtörténését érzékleteti. Végül a *pošt-e pâyam palang* képben a *prosopopeia* egy gyönyörű példáját láthatjuk, melynek alapja a külső hasonlóság. A két félsor teljes jelentése ugyanis az, hogy Giv oly mértékben el van keseredve fia elvesztése miatt, hogy bánatában vér-könnyek csepegtek végig az úton, amint hozta Xosrow segítségkérő levelét Rostamnak, és a lecseppenő könnyei úgy összepettyezték az utat, hogy az olyan lett, akár a párduc bőre. A tömörítés és költői képek burjánzásának egy csodálatos példáját láthatjuk ebben a mondatban, mely – visszatérve Khalegi-Motlagh és Melville kijelentéseire – kiemelkedő, bravúros retorikai megoldásnak tekintendő.

3. A *Bižan és Maniže* történet legfőbb szereplőinek jellemzése

A történet szereplőinek bemutatása előtt felmerül a kérdés, ki tekinthető a kalandokkal teli események legfontosabb alakjának. Az a tény, hogy a legrégebb teljes szöveg, a Mohl-féle *Šâhnâme* – mely 1838 és 1878 között jelent meg elő-

ször nyomtatásban, *Le Livre des Rois* címmel (Khalegi-Motlagh 1988: VII) – az elemzett epizódnak a *Dâstân-e Bižan bâ Maniže* 'Bižan története Mânižével' (Mohl 2008: 785) címet adta, s a leginkább igényesnek tekinthető kiadás – melyet Khalegi-Motlagh a firenzei kézirat alapján állított össze – szintén címszereplőként határozza meg az ifjú szerelmespárt (*Dâstân-e Bižan bâ Mâniže* 'Bižan története Mânižével' Khalegi-Motlagh, 1988: 303), arra enged következtetni, hogy Bižan és Maniže a történet két kulcsszereplője. Nem szabad azonban megfeledkezni arról, hogy a szerzői intenciót a mai napig homály fedi, ugyanis Ferdowsi nem adott címet munkája egyes epizódainak. Ennek megfelelően a különböző kéziratokban a másolók interpretációjának következtében számos címváltozata lehet az egyes történeteknek. Melville a *Bižan és Maniže* történetéről írt tanulmányában említ néhány címváltozatot, melyek érdekessége abban rejlik, hogy a hangsúly ezekben a szerelmi történetről a harciasságra helyeződik át (Melville 2006: 73–74). A *Story of Bizhan-i Giv and Gurgin-i Milad* cím például arra ösztönzi a befogadót, hogy a történet olvasása, hallgatása közben a Bižan és Gurgin közötti bonyodalmaakra koncentráljon. Megjegyzem ez a cím választás számomra indokoltabbnak tűnik, mint az általánosan elterjedt változat, ugyanis a történetnek ez a rétege az, mely bonyodalmaik valódi okozója, s melynek végső megoldása (Bižan megbocsátása) zárja le a történetet. Egy másik, Melville által közölt címváltozat a *The story of Bizhan and the wild boars*, mely Bižan harciasságát állítja a középpontba, ugyanakkor nem teremti meg a teljes szövegkohéziót, ugyanis e cím pusztán az eseménysor egy kezdeti epizódja, melynek a későbbiekben már nem lesz meghatározó szerepe. Melville megemlíti, hogy feltételezhetően a szövegben a *gorâz* szót nem eredei értelmében 'vaddisznó'-ként kell interpretálni, hanem e kifejezés a turáni harcosokra értendő. Megjegyzését azzal támasztja alá, hogy a harcos Bižan nem indulna háborúba (*jang*) vadállatok ellen, tehát ez esetben mindenképpen embereket, harcosokat kell érteni a vaddisznók alatt. Sok változat címe Bižan központi szerepét emeli ki, a tömör *Bižannâme* ('Bižan könyve') címmel. A Khalegi-Motlagh-féle *Šâhnâme*-kiadás további címváltozatokat is közöl: *Goftâr andar dâstân-e Bižan-o Maniže* 'Beszéd Bižan és Maniže történetéről', *Dâstân-e Bižan-e Giv va jang-e gorâz va xadiât-e Gurgin bâ Bižan va cegunegiye Îâl-e Bižan bâ Maniže-o Arfâsiâb* 'Történet Giv fia Bižanról, a vadkanok harcáról, Gurgin Bižan elleni csálásáról, és Bižan Manižével és Afrâsiâbbal való viselkedésének milyenségéről' (Khalegi-Motlagh 1988: 303).

Mint ismeretes, a cím – mint genette-i értelemben vett paratextus – az irodalmi szöveghez szervesen hozzátartozó elemként funkcionál, sőt sok esetben az interpretáció kiindulópontjaként határozódik meg. Azonban egy olyan szöveg esetében, melynek címe nem a szerző invenciója, pontosabban nem bizonyítható a szerzői szándék – tekintve, hogy számos, egymástól lényegileg eltérő interpretációt implikáló címváltozat létezik – nem javasolt a kéziratmásolók által kitalált cím szerepét túlértékelni, egyedi értelmezésben kiindulópontként felhasználni. Ha azonban mégis ezt tesszük, tisztában kell lennünk azzal, hogy nem a szerzői intenció értelmezésünk kiindulópontja, hanem egy kéziratmásoló interpretációja. Természetesen egy ilyen szöveg esetében, melynek számos változata ismeretes, azzal, hogy a sok lehetőség közül az egyik variánst választjuk ki, már eleve alávettük magunkat a manuscripum készítője értelmezésének.

Visszatérve a cím és a főhős(ök) kérdésének problémájára: ha eltekintünk a történet megjelölésére szolgáló paratextusvariánsoktól, és pusztán magát a szöveget vizsgáljuk, érdekes következtetésekre juthatunk. Statisztikai alapon vizsgálva Bižan, Maniže és Rostam aktív részvételét az eseményekben arra a megállapításra juthatunk, hogy közel azonos mértékben szerepelnek a történetben, annak ellenére, hogy Rostam csak a cselekmény közepe felé tűnik fel (660. sorban), azonban ettől a ponttól kezdve folyamatosan a színen van. Jól szemlélteti a három alak közel azonos súlyú szereplését a narrátor, illetve a többi szereplő által tett, a jellemábrázolás szempontjából meghatározó kijelentéseinek előfordulása: Bižan, Maniže és Rostam karakterisztikus tulajdonságairól, illetve cselekedeteiről hozzávetőlegesen azonos mennyiségű megjegyzés, leírás szerepel az eposz jelen epizódjában. (Rostamról és Bižanról 50 ilyen idézet olvasható, Manižéről 44.) Ezek alapján, tehát arra a következtetésre juthatnánk, hogy e három szereplő egyenrangú főszereplője a történetnek. Azonban, ha dramaturgiai szerepük szempontjából kívánjuk rangsorolni a történet e három karakterét, vitathatatlan, hogy Rostamé a központi szerep. Nemcsak a Bižan önfejűségéből, vágya követéséből (*xod-kâme*) fakadó bonyodalmat oldja meg sikeresen Rostam, hanem leleményességéről, óvatosságáról tanúskodik a kereskedőnek öltözés cselével, és erkölcsi nagyságát bizonyítja azzal, hogy Gorginnak esélyt ad a bűnbánatra. Véleményem szerint tehát a *Bižan és Maniže* történet főszereplője nem a két címszereplő, hanem a minden helyzetben erkölcsösen és helyesen döntő és cselekvő, a bonyodalmakat megoldó Rostam. Ennek fényében a szereplők egyéni bemutatásának sorát az ő karakterével kezdem.

3.1. Rostam, a *jahân-pahlavân* ('világhős')

A *Bižan és Maniže* történet abszolút pozitív alakja, aki mindig helyesen cselekszik, ennek megfelelően egyetlen jellemhibájára sem történik utalás, Rostam. A narrátor és a szereplők megnyilatkozásaiból az általános jellemzőkön kívül a királyhoz való hűségéről, a mások iránti empátiájáról és harci erényeiről – mint legfőbb tulajdonságairól – kapunk képet.

Rostam erényeinek, tisztaságának leírására számos példa hozható. Xosrow a sikeresen végzett hőstett után *jân-e honar*-nak ('erényes lélek'-nek) nevezi Rostamot. Maniže pedig visszaérkezvén Bižanhoz az iráni „kereskedőtől” kapott étellekkel – mit sem sejtve arról hogy a szerelme megszabadítása céljából érkezett híres hőssel találkozott – a következőképpen jellemzi megsegítőjüket: *yeki mard-e pâkize bâ-huš-o farr* ('egy tiszta, okos és áldott /istentől segített/ férfi'), illetve a szöveg egy későbbi pontján *pir-e farrox-pay-e nik-nâm*-nak ('Idős /öreg mint főnév/ szerencsés lábú, jónevű') nevezi. Felhívom a figyelmet arra, hogy a szöveg egy másik pontján Rostam megszólítására Gorgin egyetlen szó kivételével ugyanezeket a lexémákat használja, azonban a szavak sorrendje és kapcsolódás eltérő: *nik-pay, farroh-o nik-nâm* ('szerencsés léptű /jó-nyomú/, boldog és jónevű'). Mindkét idézetet a *nik-nâm* ('jónevű') szóösszetétel zárja. A szó szerinti fordításban 'szerencsés lábú, szerencsés léptű' kifejezés előtagja azonban a két idézetben eltérő: Maniže a *farrox*, Gorgin a *nik* előtagot használja. S míg Manižénél a *farrox* a szóösszetétel előtagjaként szerepel, ugyanez a szó Gorginnál önálló melléknévként kerül a mondatba. Rostam nemeslelkűségére

szintén gyakran történik utalás: *râd-mard* ('nemes ember'); *dar-e râd-mardi-o band-e balâ* ('nemes ember ajtaja/kapuja és a balszerencse megkötője vagy'). Nemeslelkűsége abban is kifejezésre kerül, hogy környezete nagy tisztelettel tekint rá. Ezt legérzékletesebben az a jelenet fejezi ki, melyben Rostam Xosrow udvarába érkezik, s nemes emberek mennek ki fogadására, akik szinte istennek kijáró tisztelettel tekintenek rá:

nešastand gordân-o Rostam bar asp / be-kerdâre raxšande âzar Gošasp

'A hősök leültek, és Rostam a lován / mint a ragyogó Gošasp tűz'

Rostam kiemelkedése környezetéből a jelenet résztvevőinek elhelyezkedése által is kifejezésre jut: míg tisztelői a földön, Rostam híres lova, Raxš hátán ül. Így a fogadására érkezettek és Rostam közötti erkölcsi különbség a térbeli távolság által is érzékeltetve van. Ez természetesen nem jelenti azt, hogy Xosrow alattvalói nemtelen emberek lennének, pusztán a főhős feljebbvalósága, már-már isteni jelleme van hangsúlyozva. E képzetet – Rostam istenhez hasonlatos nagyságát – a Gošasp-hasonlat tovább mélyíti. Egy további költői leírást is idézek példaként arra, mekkora tiszteletet vívott ki magának Rostam nemes tetteivel. Mikor Rostam hét kísérőjével elindul Afrâsiâb birodalmába kiszabadítani Bizant, a következő megjegyzés olvasható: *be-kaf bar nehâde hame jân-e xiš* ('mindannyian kezébe adták a lelküket').

Rostam a fent vázolt tiszteletet többek között szolgálatkészségével és a királyhoz való hűségével (*mard-e xosro-parast*) érdemelte ki. Giv szavai tanúskodnak arról, hogy Rostam egy pillanatig sem hezitált Xosrow segítségére kelni:

na-tâbid Rostam ze-farmân-e to / del-aš baste didam be-peymân-e to

'Rostam nem fordult el parancsodtól / szívét a szövetségedhez kötve lát-tam'

Rostam hűségével és azzal, hogy rá mindig lehet számítani, Xosrow is teljesen tisztában van. A történetben Xosrow többször említi, hogy Rostam mindig készen áll arra, hogy harcoljon a nemes cél érdekében: elsőként Rostámhoz írt segítségkérő levelében – *hamiše kamar baste-ye kârzâr* ('mindig készen állva a csatára'), majd, mikor Rostam megérkezik hozzá a szolgálat teljesítésére – *miân baste dârand pišam be-pây / hamiše be-niki ma-râ rahnamây* ('Felövezve készen állsz előttem / mindig társam vagy a jó ügyben'). Rostam hűségének legkifinomultabb megrajzolását a fa-metaforában, és annak továbbfejlesztésében láthatjuk. Gorgin Rostamnak küldött üzenetében a következő megszólítással kezdi mondanóját:

deraxt-e bozorgi-o ganj-o vafâ / dar-e râd-mardi-o band-e balâ

'Nagy fa vagy és kincs és hűség vagy, / nemes ember ajtaja/kapuja és a balszerencse megkötője vagy'

A fenti metaforasorból számunkra jelen pillanatban a fa- és hűség-metafora érdemel figyelmet, ugyanis ez az alapja egy, a szöveg későbbi pontján tett, narrá-

tori leírásnak. Mikor Bižan Rostam elrejtett gyűrűjét megleli, s felsejlik a szabadság reménye, a narrátor a 'hűség fájának gyümölcsé'-nek (*bâr-e deraxt-e vaîâ*) nevezi a Rostam nevével ellátott gyűrűt. E kifejezésben az előbbi idézet két metaforája összekapcsolódik: Rostam e képben már nem pusztán mint fa és mint hűség jelenik meg, hanem maga a hűség fája, kifejezvéen ezzel erkölcsi nagyságát és megingathatatlan odaadását.

Rostam segítőkészségének kulcsa mások iránti empátiája. Igen érzékletes leírások olvashatók arról, hogy Giv bánata és Bižan méltatlan meghurcoltatása menyire felkavarja lelkét *az-u nâme bastad do dide por âb / hame del por az kin-e Afrâsiâb // pas az bahr-e Bižan xorušid zâr / foru-rixt az dide xun bar kenâr* ('Amint átvette a levelet, két szeme tele könnyel / szíve tele Afrâsiâb elleni bosszújával. // Majd Bižan miatt kiáltott panaszt / szeméből vér ömlött oldalra/félre'). Még abban a helyzetben sem tudja leplezni fájaldalmát, mikor álruhába öltözve érzéketlenséget igyekszik mutatni, nehogy Maniže előtt felfedje kilétét és ezzel Bižan megmenekítésére kieszelt terve kudarcba fulladjon:

be-tarsid Rostam ze-goftâr-e uy / yeki bâng bar zad bolandaš be-ruy

'Rostam megijedt beszédétől / egy nagy (hangos) sóhajt hallatott'

De Maniže, annak ellenére, hogy nem sejti kivel áll szemben, leleplezi Rostam színlelt érzéketlenségét: *ze-to sard goftâr key dar xarad* ('Hogyan illene hozzád a hideg beszéd?').

A számos erénnyel megáldott Rostam azonban mint *jahân-pahlavân* ('világhős'), *niv* ('hős'), *tiz-cang* ('gyorskezű'), *šir-mard* ('oroszlánember/bátor'), tehát mint kiemelkedően jó és méltán híres (*nâm-dâr*) harcos kerül bemutatásra, aki nemcsak a kardforgatásban való jártasságának köszönheti sikereit, hanem eszes (*xerad*) és cseles (*kimâ*) stratégiájának is.

Már korábban esett szó arról hogy Rostam harciassága gyakran az oroszlán erejéhez és ügyességéhez van hasonlítva (*šir-mard*). Meg kell jegyezni, hogy nem ez az egyetlen állat, melynek bátorsága, jó értelemben vett vadsága és kitartó küzdelme Rostam harcmódorát is jellemzi. Pirân, mikor Afrâsiâbnak elmagyarázza miért nem tanácsos az iráni hősök haragját Bižan meggyilkolásával fellobbantani, többek között arra hivatkozik, hogy Rostam úgy harcol, akár egy felbőszült krokodil (*nahang-e dežam Rostam niv*). Később, a turániakkal történő összecsapásban 'mint feldúlt sárkány' (*con eždehâ-ye dežam*) küzd ellenségeivel. Ide sorolandó még az a hasonlatokban bővelkedő leírás, melyben Rostam ádáz küzdelme az elszakad gyeplőjű dromedár és a farkas elszántságához van hasonlítva:

be-har su ke Rostam bar afgand Raxš / sarân-râ sar az tan hami kard paxš

be-cang andarun gorze-ye gâvsâr / be-sân-e hayuni gosaste mahâr

be-qalb andar âmad be-kerdâr-e gorg / parâgande kard ân sepâh-e bozorg

'Akármerre fordította (vetette) Rostam Raxšot / a fejeket a testtől mind elválasztotta.'

Kezében a bikafejű buzogány / elszakadt gyeplőjű dromedár módjára.

Középre ment akár egy farkas / azt a nagy sereget szerteszórta'

A *Šâhnâme* egyéb történeteiben is vitézségével kitűnő Rostam a *Bižan és Maniže* cselekményében központi szerepet kap, melynek során harci erényein túl egyéb pozitív jellemvonásai is bemutatásra kerülnek. Xosrow a Rostamnak írt segítségkérő levelében az iráni *šâh* szolgálatára készen álló Rostam minden – már az eddigiekben ismertetett – jó tulajdonságát felsorolja:

... pahlavân-zâde-ye por honar / ze-gordân-e keyvân bar âvarde sar

to'î az niyâgân ma-râ yâdgâr / hamiše kamar baste-ye kârzâr

'... az erényes hősfi / királyok hősétől felemelt fejű (büszke)

Az ősoktól te vagy nekem az emlék / mindig felövezve a csatára'

3.2. Bižan, a *pur-niv* ('vitéz gyermek')

Annak megfelelően, hogy a megnyilatkozó milyen viszonyban van Bižannal, eltérő jellemvonásai kapnak hangsúlyt. Természetesen a történet háttérszituációjából fakadóan az irániak pozitív, a turániak pedig negatív megítélésben részesítik. Kivétel ez alól Pirân, aki Bižan irányába mutatott empátiájával kiemelkedik a turáni szereplők közül. A narrátor leírása szerint az akasztófa árnyékában álló híres (*nâmvar*) iráni ifjút Pirân sebzett szívűnek (*jegar-xaste*) látja. A királytisztelő (*xosro-parast*) Pirânnal szemben a többi megnyilatkozó turáni, vagy a politikai ellenséget, vagy – elsődlegesen Afrâsiâb – a személyes ellenfelet látja Bižanban, ennek megfelelően Maniže szívének rabulejtése miatt 'kártevő gazember'-nek (*badkoneš raymanâ*), illetve már a tervezett büntetésre is utalva 'lehanyatló-sorsú'-nak (*negun-baxt*), más szöveghelyen pedig *bad-e xire sar*-nak ('fejement, ostoba ellenség') nevezi őt Afrâsiâb. Garsivaz, Afrâsiâb testvére a turáni király leggonoszabb ellenségének nevezi: *šâh-râ badtarin došman-ast*.

Meglepő módon a legfontosabb iráni szereplők (Rostam, Xosrow és Giv) – a dicsérő (*âfarin*) beszédek figyelmen kívül hagyva – verbálisan nem, vagy nagyon ritkán nyilvánulnak meg Bižan jelleméről. Annál inkább mutatja azonban kétségbeesésük, és Bižan segítségére sietésük, hogy szeretik, tisztelik az ifjú vitézt. Ezen a ponton érdemes kitérni a szöveg azon sajátosságára, hogy a narrátor gyakran valamelyik szereplő nézőpontjába helyezkedve tesz megjegyzést, így az adott szitációban részt vevő figura beszédszólama besugárzik mondandójába. Ékes példa erre, a narrátor történetelbeszélésében kétszer is előforuló *pur-niv* ('vitéz gyermek') megnevezés. Mindkét szituációban Giv is jelen van, de a Bižan jelölésére szolgáló kifejezés nem az aggódó apa szájából hangzik el, beszédszólamának besugárzása azonban egyértelműen felfedezhető, ugyanis Bižan – tekintve, hogy egy harcosról van szó – csak Giv szemében *pur* ('gyermek'). Az apa-„gyemek” összetartozás kifejezését tovább finomítja, hogy mindkét említett esetben a *pur-niv* az apa nevére, *Giv*-re rímel. A Manižével való találkozás során is hasonló szövegműködésre figyelhetünk fel, ugyanis a történetnek ez az egyetlen szituációja, melyben a narrátor Bižan vonzó külsejét dicséri: *do roxsâr-e*

Bižan co gol bar šekoft ('Bižan két orcája, mint a rózsa, kibimbózott'), *sarv-e boland* ('magas ciprus'), *mâh-ruy* ('holdarcú'). Különösen ez utóbbi példa igazolja Maniže nézőpontjának megjelenését a narrátori dikcióban, ugyanis a turáni lány a dajkájának elmondott üzenetben három alkalommal is holdarcúnak nevezi Bižant.

A narrátor számos Bižan jellemét bemutató tömör megjegyzést tesz, melyek túlnyomó többsége Bižan harciasságának és vitézségének leírására szolgál: *razm-zan* ('harc-ütő'), *Ṭahmura³-e div-band* ('dívmegekötő Ṭahmura³'), *be-kerdâr-e šir* ('oroszlán módjára'), *mard-e delir* ('bátor ember'), *laškar-penâh* ('sereg-védelmeső'), *zur* ('erős'), *tiz-cang* ('éles körmű, harcias'), *gohar-e pahlavân* ('vitézek fajtájából való'). A harci erények kiemelésén túl egyéb jó tulajdonságaira is fény derül: *farrox-nežâd* ('nemes születésű'), *râst-piše* ('jóra szánt, elkötelezett, jó szándékú/irányultságú'), *nik-baxt* ('jószerencsés').

Bižan narrátori leírásainak legművészebb rétege azok, a rendszerint hasonlat alapú, megjegyzések, melyek az iráni ifjút hadakozás közben mutatják be. Két esetben is hatalmas erejének érzékeltetésére az elefánt-hasonlat kerül alkalmazásra:

...con pil-e kafk-afganân / sar-e gur-o âhu ze-tan bar konân

'...mint habvető (tajtkézó) elefánt / a gazellák és vadszamarak fejét testétől elválasztó'

...co pil-e mast / yeki xanjar-e âb-dâde be-dast

'...mint részeg elefánt / vízdedzett karddal kezében'

A vadkanok elleni küzdelem leírásánál egy igen gazdag természeti hasonlattal van Bižan lendületes és mindent elsöprő harci buzgalma ábrázolva:

co ra^d-e bahârân be-Ġorrid saxt / co bârân foru-rixt barg-e deraxt

'Mint a tavaszi villámlás, nagyot ordított / mint az eső, a fák levelét leszórta'

Ugyanez a természeti hasonlat jelenik meg a történet végén. Mikor a turániak elleni harcban részt vesz Bižan, az ellenség feje úgy hullik kardjától, akár az őszi fa levelei a szélről:

sar-e sovârân hamco barg-e deraxt / foru-rixt az bâd-o bar gašt baxt

'A lovasok feje, akárcsak a fa levelei / lehullott a szélről, és megfordult a szerencse'

Bižan fogságának gyötrelmeit három nézőpontból ismerhetjük meg. Elsőként a narrátor leírásából; majd Xosrow, világ-kupájának segítségével bukkan a verembe zárt, leláncolt Bižanra; végül Maniže beszéli el Rostamnak kedvese méltatlan állapotát. Mindhárom leírás hasonló képeket használva szinte naturalizikus mó-

don jeleníti meg a szerencsétlenül járt hős helyzetét. Maniže a következő szavakkal él:

ke bicâre Bižan bed-ân žarf câh / na-binad šab-o ruz-o xoršid-o mâh

be-Ġoll-o be-mesmâr-o band-e gerân / hami marg juyid zi-yazdân bar ân

'hogy szegény Bižan abban a mély veremben / nem lát estét és reggelt, és napot és holdat

lánokban, szögekkel és súlyos bilincsben / folyton a halált kereste (kérte) az istentől a(zok) miatt.'

Maniže Bižanról való megjegyzései azonban elsősorban vonzó megjelenésére vonatkoznak. Már korábban szó volt arról, hogy Maniže kedvesét előszeretettel nevezi holdarcúnak (*mâh-ruy*), holdnak látszónak (*mâh-didâr*). Mikor Bižant először megpillantja, szépsége oly mértékben elkápráztatja Manižét, hogy tündézhöz (*pari*) és Siâvaxšhoz hasonlítja őt. Bizonyára Maniže tisztában van azzal, hogy a legendás szépségű iráni hős, Siâvoš (Siâvaxš) már nem él, hiszen az iráni–turáni háború egyik kiváltó oka Siâvoš kegyetlen meggyilkolása volt. Azzal tehát, hogy Maniže a vázolt alakokhoz hasonlítja Bižant, földöntúli szépségét igyekszik hangsúlyozni:

parizâde yâ Siâvaxšiyâ / ke delhâ be-mehrat hami baxšiyâ

va yâ xâst andar jahân rastaxiz / ke be-froxti âtaš-e mehr-e tiz

'Tündérfajzat vagy Siâvaxši vagy, / hogy szíveket szereteteddel admányozol?

Vagy a feltámadás napját akartad, / hogy fellobbantottad a heves szeretet tüzét?'

Röviden érdemes még kitérni arra, hogyan vall Bižan saját magáról. A történet elején, mikor jelentkezik a vadkanok elleni küzdelemre, Xosrownak bizonyítani akarja, hogy fiatalsága ellenére érett a harcra, s megvannak azok a képességei, melyek a feladat teljesítéséhez szükségesek: *to bar man besosti gomâni ma-bar* ('Ne feltételezz rólam gyengeséget!'), *javân-am valiken be-andiše pir* ('Fiatal vagyok, de gondolkodásban idős'), *man-am Bižan-e Giv-e laškar-šekan* ('Giv fia Bižan vagyok, a seregtörő'). Még két olyan megjegyzésről kell feltétlenül szót ejteni, melyek – annak ellenére, hogy nem turáni szereplő szájából hangzanak el – negatív fényben tüntetik fek Bižant. Az első ilyen kijelentést Giv teszi, mikor Bižan önként jelentkezik a veszélyes feladat teljesítésére:

...in javâni cerâ-st / be-niru-ye xod in gomâni cerâ-st

'... Miért e legénykedés? / Miért e túlzott bizalom erődben?'

Mivel a későbbiek során Bižan bebizonyítja, hogy harcban való jártassága nem hiányzott sem a történet elején kapott feladathoz, sem a turániakkal vívott küzdelemben, Giv szavait nem negatív, Bižan rátermettséget kétségbevonó meg-

jegyzésként ajánlott értelmezni, hanem inkább a féltő apa óvó szavaiként kell értelmeznünk. A másik pejoratív jelző a Maniže dajkájával való üzenetváltást leíró jelenetben a narrátor megjegyzéseként olvasható *xod-kâme* ('saját vágyú, önfejű') jelző, melynek dramaturgiai szempontból van fontos szerepe, ugyanis, míg Bižan a fa árnyékában meghúzódva távolról figyelte Manižét, nem érhetette semmi baj, azonban attól a pillanattól, hogy megszólítja őt a dajka, beindul az elkerülhetetlen esemény sor, melynek végpontja Bižan fogsága lesz.

3.3. Maniže, a *xub-cehre* ('széparcú')

A Maniže jellemábrázolásában szerepet játszó szöveghelyeket érdemes három csoportra osztani: külsejére, megjelenésére vonatkozó leírások; az iráni pár választása következtében kialakult kellemetlen helyzetét, és abban való viselkedését ismertető szövegrészek; végül az önfelelődozó segítőkészségéről tanúskodó szövegek halmaza.

A címszereplő lány elkápráztató szépségéről, és környezetére tett hatásáról szóló terjedelmes leírás a dolgozat egy korábbi pontján már bemutatásra került. Ez alkalommal a *bot-xâne-ye cin por az xâste* képre hívom fel a figyelmet, melyben Maniže és udvarhölgyei mint a kínai bálványház kincsei, tehát isteni szépséggel bíró bálványok kerülnek meghatározásra. A történet más pontjain is előkerül e kép: az ünneplő társaságot megpillantva Bižan előtt mint Qandâhar napjának bálványai tűnnek fel a szépségek, s közöttük Maniže is:

botân did con lo^obat-e Qandahâr / be-yârâste hamco xorram bahâr

'Bálványokat látott, mint Qandahâr Napja / feldíszítve, akár a víg tavasz'

Hasonlóképpen a bálvány-hasonlattal él Bižan, mikor Afrâsiâbnak beszámol csodálatos elemekben bővelkedő történetéről, melyben saját és Maniže ártatlanságát igyekszik bizonyítani: a *xofte bot* ('alvó bálvány') megnevezés egyszerre kifejezi Maniže védtelenségét, s utal emberfeletti szépségére. A turáni lány elragadó megjelenéséről árulkodnak epitheton ornansai is: *xub-cehr(e)*, *xub-ruy* ('széparú'), *xoršid-rox* ('naparcú'); csakúgy, mint alkalmi jelzői: *negâre samanbar* ('jázminkeblű szépség'), *sarv-bon* ('ciprusfa'). A narrátor költői képekben bővelkedő leírása Maniže arcának szépségét a valószínűtlenségig eltorzítva magasztatja fel: orcájának csillogását a jemeni fényes csillaghoz hasonlítja, arcszínét költői túlzással élve ibolyaszínűként határozza meg, arcformáját pedig két jázminlevélhez hasonlítja:

be-roxsâregân con Sohayl-e Yaman / banafše gerefte do barg-e saman

'Orcáin akár a jemeni Canopus / ibolyát kapott két jázmin levél'

A második szövegcsoporthoz, mely Maniže jelleméről árulkodik, Maniže mint *doxt-e Afrâsiâb* ('Afrâsiâb lánya'), *nâmvar doxtar* ('híres leány') bukásához kötődik, tehát azt mutatja be, hogyan dolgozza fel Maniže, hogy párválasztása következményeképpen (Bižant, az iráni hadak hőstét, így apja egyik ellenségét választotta párjának) megszokott életkörülményeiről és pozíciójáról lemondani kényszerül.

Afrâsiâb többek között a következő szavakkal átkozza ki Manižét: *bar to na-zibad hami tâj-o taxt* ('Nem vagy egyáltalán méltó koronára és trónra.');

s Maniže helyzetét Xosrow eképpen jellemzi: *doxt-e gom bude baxt* ('a szerencsését elvesztett leány'); *doxt-e ravân-kâste* ('szerencsétlen leány'). A királylányhoz méltatlan körülmények és öltözet leírására számos szöveghely utal: *Maniže be-mândaš abi-câdorâ / barahne do pâ-y-o košâde sarâ* ('Maniže fátyol nélkül maradt / csupasz lábbal és fedetlen fejjel.');

barahne sar ân doxt-e Afrâsiâb / bar Bižan âmad do dide por âb // hami bâstin xun-e možgân be-roft ('Fedetlen fejjel Afrâsiâb lánya / Bižanhoz érkezett könnyel teli szemmel. // Ruhája ujjával elsöpörte szempillája vérét'); azonban legérzékletesebben maga Maniže vall helyzetéről Rostamnak:

Maniže man-am doxt-e Afrâsiâb / barahne na-dide ma-râ âftâb

konun dide por xun-o del-e por ze-dard / az-in dar be-ân dar do roxsâre zard

'Maniže vagyok, Afrâsiâb lánya / fedetlenül nem látott még engem a Nap.

Most szemem teli vérrel, szívem fájdalommal / ajtótól ajtóig, két sápadt orcával [koldulok]'

A királyi származású lány, akit elfátyolozatlanul senki sem láthatott, most csupasz, fedetlen fővel (*barahne*) jár. Azonban, mint a fenti idézetből is kiolvasható – s ezt Rostámhoz idézett monológja folytatása is alátámasztja – kevésbé zavarja őt saját sorsának fordulata, sokkal inkább aggódik kedvese reménytelen helyzete miatt:

na-yâbam ze-timâr-e u hic xâb / ze-nâlidan-e u do cešm-am por âb

'Az érte érzett aggódástól nem tudok aludni / a miatta való kesergéstől szemem könnyel teli'

ma-râ dard bar dard be-fozud az-in / nam az didegân-am be-pâlud az-in

'Ettől fájdalmam egyre gyarapodott / ettől szememből a könny kiapadt'

Bižanéért ejtett könnyei leírására – a már idézettekén kívül is – olvashatók meghatározható leírások. Két példát emelek ki ezen a ponton, melyek figyelmet érdemelnek: a *del az dard por xun-o rox juybâr* ('Szíve a fájdalomtól tele vérrel, arca folyó') kép érdekessége, hogy a korábbi szöveghelyeken a *xun* ('vér') szó a könny szinonímjaként szerepelt. A szív vérrel telítettsége a fájdalom erősségét hivatott kifejezni. Azonban, mivel a sor másik felében az arc, a folyó metaforával az orcán végigcsorgó könnyáradatra utal, a befogadóban felidéződhet a korábban Givvel kapcsolatban ismertetett, szívbemarkoló fájdalmat leíró kép. Maniže saját bánatát a következőképpen írja le: *del-e xaste-o cešm-e bârân-e man* ('sebzett szívem és szemem esője'). Szomorúságának felnagyított hyperbolikus leírására, mint az eddigiekből is látható volt, nem ez az egyetlen példa. Végül a narrátor átérezvén Maniže fájdalmát a tömör és kifejező *âb-e mehr* ('szerelem vize') szerkezetet használja, egyszerre utalván az okra és az okozatra.

S ezzel át is térünk a harmadik szövegcsoporthoz vizsgálatára, melyben Maniže mint *xâhešgar* ('közbenjáró'), *zavâr* ('szolgáló, segítő'), Bižan szerető barátja, okos társa – *mehrabân yâr hošyâr joft* ('szerető barát, okos társ') – tűnik fel. Maniže legfőbb jellemzője önzetlen szeretete, és kedvese megszabadulása érdekében tanúsított fáradhatatlan, kitartó segítőkészsége. A teljesség igénye nélkül csak azokat a szövegrészleteket idézem, melyekben Bižan Manižét megszólítván lan-
kadatlan szolgálatkészségét dicséri:

basâ ranj-o saxtist ke âmad be-ruy / ze-bahr-e mani ruz-o šab puy-puy

'Sok aggodás és nehézség jelent meg arcodon / értem éjjel-nappal sietve (fáradozva)'

to'î doxt-e ranj âzmude ze-man / fedâ karde jân-o del-o ciz-o tan

'Te vagy a lány, aki miattam a fáradoztál, / feláldoztad lelked, szíved, va-
gyonod és tested'

be-dâdi be-man ganj-o tâj-o gohar / va yârân-o xišân-o mân-o pedar

'Feláldoztál miattam a kincset, koronát és gyöngyöt / és barátokat, roko-
nokokat, anyát és apát'

Ez utóbbi három idézet is arról tanúskodik, hogy Maniže leglényegesebb karakterisztikuma a szolgálatkészség és empátia.

3.4. Gorgin, a *kine-sâz* ('bosszút építő')

Melville rámutat a Bižan és Gorgin története közötti párhuzamokra. Kiemeli hogy mikor Gorgin visszatér Givhez és beszámolni kényszerül a történekről, össze-
vissza habog, majd egy hihetetlen, fantasztikus történettel igyekszik megmagya-
rázni, Bižan miért nincs vele (Melville 2006: 83). Giv a következő megjegyzéssel
jellemzi Gorgin viselkedését: *zabân por ze-yâve deli por gonâh* ('Nyelve
/beszéde/ balgasággal, szíve bűnnel tele'). Ezzel párhuzamosan Bižan angyalok
ármánykodásáról szóló meséje is hitetlenkedést és némi megvetést vált ki hall-
gatóságából: *konun con zanân piš-e man baste dast / hami xâb guyi be-kerdâr-e
mast* ('Most, mint a nők, megkötött kézzel előttem / álomról beszélsz, részeg
módjára'). Történetük további hasonlósága, hogy mindketten Rostam közbenjá-
rásának köszönhetik a körülöttük kialakult kellemetlen szituációból való szabadu-
lást: Bižan a verem fogságából menekül, Gorgin pedig – Rostam tanácsára hall-
gatván – elnyeri Bižan bocsánatát (Melville 2006: 89). Azon a ponton azonban
nem értek egyet Melville-lel, hogy Gorgin egy fejlődő hős lenne, aki őszinte bűn-
bocsánatot gyakorol, melyben az önérdek egy szikrája sem mutatkozik meg
(Melville 2006: 82). A szövegben határozottan el is hangzik, mi motiválja Gorgint
abban, hogy bűnbánatot tanúsítson: *ze-bad-nâmi-ye xiš tarsid mard* ('Saját
rossz hírűségétől félt'). A jó híre elvesztése, illetve a király haragjától való félelem
hatására mutat bűnbánatot:

...deli por gonâh / do rox zard-o larzân az bim-e šâh

'...szíve bűnnel teli / két orcája sápadt és reszketve a királytól való félelemtől'

roxaš zard gašte ham az bim-e šâh / tan-aš larze larzân-o del por gonâh

'Orcája elsápadt a királytól való félelemtől / teste remegve remegett, szíve bűnnel teli'

Mindennek fényében nem valószínű, hogy későbbi teátrális bűnbánó megnyilvánulásai mögött jellemfejlődés nyomai fedezhetőek fel. Sokkal valószínűbb, hogy tettei, mintsem bánja, hogy bajba sodorta, elárulta társát. Ezt alátámasztja, hogy a szöveg több pontján a narrátor megjegyzése szerint Gorgin tettei, vagy cselekedetei mögött valami ravaszság, csel feltételezhető. Az első esetben, mikor Bižan sikeresen megküzdött a vadkanokkal, mit sem sejtve arról, hogy Gorgin nem állt készen segítségére, boldogságot színelve köszönti őt Gorgin: *bar-u âfarin kard-o šâdi namud* ('Dicsérte őt, és boldogságot színelt'). Majd Gorgin ravaszságára történik utalás: *bad andiš Gorgin-e šuride kiš / ... behoš* ('A rossz gondolatú, ferde törvényű Gorgin / ... ravaszan'). Végül a narrátor *hami râst pendâšt goftâr-e uy* ('[Bižan] mindvégig igaznak vélte [Gorgin] beszédét') megjegyzése Gorgin szavahihetőségét vonja kétségbe.

A Bižan mellé kijelölt vezető (*râhbar*), segítő (*yârmand*) társ tehát nem erkölcsös és példamutató magatartásával emelkedik ki társai közül, éppen ellenkezőleg rosszra való hajlama és hitetlen, semmit nem tisztelő hozzáállása a szöveg több pontján is kifejezésre jut:

delaš-râ be-picid Ahrimanâ / bad andâxtan sâxt bar Bižanâ

'Szívét Ahriman elfordította / rossz tervet szőtt Bižan ellen'

na-kard ic yâd az jahân-âfarin

'Egyáltalán nem emlékezett meg a Világteremtőről'

A fenti idézetekben Gorgin két igen lényeges, a viselkedését és hozzáállását alapvetően meghatározó mozzanatra derül fény: Bižan elleni gonosz tervének oka azzal magyarázható, hogy képtelen volt ellenállni a gonosz (*Ahriman*) csábításának; ezzel párhuzamosan a jónak (*jahân-âfarin*) járó tisztelet sem adta meg. Gorgint tehát a gonosz kerítette hatalmába, döntéseiben és tetteiben Ahriman az irányadó, és nem a nemes cselekedetekre és jó gondolatokra ösztönző világteremtő isten. Ahrimani természetére vonatkozó számos megjegyzés szerepel a történetben: *kine-sâz* ('bosszút építő'), *sag-sost-e rây* ('gyengeeszű kutya'), *bad-xâh joft* ('rosszakaratú társ'), *xire nâ-pâk mard* ('ostoba, tisztátlan férfi'). Bižan fogságba esése tehát annak köszönhető, hogy nem látott át Gorgin ravasz cselén – szemben Rostammal, aki gyorsan felismeri Gorgin ármánykodását: *dastân namudi co rubâh-e pir* ('cselt mutattál, mint az öreg róka'). Bižanról ezt olvashatjuk: *na-dânest kaš del co pulâd gašt* ('Nem tudta [Bižan], hogy [Gorgin] szíve olyan lett, mint az acél'). A megkeményedett szívű Gorgin később mégis érzékenységet mutatni látszik. Mikor Giv elé állva közli a rossz hír tündérmese

változatát, saját érzelmeiről, fájdmáról olyan túlzóan nyilatkozik, hogy már ezzel is leleplezi azok valótlanágát:

do cešm-am be-ru-ye to âmad ze-šarm / hami ruy šuyam be-xun-âb-e garm

'Két szemem a szégyentől arcodba nézett, / forró vérrel mosom arcom'

del-am šod por âtaš ze-timâr-e uy

'Szívem tűzzel telt meg, a miatta való aggodástól (a féltésétől)'

Mindkét idézetben az érzelmek hyperbolikus felnagyítását az azok hevességére utaló *garm* ('meleg') és *âtaš* ('tűz') szavak fejezik ki. Külön figyelmet érdemel az első vallomás, mely szerint Gorgin a korábban már említett emfatikus *xun-âb* ('vér-könny') szóval fejezi ki bánatának mélységét, s ráadásul könnyei nem szelíden csepegnek szeméből, hanem egész arcát beterítik. A teátrális jelenet, melyben Gorgin Giv előtt, arcát kaparva az aggodástól a földön vezeklik, szintén a nem valós érzelmek megjátszásáról tanúskodik:

hami gašt Ğaltam be-xâk andarâ / šaxude roxân-o barahne sarâ

'A földön/porban tekergett (vonaglott) / orcáit karmolva, fedetlen fővel'

A történet vizatérő képe a bűnbocsánatért esedezés porban való vezekléssel történő kifejezése. Az imént említett példát követően – melyről megállapítottuk, hogy őszintétlennek tűnik – Gorgin a Bižannak küldött üzenetében, az egyéb nagy penitenciáját bizonyító ígéretek mellett – *be-âtaš naham xištan piš-e šâh / gar âmorzeš âmad ma-râ zin gonâh* ('A király előtt a tűzpróbát kiállom / ha megbocsátást nyerek ettől a büntől.');

co Ğarm-e žiân bâ to âyam damân ('Mint fel-dühödött kos sietve jövök veled') – a következőképpen nyilatkozik meg:

šavam piš-e Bižan ĞalÔam be-xâk

'Bižan elé megyek, fetrengok a földön'

A büntetéstől és rossz hírbe keveredéstől (*bad-nâmi*) való félelem hatására teszi Rostamnak a fenti ígéretet, így hát a jelenet, melyben az imént idézett szavait valóra váltja, sem feltétlenül jellemfejlődéséről, megjavulásától tanúskodik: *bi-âmad be-mâlid bar xâk ruy* ('jött és a földbe „dörzsölte” arcát'). A változás lehetősége ugyan felmerül a történetben, de annak eléréséhez Rostam nemeslelkűsége, és példamutató viselkedése szükséges: *bi-afruzam in tire mâh-e torâ* ('Felragyogtatom a te sötét holdadat /arcodat/'). Tehát az ahrimani természetű Gorgin – mivel őszinte bűnbánatot nem tud tanúsítani – a Bižan és Rostam jóindulatának és bocsánatának példájából tanulva vetheti le gonosz természetét. De, hogy ez valóban bekövetkezik-e, a történetben homályban marad.

3.5. Xosrow, a *šâh-e piruz* ('győzedelmes király')

Xosrow a *Bižan* és *Maniže* történetben egyértelműen mint a jó, megbízható király jelenik meg. Elgendő számbavenni a jelzői értelemben használt mellékneveket:

tâjvar ('koronás'), *firuzgar* ('győzedelmes'); a szóösszetételeket: *jahândâr-šâh* ('világbíró király'); valamint a jelzős és a birtokos szerkezeteket: *šâh-e piruz(gar)* ('győzedelmes király'), *šâh-e nâmdâr* ('híres király'), *sazâvâr-e dârande-ye gâh* ('az udvar méltó tulajdonosa'), *šâh-e delir* ('bátor király'), *šahryâr-e jahân* ('uralkodója a világnak'), melyek kivétel nélkül Xosrow érényeit lajstomolják. A terjedelmesebb leírások – melyek rendszerint a šâh valamilyen konkrét szituációban való viselkedését szemléltetik – Xosrow újabb és újabb pozitív tulajdonságait világítják meg. Már rögtön a történet elején a következő olvasható: *be-âb-e vafâ ruye xod-râ be-šost* ('Arcát a hűség vizével mosta meg'). Az irán–turáni harcok győzedelmes királya a hűség vizével mossa meg arcát a nyitó jelenetben, előrevetítvén e képpel, hogy Xosrow nemcsak jó király, hanem alattvalói is számíthatnak rá, mint az majd a Bižannal történő események során be is bizonyosodik. Jellemrajzát tovább árnyalja a bajba kerültek, elesettek iránt érzett empátia. Az örmény küldöttség panaszának hatására szíve összeszorul *be-dard-e del andar be-picid šâh* ('A király szíve fájdalomba összeszorult'), és elszomorodik, mikor Giv fájdalmáról értesült *Ġami šod ze-dard-e del-e Giv šâh* ('Giv szívfájdalmától szomorú lett a király').

3.6. Giv, a *gozin-e sepâh* ('sereg kedveltje')

Giv szerepe jelen történetben az apai szeretet példázása. Ennek megfelelően az őt jellemző megnyilvánulások egyetlen kivétellel a fia, Bižan, elvesztése által okozott bánat mélységét írják le. Az említett kivétel a *gozin-e sepâh* ('sereg kedveltje') birtokos szerkezet, mely Giv harci érényeit emeli ki. Wolff szótárának tanúsága szerint a *Šâhnâme* egyéb epizódjaiban Giv leggyakrabban mint *Giv-e Godarz* 'Godarz fia Giv' és *Giv-e delir* 'bátor Giv' fordul elő (Wolff 1965: 744). Az első példa (*Giv-e Godarz*) egy leszármazást, rokoni kapcsolatot kifejező ezâfe-szerkezet, melyben a Giv mint Godarz fia kerül meghatározásra. E sablon igen sűrűn fordul elő az eposzban. Ha csak az elemzett fejezetet vizsgáljuk, akkor is számos példa hozható: *Bižan-e Giv*, *Gorgin-e Milâd* és még sorolhatnám. A másik (*Giv-e delir*) szintagma egy jelzős szerkezet, melyben Giv egy tulajdonsága, a bátorság kap hangsúlyt. De, mint említettem, jelen történetben Givvel kapcsolatban inkább bánatának és aggodásának szemléletes leírásait olvashatjuk, melyek túlnyomó többsége a narrátor megjegyzése, s ezen kívül a szöveg két pontján saját állapotáról vall Giv. Ez utóbbinak egyikének ismertetése és elemzése – párdúc-hasonlat – a dolgozat egy korábbi pontján sor került, így erre jelen ponton nem térek ki. Ugyanebben a jelenetben, mikor Giv Xosrow levelével megérkezik Rostamhoz, így jellemzi érzéseit Bižan apja:

konun âmadam bâ-deli por omid / do roxsâre zard-o do dide sapid

'Most reménytelen szívvel érkeztem / két sápadt orcával és két fehér (vak) szemmel'

A második mešrâc-ban leírt kép megszerkesztettségére kívánom felhívni a figyelmet, melyben Giv arról vall, milyen állapotban tette meg Rostamhoz az utat. A félsorban a testrészekre jellemző kettősség kihasználásával a párhuzamos szerkesztésre látunk jó példát, melyet tovább finomít, hogy a mindkét testrész jellemzésére egy színnév szolgál, mely érthető szó szerinti értelemben is, de a

megelőző főnévhez kapcsolva többletjelentésre tesz szert. Ennek fényében a *do roxsâre zard* a bánattól sápadt (sárga) arcra utal, a *do dide sapid* pedig a szomorúságtól megfakult szem képét idézi fel, mely szemben a boldog, csillogó tekintettel színtelen, fehér. Ugyanakkor megjegyzendő, hogy a *dide sapid* kifejezés jelentése 'vak' is lehet, s így a kép még komorabb jellemzése Giv lelki állapotának. Az iménti képpel szépen párhuzamba állítható az a narratori leírás, mely Giv reményteli örömét fejezi ki Rostammal való találkozásakor:

por az ârzu del por az rang ruy / nehâde ze-dide be-rox bar do juy

'A szív tele vággyal, az arc tele színnel / látványától az arcon két folyó lett'

A reménytelenségtől, kétségbeeséstől sápadt arcot (*do roxsâre zard*) Rostam segítségébe vetett hit színnel telivé, boldoggá varázsolja (*por az rang ruy*). S ez esetben Giv szeméből már nem az elkeseredés könnyei (*xun*) hullanak, hanem az öröm könnyeinek patakja lepi el arcát (*be-rox bar do juy*).

3.7. Afrâsiâb, a *šâh-e širgîr* ('oroszlánelkapó király')

A turáni király jellemzésére szolgáló megnyilatkozásokat érdemes két csoportra bontani, ugyanis a megnyilatkozó személyétől és Afrâsiâbhoz fűződő viszonyától függően pozitív, vagy negatív megítélésben részesül. A történet egyetlen szereplője szól elismerőleg róla, ez pedig nem más, mint Pirân, Afrâsiâb hadvezére. Megjegyzendő, hogy Pirân közbenjárásának köszönhető, hogy Bižan enyhébb büntetést kapott a tervezettnél, s nem akasztatta fel őt hirtelen haragjában Maniže apja. Pirân mint *xosro-parast* 'királytisztelő' van jellemezve a történetben, tehát annak ellenére, hogy az irániak ellensége, erényei elismerést nyernek. A fent idézett jelző (*šâh-e širgîr*) tehát Pirân szájából hangzik el. E jelzős szerkezetben figyelmet érdemel, hogy – mint arról korábban már szó volt – a *šîr* ('oroszlán') jellemzően Rostam attribútuma, kinek epitheton ornansa a *šîr-mard* ('oroszlánember'). Így a turáni hadvezér által használt jelző a mellett, hogy Afrâsiâb harci erényeit általánosságban dicséri, konkrétan utal az iráni sereget támogató Rostammal való szembehelyezkedésére, s a történet további alakulásának ismeretében a konkrét megütközésük eseményét is felidézi. Pirânnal szemben, aki királyát éleseszűnek és értelmesnek (*bâ-rây-o hoš*) is nevezi, ugyanezen monológjában, az iráni hősök szemében Afrâsiâb rossz fajtájú (*bad-gohar*) és becstelen (*bi-honar*). A szerzői intencióból fakadóan (ti. az iráni nép múltja nagyságának megéneklése a cél) a narrátor is ez utóbbi csoporthoz sorolható, tehát a narratori megjegyzések sem Afrâsiâb erényeit hangsúlyozzák, hanem inkább jellemhibáira mutatnak rá. Jól példázza ezt az a jelenet, mikor a turáni šâh fejvesztve menekül ellensége elől:

bi-afgand šamšîr-e hendi ze-dast / yeki asp-e âsudetar bar nešast

'Eldobta kezéből az ind kardot / s felült egy nyugodtabb lóra'

4. Összegzés és kitekintés

Dolgozatom célja annak bemutatása volt, hogy a klasszikus perzsa irodalom első nagy mestere nagyszabású munkájában milyen változatos eszközöket alkalmaz

története szereplőinek bemutatására. A vizsgálódásra egy különálló történetet választottam, melynek cselekménye a *Šâhnâme* egyéb részeinek ismerete nélkül is problémamentesen értelmezhető. Az egyes szereplők jellemét lefestő szövegrészletek elemzése nyomán megállapítható, hogy Ferdowsi igen gazdag eszköztárral rendelkezett e területen. Számos olyan szöveghely került bemutatásra, mely bravúros költői érzékről és gyakorlatról tanúskodik. A költői képek nem egy esetben egy leíráson belül bonyolultan összeszövődnek, egymásra épülnek; más-kor előre és vissza utalnak, mintegy párbeszédben állnak egymással. A kiválasztott szövegcsoport vizsgálata során feltűnt a szereplők jellemzésére gyakran használt összetett szavak változatos megszerkesztettsége, melynek részletes bemutatása szétfeszítette volna jelen dolgozat kereteit, de melyet egy következő tanulmányban érdemes lenne szisztematikusan megvizsgálni.

[Melléklet](#)

Források

- Mohl, Jules 2008: *Šâhnâme-ye Ferdowsi*, Tehrân, (1386).
Khalegi-Motlagh, Jalal 1988: *Abu'l-Qasem Ferdowsi The Shahnameh (Book of kings)*, Bibliotheca Persica, New York.
Wolff, Fritz 1965: *Glossar zu Firdosis Schahname*, Olms, Hildesheim.

Szakirodalom

- Frye, Northop 1975: *Cambridge History of Iran*. Volume 4. The Period from the Arab Invasion to the Saliuqs, Cambridge University Press, (elsősorban a 19. fejezet: The Rise of the New Persian Language).
Hillenbrand, Robert 2003: *Shahnama: the visual language of the Persian book of kings*, Visual Arts Research Institute, Edinburgh.
Melville, Charles 2006: *Shahnama studies*, University of Cambridge, Cambridge.
Mohl, Jules 1876: *Le Livre des Rois*, Imprimerie Nationale, Paris.
Rypka, Jan 1968: *History of Iranian Literature*, Reidel, Dordrecht-Holland.
Yarshater, Ehsan 1983: *Cambridge History of Iran*. Volume 3 (I). *The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods*, Cambridge University Press, Cambridge.
Yarshater, Ehsan 1999: *Encyclopaedia Iranica*, Volume IX., *Ferdowsi* szócikk, Columbia University, Bibliotheca Persica Press, New York.

[Lektorálta: Jeremiás Éva]

Kisebb közlemények

Gazdag Vilmos

AZ „ITTAS (RÉSZEG) EMBER” KÉPE A MAGYAR FRAZEOLÓGIZMUSOKBAN

1. Bevezetés

Ahogy azt Bańczerowski Janusz is megfogalmazta, „az adott nyelvközösségre jellemző világ nyelvi képében tükröződnek mindazon kultúrjelenségek, amelyek számára fontosak” (Bańczerowski 2008: 255). Ezt talán még érdemes azzal kiegészíteni, hogy a nyelvi képben tükröződhetnek a nép mindennapi életében rendszeresen előforduló jelenségek is, ilyen lehet például az ittas ember is.

Az ittasság természetesen nem tekinthető értéknek, de mindennapos jelenség. Általánosan elterjedt nézet az, hogy a magyar ember örömeiben és bánatában is inni szokott. E cselekvés tehát e szempontból meglehetősen fontos szereppel bír a nép körében. Erről tanúskodik az is, hogy a magyar frazeológiában igen nagy számban találkozhatunk az italozással és a különféle szeszes italokkal (elsősorban a borral) kapcsolatos szólásokkal és közmondásokkal.

Ugyanakkor az italoztatás gyakran csap át ivászatba, amelynek eredményeként az ember elveszítve az önkontrollt, úgymond lerészegedik. A részegség minden embernél más és más formában nyilvánul meg. Vannak, akik csak nehézkesen tudnak járni vagy kommunikálni, de akadnak olyanok is, akiknek az ital hatására „megoldódik” a nyelvük, s addig titkolt dolgokat is kifecsegenek. Az értelmező szótár a következőképpen definiálja a *részeg* állapotot: „Olyan ember, aki nagy mennyiségben fogyasztott szeszes ital hatására egy időre nem ura magának, s úgy viselkedik, ahogy józan állapotában nem szokott; erősen ittas.”

2. Az ittas (részeg) ember konceptualizációja a magyar frazeológizmusokban

A munka további részében azzal foglalkozom, hogyan jelenik meg a „részeg ember” alakja a régi magyar frazeológiai egységekben. (A frazeológiai egységeket az eredeti íráskép megtartásával közlöm.)

A közmondások és a szólások általában valamilyen dologhoz hasonlítják az ittas embert. A hasonlítás azonban kétféle módon történhet.

Egyrészt az ittas embert hasonlítjuk valamihez:

- valamilyen állathoz: *Kicsin ugyan a' csikó, de jól húz; Ez is többet ivott, mint a' veréb szokott; Tele húzta magát borral, mint jó pióca vérrel.*

- tartályhoz: *Sokat vesz ki emberbűl a' bor; Tele borral, mint a' spongyia vízzel.*
- helyhez: *El ázott a' malom kerék kövestűl.*
- népek képviselőihez: *Iszik: mint a' Bécsi Német; Iszik mint Berényi Török.*
- vízre szomszédos földdarabhoz: *Ihatnék: mint a' szomjú kert.*

Másrészt valamely testrész vagy szerv is lehet az összehasonlítás alapja. A közmondásokban a fej, a torok és a gyomor jelenik meg.

A fej:

- mint edény: *Tele a' feje.*
- mint hely(i)ség: *A' fölső várat meg vette a' bor; Megjárta fejét a budai török vér (borfajta); Fejébe ment (szállt) a' bor.*

A torok (garat):

- mint edény: *Fúrták faragták, még is torkát feneketlen hagyták; Torkig telt; Bor-sóval tele a' torka (ti. a hordó falán tapad meg a bor-só); Vásznon korsó a' torka, de lukas.*
- mint bő szárú lábbeli: *Csizma szár a' torka.*
- mint valamilyen állat: *Gödény a' torka; Talán a' gődénnek torkát béllelte ki.*
- mint országút: *Csinált út a' torka; Ország' úttya a' torka.*
- mint lyukas dolog: *Feneketlen torka, mint a' szabó gyűsző.*
- mint megköthető dolog: *Nem köt csomót gégégjén.*
- mint forró kemence: *Tégla égető kemence a' torka.*

A gyomor:

- mint edény: *Teli hordó.*
- mint vízre szomszédos földdarab: *Ecetes ágy a' gyomra.*

A legtöbb frazeologizmus a torokhoz kapcsolódik, ami érthető, hiszen ez az a szerv, amelyen keresztül az ital a szervezetbe jut, s hatást fejt ki a gyomorra és a fejre is. Így tehát a szervek szerepét akár két csoportra is oszthatjuk: a cselekvés alanya: a torok; a cselekvés hatásának elszenvedője: a fej és a gyomor.

A közmondások és szólások a hasonlításon kívül a részeg embert még számos eufemisztikus formában megfogalmazott jelzővel illetik, amelyek egyaránt utalnak az ember külső és belső tulajdonságaira is. Ezeket az azonosítás típusa alapján külön csoportokra bonthatjuk, ilyenek a külső és a belső jegyek.

2.1. Külső jegyek

A leggyakrabban az ittas embert a külső jegyek, azaz a testtartása alapján szokás azonosítani. Ennek egyik, s már messziről is jól látható, formája az ittas emberre leginkább jellemző **dülöngélő, tántorgó járás**: *Kettő helyett hármal lép; Nem bírja a lába; Nincs kormány a bornak (össze-vissza lépked); Nem előre, hanem hátra tántorog; Mind előre, mind hátra erősen támaszkodik; Ugyan tánto-*

rog ám Moharaj Uram; Addég iszik, még egy egyenest léphet Ehhez kapcsolódóan szokás az utca vagy a kapu kicsinységére való célozgatás is: *A' Bécsi kapun se tudna bé menni; A' széles úcca (utca) is keskeny*, ami természetesen szintén azzal magyarázható, hogy nem sikerül egyenesen járnia a részegnek.

A járással, pontosabban a járni tudás hiányával kapcsolatosak azok a közmondások, amelyekben az orr a földtúrás eszközévé válik: *Sokszor az orrával turkállya a' földet*. Ugyancsak fontos ismérv az efféle embereknél az erősen **lelógó** (*Csorgóra áll a kalapja; Úgy lógattya részeg fejét: hogy szinte elveszti; Féltre van a rúdja; Féltre tette kontyát*) vagy **himbálódozó fejtartás** is (*Dongó van a fülében.*). De nem csak a fej tartása utalhat az ember mámoros állapotára. Szokás a fej (vagy néha a haj) nehézségével is megindokolni a fejtartást: *Mázzás a haja (lehúzza a fejét); Nehezebb feje, mint fara*.

Az ittas ember másik fontos ismérve lehet az **üres (vagy üveges) tekintet, a zavaros szem**: *Pókhálós a szeme; Kettő helyett hármát lát; Köröszkül (keresztben) áll szeme; Szemeiből bor szikrákat hány; Szemeiből is ki teccik a' vörös bor*. De találunk olyan közmondást is, amely az ivás **végső határokig** elmenő voltára, vagyis a teljes lerészegedésre utal: *Addég iszik, még valakit lát*; ennek analógiás, de a járással kapcsolatos változata: *Addég iszik, még egy egyenest léphet*. A szem egyes esetekben elárulhatja az egyén ital utáni vágyát is: *Szemével is iszik*.

Bizonyos közmondásokban fontos szerepet kap a bor megszűrésére szolgáló **fogazat** is: *Annyit ivott: hogy foga is ki ázott; Sokat szűrt a' foga közt*. Az **arcszín** is több közmondásban szerepel az ittas ember azonosításának eszközeként: *Ki verte orcáját Sz. Antal' tüze; Vörös fót az orcája; Délben is éjszaki hajnal az orcája*.

2.2. Mentális képességek

Az ittas állapotra nem csupán a testi jegyek megváltozása utal, **az ember mentális képességei** is jelentősen **megváltoznak**: *Azt se tudgya: fiú é? vagy pedig leány; Nincs oly bölcs, kit a bor meg nem bolondít*. Idesorolhatjuk azokat a frazeológiai egységeket is, amelyek **e képességek elvesztésére** utalnak: *Elállott az esze; Bor gazda fért az eszéhez; A' sok húzásban ki állott esze*. Találunk olyan közmondást is, amely a részeg ember értelmi képességeit valamely más nemzet tagjához való beszéd segítségével illusztrálja, ahol az eltérő nyelvek használata megakadályozza a kommunikációs szituáció sikeres létrejöttét: *Akár a' részeg Németnek beszélly*.

2.3. Beszédbeli sajátosságok

Az ittas ember egyik legjellemzőbb beszédbeli sajátossága az **érthetetlen** vagy csak nehezen érthető **dadogó, habogó beszéd**, amire a közmondások körében is találhatunk példákat: *Úgy habarja a' szavakat, hogy alig érthetni; Aprózza immár a' szavakat; Nem is beszél, hanem hóbög; Szaporán ejti egymás után a' szavakat; Nem érteni: Törökül beszél é? vagy Tatárul; Nehéz a nyelve*. Számos közmondás utal arra is, hogy a részeg ember könnyen **kifecseg** addig **titkolt**

dolgokat: *Ha nem tudod, ki fia, adj innia, majd megmondja, ki fia; Nincs a bor-nak titka; Hol a' poharak csúsznak, a' titkok sikámlanak; Ha titkot akarsz kitanulni, jártasd a boroskorsót; Midőn a' bort nyeli, semmi akadály a' torkán.* Tabuk nélkül **megmondja az igazat:** *Borban az igazság; Józan a' mit gondol, részeg arról csahol; Sokat tud ám a' bor; Gyermek, részeg, bolond mondgyák az igazat; Nehéz a' részegnek szájára lakatot vetni.*

E csoporthoz kapcsolódhatnak azok a közmondások is, amelyek arról tanúskodnak, hogy a részeg ember **az italért cserébe bármit képes megtenni**, megtadja akár saját szüleit is: *Csak innia adgy, apját is el tagadgya; Pogány lesz egy kupa borért.* Ugyanakkor találunk olyan közmondást is, amely arra utal, hogy az ilyen állapotban lévő ember **beszéde nem tükrözi a valóságot:** *A' bor szóll belőlle; így értelmetlen veszekedni vele*, ugyanis: *Ki a' részeggel veszekszik, nem az ott'hon valóval veszekszik.*

2.4. Cselekedetek

A frazeológiai egységek az ittas embert gyakran **a kocsmák alapos ismeretével:** *Tudgya: melyik korcsmán árúlyák a' jó bort;* vagy az azokat reklámozó **hirdetőtábláknak szentelt figyelemmel** jellemzik: *Minden cégérhez köszön csulaj; Hamarébb köszön a' cégérnek, mint az embernek.* A cégérek ismeretével néha utalnak a jellemző tartózkodási helyre is: *Idején reggel bé köszön a' csap-székbe; Inkább szereti a' kocsmát, mint a' vendég fogadót; Jobban ösmeri a' cégéretet, mint a' körösztoket, azaz Többet jár a' korcsmába, mint a' templomba; A' korcsmában lakik.*

Arra vonatkozólag is találunk közmondásokat, hogy a részegyet érdemes békén hagyni, **nem kell útját állni:** *Részeg ember előtt mi Urunk is ki tért; Részeg ember előtt terhes szekér ki tér.* A közmondások egy részében arról is szó van, hogy **az ittas állapotban elkövetett dolgokat józanon is el kell fogadni**, és vállalni kell értük a felelősséget: *Nehéz józanon viszzá adni annak az embernek orrát, melyet részeg korában el harapott valaki; Ki részegen lop, akadgyon fel józanon.*

A frazeológiai egységekben megjelenik **az alváshoz és a felkeléshez való viszony** is: *Ha éjjel jön is, ki nem tér a' bor elől; A' részeg későn virrad, hamar alkonyodik; Idején reggel bé köszön a' csap székbe.* E csoporthoz sorolhatjuk azokat a frazeológiai egységeket, amelyekben **mások álmát zavarja meg** az inni akaró egyén: *Nem szánnya föl költeni a' csaplárost.*

A közmondások sok esetben a **félelemmel** (*Fél a' méregtűl; Nem irtózik más pokoltűl, hanem: ahhol ki nem kötik a' cégért; Fél a' vízi kórságtűl; A' leg frissebb víznek szagátűl is irtózik*) vagy a **félelem hiányával** ábrázolják az ittas embert (*Nem fél a' vízi betegségűl*). Történhet a jellemzés **valamilyen dolog (általában a víz) ismeretének hiányán** keresztül is: *Azt se tudgya mi a' víz.* Az **állandó ivászatot** (*Reggel kezdi az italt, este nem végzi; Tízszer is ki józanodik estig; Gyermekségétűl fogva ki nem józanodott*) gyakran a **mindennapi ünnepléssel** hozzák kapcsolatba (*Nálla mindennap csikókat billegzenek; Néki mindennap Dömötör napja vagyon*).

Néha a **fürdés** szimbólumát használják az ilyen ember azonosítására, ahol az italt a **fürdővízzel** azonosítják. Erre utalnak a következő közmondások: *Első fürdőjét is borból készítették; Ha borba feresztenék, bőre is el inná a' bort; Borral mosdik, kolbászszal törülködik.*

Némely közmondás arra utal, hogy a **kocsmázás miatt szegényedik el** az ember: *Van annak, a' ki meg nem iszsza; Ha ruhája rongyos, kocsmában vette a' posztót; Pénzzét, esztét a' kocsmában hagyta; Minden adóssága a' kocsmákon vagyon; Nemes levelét is bé itta.* Gyakori az is, amikor a **származás** ad magyarázatot az adott egyén effajta cselekedeteire: *Borbéski Uraságtúl származott; Apja se töltötte a' bocskorába a' bort.*

2.5. A megivott ital mennyisége

Számos olyan közmondást is találni, amelyben a megivott ital (általában bor) mennyisége képezi az összehasonlítás alapját: *Száz malmot hajtana el az a' bor, melyet életében le eresztett torkán; Egy ice gyomrában, kanál víz a' tengerben; Két pint bor alig ásztattya meg torkát; Mi lehet torkának a' Budai szőlő?*

3. Összegzés

A részegség és maga az ittas (részeg) ember sem képvisel pozitív értéket, ám mindennapos előfordulása révén a frazeológiai egységek igen jelentős része foglalkozik ezek eufemisztikus megjelenítésével. A magyar frazeológiai egységek (közmondások és szólások) a részeg embert vagy valamihez (általában valamilyen állathoz, tartályhoz, helyiséghez) hasonlítják, vagy bizonyos az ivászathoz nélkülözhetetlen testrészük (fej, torok, garat, gyomor), illetve külső testi jegyeik (járás, fejtartás stb.), mentális képességeik, beszédbeli sajátosságaik és cselekedeteik vagy éppen a megivott ital mennyisége alapján azonosítják.

Források

- Margalits Ede 1896: Magyar közmondások és közmondásszerű szólások. In: Régi magyar szólások és közmondások [elektronikus dok.] Budapest: Arcanum, 2004
- O. Nagy Gábor 1985: Magyar szólások és közmondások. 4. kiadás. Budapest: Gondolat.
- Dugonics András 1820: Magyar példa beszédek és jeles mondások Szeged. In: Régi magyar szólások és közmondások [elektronikus dok.] Budapest: Arcanum, 2004.
- Erdélyi János 1851: Magyar közmondások könyve. Pest. In: Régi magyar szólások és közmondások [elektronikus dok.] Budapest: Arcanum, 2004.
- Sirisaka Andor 1891 Magyar közmondások könyve. Pécs. In: Régi magyar szólások és közmondások [elektronikus dok.] Budapest: Arcanum, 2004.

Szakirodalom

- Bárczi Géza – Ország László 1959–1962: A magyar nyelv értelmező szótára I–VII. (= ÉrtSz). Első kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Bañcerowski Janusz 2008: A világ nyelvi képe. A világkép mint a valóság metaképe a nyelvben és a nyelvhasználatban. Budapest: Tinta Könyvkiadó.

Lektorálta: Bañcerowski Janusz

Recenziók

Mátyás Bánhegyi**LYNNE BOWKER:
COMPUTER AIDED TRANSLATION TECHNOLOGY:
A PRACTICAL INTRODUCTION**

Ottawa: University of Ottawa Press. 2002, 185 pp. ISBN 0-7766-0538-0

Some deem it a sad fact, whereas others welcome the new development that translation is getting increasingly computerised and computer aided. Like it or not, computerised translation tools are inevitably involved in almost all fields of translation. While computerisation may result in ready-made, prefabricated texts appearing in several target texts, it may also largely contribute to the facilitation of the job of translators. In her book entitled *Computer Aided Translation Technology: A Practical Introduction*, Lynne Bowker, assistant professor in translation at the University of Ottawa and the author of numerous books and articles on corpora, computer assisted translation technology and terminology, sets out to explore computer aided translation technology in depth and to describe the ways such technology can help the translation process and the daily work of translators.

In altogether seven chapters, the volume offers a practical guide to computer aided translation technology currently available in the global market. After the introductory chapter (Chapter 0), which specifies the purpose and the audience and describes the contents of the book, Chapters 1-6 detail six different aspects of computer technology used in translation. Chapter 1 entitled *Why Do Translators Need to Learn about Technology?* justifies the use of computers in the translation process, Chapter 2 *Capturing Data in Electronic Form* discusses the methods and processes of digitalising data necessary for the translation process. Chapter 3 entitled *Corpora and Corpus-Analysis Tools* describes in what ways and for what purposes corpora can be used to aid the translation process, while Chapter 4, *Terminology-Management Systems*, explains how terminology can be safely retrieved and managed with the help of computer applications. Chapter 5, *Translation-Memory Systems*, presents the use of translation

memories in the translation process, and Chapter 6, *Other New Technologies and Emerging Trends*, discusses the effects computerisation has or is likely to have on translation. Below, Chapters 1-6 are described in more detail.

Chapter 1 presents the global translation market. It explains the use of computerised technologies with the fact that increasing volumes of translation are requested to be done within ever decreasing periods of time. Exploring the literature, Bowker notes that translators and translation companies are not as knowledgeable about computer technologies as they could and should be: this might well hinder the competitiveness of freelance translators and companies alike as the practical skills associated with computer technologies are completely essential in the translation business. On the other hand, Bowker notes that, from the point of view translation research, computer aided translation tools yield data for empirical translation research, such as the analysis of the impacts of technology on translation practice and pedagogy. Therefore, the computerisation of translation may potentially contribute to the emergence of new prolific research areas in Translation Studies.

Chapter 2 demonstrates a translation commission where the document to be translated is not in an electronically readable format, which requires that it be either scanned by a scanning and optical-character recognition software or be read out loud and recognised by a voice recognition software for further processing in a machine-readable form (e.g. translating the text using a word processor). The chapter describes working with both the optical-character recognition and the voice recognition software in detail and outlines tips, benefits and disadvantages including body part strain, time, quality and economic aspects associated with the use of these two software applications. As the data generated by optical-character recognition or voice recognition software are not compatible with all software applications commonly used by translators, they often have to use filters and file converters to make the data generated this way usable for other applications. Nevertheless, during file conversion some of the data, the formatting of the document or other information may be lost. The most frequent of these problems are listed in the book in order to familiarise users with the potential errors and to enable them combat these problems through careful document editing prior to starting the actual translation of these documents.

Chapter 3 reviews the different corpora used in the translation business and working with corpora. Bowker differentiates between two corpora: printed corpora (i.e. a collection of paper-based documents) and electronic corpora. The latter is subdivided into monolingual, monolingual comparable, aligned bilingual parallel and non-aligned bilingual comparable corpora. All of these corpora can be processed with the help of electronic corpus analysis tools and can be classified as raw (with no annotation) or annotated corpora (with additional information about the words in the corpus). In what follows, corpus analysis tools and working with annotation will be presented in more detail.

Through the use of corpus analysis tools, the information contained in the corpus can be accessed, manipulated and displayed. Such tools include the production of word-frequency lists, the use of concordancers and collocation generators. Word frequency shows how many different words there are in a given corpus and how often each word appears. To facilitate working with corpora, word frequency lists can be sorted in order of appearance, alphabetical order or the order of frequency of the words appearing in the corpus. Apart from simple lists of words, lemmatised lists and stop lists can also be produced with software applications. Two useful options in producing lists are obtaining lemmatised and stop lists. Lemmatised queries provide lists in which related word forms (such as *translate*, *translates*, *translated*, etc.) are grouped together and the number of the different word forms are also counted, whereas stop lists are lists in which certain words (e.g. grammatical words such as *is*, *are*, etc.) are ignored in the lists produced by the software. These diverse lists allow for different uses by translators, speeding up or increasing the quality of target texts.

Also used with corpora, concordancers provide all occurrences of a search pattern (e.g. the search string *the text*) and its immediate context. Concordancers can be of two types: monolingual and bilingual. This means that the string in question can be searched for in either the source or the target language text or, if the source and the target texts have been aligned previously, the string searched for in either the source or the target texts will be displayed along with its corresponding source or target language realisation, respectively. This provides translators with valuable search results. Another practical tool with corpora, the collocation generator, on the other hand, determines if two words collocate by comparing the actual co-occurrence patterns of pairs of words against the patterns that would have been expected if the two words were randomly distributed throughout the text. The software can even find collocations whose contributing words do not appear side by side but are separated by intervening words. This search may improve the style and accuracy of translations.

Linguistic annotation is another advantage of working with corpora. Linguistic annotation can be of two kinds: syntactic and semantic annotation. The former can define the part of speech and/or other grammatical qualities of words (singular, plural, etc.), while semantic annotation is used for distinguishing between different meanings of words. Both of these options allow for relatively narrow and specific searches in the corpora suited to the needs of the translator. Apart from linguistic annotation, non-linguistic annotation (e.g. categorising parts of texts as *title*, *subtitle*, *headlines*, etc.) can also be processed with these applications, which enable non-linguistic searches in the corpora, such as finding all headlines containing the word e.g. *railroad*, etc.

Even if building corpora demands a lot of hard work and careful consideration including assessing the availability of, and copyright issues associated with, the texts to be included, the effort pays off as translators can thus have access to information with the help of more accurate and reliable text construction and terminology management becomes possible.

The next chapter of the book, Chapter 4 deals with terminology management systems, which provide a reliable and flexible electronic bank for storing, consolidating and retrieving terminology-related information. These applications host terminological information in a concept-oriented way, allowing for terminology management in a number of translation directions. Such software does not only facilitate consistency in the use of terminology but also enables users to define and format their own data fields thereby increasing translators' efficiency.

As for the most common services offered by terminology management systems, Bowker refers to wildcard search, fuzzy match, active term recognition, pre-translation and term extraction. These functions are capable of completing a number of tasks. Wildcard search allows the user to find words which consist of certain specified characters and certain non-specific ones such as the search string *char**, where the asterisk represents any character or string of characters. Fuzzy match search turns out similar but not necessarily exact matches of items requested by the user. Such near matches are capable of looking up morphological variants of words (different word forms) or words with similar spellings.

Through active term recognition, terms in the source text are identified and are compared against the contents of an already existing term base. If a match is found, the target language term is offered for the translator for inclusion in the target text. Pre-translation, on the other hand, is similar to active term recognition in a way that it automatically identifies terms in the source text and inserts their equivalents in the target text thereby creating a hybrid texts made up of terms in the target language and the rest of the text in the source language. The translator post edits the hybrid text thus producing the translation.

The last service of terminology management systems discussed in the book, term extraction or term recognition, is a monolingual tool that analyses the source text in order to identify possible technical terms of one or more words long with a view to facilitating the creation of a term base by the translator. This service works either on a linguistic or on a statistical basis: it either looks up certain linguistic constructions likely to be terms or looks up strings that, due to their repeated occurrence in the text, are likely to be technical terms. It must, at the same time, be noted that terminology management systems are often used in computer networks to share data between the client and the translator or several translators. The book also outlines the advantages and drawbacks of the different technical solutions applied for sharing terminology management system data and offers possible solutions to these problems.

Chapter 5 expounds on translation memories, which align source and target texts and store the aligned segments (usually source and target language sentences) in a database from which information is retrievable. A translation memory compares a currently translated source text segment against the translation memory database and, if a match is found, it offers a translation of the segment

in question. It follows from this that translation memories allow translators to reuse previously aligned segments and to obtain information about such segments and/or parts of these segments.

In fact, in translation memories, segment matching works at different levels and provides exact matches, full matches, fuzzy matches, term matches and sub-segment matches as results. An exact or perfect match is generated if a segment stored in a translation memory is 100% identical with the currently translated segment. The translator can either reuse the target text offered by the translation memory without effecting any changes or can alter the target text according to the actual needs. In the case of a full match, a segment differs from the segment stored in the translation memory only in variable elements, also called placeables or named entities (i.e. numbers, dates, times, currencies, measurements and proper names). Similarly, a fuzzy match is produced by the translation memory if the segment in the translation memory is similar to the currently translated segment but there is no 100% similarity. In this case, the differences between the segments in question are highlighted on the screen. How similar the two segments have to be for the translation memory to give a match can be adjusted by the user.

Another type of segment matching, term match is the matching of a word or a phrase with the information stored in the term base of the translation memory. The term match enables translators to more accurately manage terminology. Lastly, in the case of a sub-segment match, matching of a string of text is compared below the level of a segment: at the level of chunks (phrases, clauses, etc.). This newly introduced option may provide translators with useful suggestions as to better quality target texts. It is very important to note, nonetheless, that matching algorithms used to turn out the above kinds of matches are not without their shortcomings, which always necessitates human intervention for producing the final version of the target language text.

Another factor to consider when using a translation memory is the fact that too big a translation memory may offer several suggestions as to the translation of segments but can slow down work. A too small translation memory, at the same time, may not be able to turn out a lot of matches but works considerably faster. Users of translation memories have to make decisions concerning the size of their translation memories to most effectively manage their translation commissions.

In fact, translation memories are created by users. There are two ways of creating translation memories with the help of translation software: by way of interactive translation (building the translation memory while working on a translation assignment) and by post-translation alignment (a previously translated target text is aligned with its source text sentence by sentence, usually automatically, with minimal but usually necessary human intervention). Both of these ways of building a translation memory have their advantages and drawbacks to consider by the (future) user of the translation memory. A translation memory created through interactive translation is of higher quality, is

more reliable but takes longer time to produce, whereas post-translation alignment produces a lower quality and less reliable translation memory, which needs to be carefully reviewed by future users for accuracy.

Another factor to consider in connection with the potential use of translation memories is that not all texts are suitable for processing with translation memories. Texts that are suitable for such processing are ones that contain internal repetitions (i.e. repetitions within the text to be translated), are revisions of previous texts (i.e. amended versions of earlier texts) or updates (i.e. the client makes changes to the text while the translation is being done). On the other hand, the use of translation memories, through their function of standardising target texts, could also be advantageous if the translator works for the same client, who has express wishes concerning the terminology to be used and has stylistic preferences.

Finally, Chapter 5 discusses the benefits and drawbacks of using translation memories concerning the time invested, the quality of translation work produced, the electronic management of files and payment-related issues. The chapter also raises the theme of using other computer software in conjunction with translation memories and discusses translators' economic considerations of purchasing a translation memory.

Chapter 6 briefly addresses the future of translation software and claims that translation is in fact increasingly seen as one part of the document-production process rather than being treated as a separate activity. This offers advantages for the translator and the client alike. One marked benefit could be the translator's and the document producer's closer cooperation on writing standards and guidelines concerning text production, which can greatly improve the quality of the resulting texts.

In her closing remarks, Bowker predicts that new types of translation commission (e.g. web page translation, etc.) will prompt new developments in translation technology (e.g. software that is capable of separating the text to be translated from tags in HTML format). These and other future or current developments are likely to include the integration of several translation tools into one software and such software will most probably support more languages and file formats than in the past. It should not be forgotten, nonetheless, that users (i.e. practising translators and translator trainees) must be properly trained to be able to use computer aided translation tools and that software developers should ideally work hand in hand with translator training institutions so that newer releases of translation software are capable of offering improved services, which can meet the challenges posed by contemporary translation commissions. Translation software development and the pedagogical issues related to it are a new research direction, which, in our understanding, has not yet been given the status it deserves in Translation Studies.

In conclusion, the volume described above provides an extensive, easy-to-follow and practical introduction to present-day computer technology used in

translation. The book is a real eye-opener for both beginner and expert users of computer aided translation technology and translation educators alike. It comes with a complete list of further readings at the end of each chapter, a glossary, a list of commercially available computer aided translation tools and a list of references.

Az év szakdolgozata

Ангела Борбей

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Предисловие

Данная работа посвящена исследованию следующей темы: «Изучение польского языка на основе русского языка – фонетические правила в русско-польских лексических параллелях в зеркале историко-лингвистических процессов, главные грамматические сходства и различия между двумя языками».

В этой работе я планирую проанализировать, в первую очередь, взаимосвязи между лексикой польского и русского языков, соответствующие по каким-либо критериям одинаковым правилам, т.е. встречающиеся в большом количестве слов при наличии таких же, или внешне таких же условий. В то же время, цель работы – показать изучающим тот или иной язык, с помощью каких знаний может упрощаться процесс обучения и преодоление ими языкового барьера.

Учащиеся постепенно обнаруживают основные закономерности, по которым эти два языка подобны. Сначала это слова с таким же звуковым рядом в обоих языках, что помогает догадаться о значении слов, потом это подобные по определенным свойствам слова. Со временем становится легче признать, что между двумя языками существуют значимые соответствия. Эти правила представляют собой параллельные, в ряде случаев фонетические отношения, возникшие в ходе формирования отдельных славянских языков.

В современных славянских языках эти правила касаются не только тех слов, которые до сих пор сохранили одинаковые значения. Настоящую сложность могут представлять собой те выражения, которые, вопреки подобному звучанию, в настоящее время имеют различное лексическое значение в одном из двух языков. Они могут иметь частично или полностью разные значения, а в редких случаях могут являться даже антонимами друг другу. Т.е. некоторые слова, хотя они и подобны, теперь свидетельствуют о различиях семантического содержания (например, русск. *диван* – *кушетка*, пол. *dywan* – *ковер*). Русский и польский языки восходят к праславянскому языку, бывшей колыбели восточно-, западно-, и южнославянских языков, запас слов которых стал различаться не только по составу, но также благодаря постоянно действующему фонетическому развитию.

По мнению Фердинанда де Соссюра¹ – который неоднократно приводил примеры для явлений, касающихся языкознания, из шахмат – любой синхронический языковой анализ (анализ исследуемого языка на данный момент времени) можно совершить без учета истории. Если мы входим в комнату, где как раз играют в шахматы, мы узнаем положение игры по расположению фигур на доске. В противовес, по мнению многочисленных лингвистов не должно существовать барьеров между синхроническим и диахроническим методом (в последнем случае исследуемый язык является беспрерывно изменяющейся областью)².

Итак, я намерена представить взаимосвязь между польским и русским языками не без учета исторического языкознания. В каждой главе, чтобы поддержать свои утверждения, я буду представлять один из аспектов основных явлений, образующих языковые параллели. Качественным сравнением (*tertium comparationis*)³ польского и русского языков будет праславянский язык. Я намерена убедить читателя в том, что овладение важнейшими аспектами этих явлений может способствовать процессу обучения языку, и доказать то, что концентрация внимания учащихся на русско-польские языковые параллели (по крайней мере, на результаты развития языков), может позволить им изучать иностранный язык с кардинально новой точки зрения.

За теоретическими исследованиями последуют практические примеры и общий вывод. По ходу моей дипломной работы я создам словарь слов, между которыми наблюдается хотя бы одно из исследуемых отношений. Конечно, мой словарь не будет первым выработанным материалом, дающим нам знать о существовании упомянутых корреляций между двумя языками. В одной из таких работ⁴ в первую очередь принесены такие выражения, которые, хотя совпадают, или почти совпадают по звучанию, никак не могут явиться словарными статьями, так как они не образуют пары по одинаковому значению. Они называются межъязыковыми омонимы и паронимами. Автор в своём словаре определяет значение русских и польских заголовочных слов с помощью синонимов и приведенных примеров в нескольких предложениях. Однако он не обращает внимания на фонетические различия, хотя это также является важным аспектом, который мы должны учитывать. Он создал словарь так называемых «ложных друзей переводчика», так как человек, переводящий текст с исходного языка на целевой, из-за таких омонимов/паронимов может совершить много ошибок. Подобные ситуации часто встречаются и просто при использовании языка, когда выбираемый эквивалент, верный как казалось бы по звучанию, не всегда подходит по значению.

¹ Фердинанд де Соссюр (1857-1913), швейцарский лингвист, создатель структурализма.

² H. Tóth Imre: *Bevezetés a szláv nyelvtudományba*. Szeged, 1996, 9.

³ Zmarzer, Wanda: *Podstawy analizy konfrontatywnej języków pokrewnych*. Warszawa, 1992, 25.

⁴ Kusal, K: *Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych / Русско-польский словарь межъязыковых омонимов*. Wrocław, 2002.

По такому словарю «ложных друзей» особые фонетические законы и происходившие изменения в значении слов уже могли бы быть определены. Но все-таки чтобы установить их, я предпочла не использовать настольный словарь. В основе моей работы лежит доступная для всех словарная программа⁵. Принципы выработаны с помощью компьютерных программ (Microsoft Word, Excel, применение команд и алгоритмов DOS); они хороши тем, что с их помощью становится возможным работать одновременно над большим количеством слов, и процесс нахождения слов одинакового написания упрощается.

Большую роль при создании данной работы сыграли мои эмпирические наблюдения и исследования, а также синтез исследовательских результатов знаменитых лингвистов, изучающих историю русского и польского языков по отдельности.

Надо отметить, что, в основном, я работаю над решением подобия слов по письменным признакам, а не по произношению. Трудно дать верное сравнительное описание характеристики польского и русского языков по фонологии. В польском языке нет такой значимой редукции гласных в безударной позиции, как в русском языке. Если бы я работала, учитывая произношение, в моем словаре не стало бы статьи *woda* – *вода*. Другой причиной отказа от фонологического анализа, помимо прочих, является оглушение звонких согласных в польском языке. Их оглушение происходит не только перед глухими согласными, но, в случае *w* и *rz* [ż] и *ż* [ż], даже после глухих согласных⁶. Как, например, в слове *łatwo* – *łat*[f]o (легко). Это связано с тем, что письменная сторона языка медленнее изменяется, чем устная, и легче подвергается сравнению.

Чтобы я объективно могла говорить об одинаковом написании двух языков, конечно, мне пришлось, в первую очередь, совершить транслитерацию кириллицы. Таким образом, я получила русские заголовочные слова, написанные латиницей. После этого, я сделала изменения и над польскими словами, и в конце всего этого процесса появились списки слов из двух языков, написанные одними и теми же буквами третьего варианта алфавита⁷.

Существует несколько таблиц транслитерации кириллицы, и есть один официальный стандарт для транслитерации кириллицы в латиницу (ISO 9 : 1995⁸). Мы знаем таблицы транскрипции, но, с одной стороны, в разных языках имеются различные правила произношения, и поэтому их нельзя применять в данной работе, с другой стороны, мы теперь должны заменить одну букву только одной другой буквой.

⁵ Wawrzyńczyk, Jan (red.): *Wielki słownik rosyjski PWN*. Wersja: 1. Wydawnictwo Naukowe PWN SA. [CD]

⁶ Benni, Tytus: *Fonetyka opisowa języka polskiego*. Wrocław 1959, 42.

⁷ В дальнейшем, в работе, все русские и польские слова с орфографическим написанием будут писаться *курсивом*, элементы, написаны по произношению, будут писаться [в скобках], а те слова, которые я получила путем транслитерации, **курсивом и жирным шрифтом**.

⁸ ISO – Международная организация по стандартизации (International Organization for Standardization).

В связи с выше упомянутым стандартом, перед нами появляется новая проблема, а именно то, что в нем появляются такие буквы, которых из-за компьютерных барьеров нельзя использовать одновременно. Мы бы не могли их удачно использовать в одном и том же текстовом файле. Для преодоления этой проблемы создан собственный алфавит для транслитерации кириллицы, который удовлетворяет всем требованиям при работе над текстовым файлом (см. Приложение). После завершения транслитерации кириллицы, я стала работать над изменением списка польских слов. Дело на этом этапе становится интересным. Что такие лексические параллели? Что это за правила, по которым говорящий по-русски может отгадать значение даже такого еще незнакомого польского слова, которое, на первый взгляд, не является похожим ни на одно русское слово? Об этом я буду писать в следующих главах.

Эффект языковых воздействий

В любой среде, где человек одного языкового общества входит в контакт с представителем второго языка, происходит ли это во время общения за границей, или же в такой искусственной сфере, как языковые занятия, может возникнуть проблема интерференции между языками. Она происходит внутри человека, которому приходится адаптироваться к возможным различиям между языками.

В том случае, когда человек переносит свойства одного языка на другой, хотя в систему этого второго языка они не «вклеиваемые», возникает такое явление, как так называемый *негативный трансферт*⁹, то значит *перенос навыков*, неподходящих второму языку. Значит, освоенное умение и межъязыковая разница препятствуют употреблению или овладению новым языковым элементом. Но – особенно в случае родственных языков, обилующих межъязыковыми тождествами – возможно и то, что родной язык (или язык, которым человек хорошо владеет) помогает выразиться на другом языке, и говорящий, без проблем, может перенести свойства одного языка на другой, так как они совпадают. Это и есть *позитивный трансферт*, то есть удачная адаптация свойств исходного языка ко второму языку при *позитивном переносе навыков*.

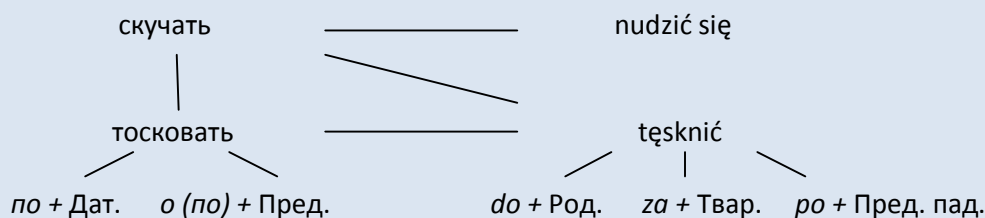
Позитивные и негативные трансферты влияют на лексику, на морфологию, на синтаксис, и т. д. Для венгров понять то, что славянские языки характеризуются категорией рода, труднее, и это занимает у них больше времени, чем у русских, изучающих польский язык или, наоборот, у польских, изучающих русский язык. Для них это естественно и здесь имеем дело с позитивным переносом. Однако, имеются некоторые существительные, род которых не совпадает в русском и в польском языках. Наблюдается несоответствие родов существительных, подобных по звучанию: слова женского рода *terrassa, программа, медаль* и эквиваленты польского языка, принадлежащие мужскому роду *taras, program, medal*.

⁹ Harczuk, Zenon: *Interferencja języka polskiego w procesie nauczania języka rosyjskiego*. Warszawa, 1972, 10-15.

С одной стороны, мы имеем дело с позитивным трансфертом, так как не трудно догадаться о значении этих выражений, но с другой стороны, негативный трансферт тормозит правильное склонение этих слов учащимися.

Нередко глаголы в польском языке управляют другим падежом или употребляются с другим предлогом, нежели эквивалентные им русские варианты. Одно из значений русского глагола *скучать*: «Болезненно переживать отсутствие кого-л., чего-л.; тосковать» (Толковый словарь Ожегова). Это определение является подобным к толкованию глагола *тосковать*, с добавлением того, что слово *тосковать* имеет значение некоего более глубокого чувства: «Испытывать тоску, томиться тоской. Тосковать в одиночестве.... Сильно скучать» (Ожегов). То есть тоска сильнее скуки. Тоска как бы выше скуки. В польском языке в значении «ощущения неприятного состояния по поводу недостатка, отсутствия чего-нибудь» может выступать только глагол *tęsknić*. Эквивалент глаголу *скучать* в первом значении («Испытывать скуку... от безделья») может быть польское выражение *nudzić się*. Итак глагол *tęsknić* соответствует обоим русским глаголам, которые управляют двумя падежами: *скучать/тосковать по кому-л./чему-л.* (предлог *по* + дательный падеж), *о (по) ком-л./чем-л.* (предлог *о (по)* + предложный падеж). Само польское *tęsknić* управляет тремя падежами и употребляется с разными предлогами: *tęsknić do kogo/czego* (предлог *do* + родительный падеж), *za kim/czym* (предлог *za* + творительный падеж) и *po kim/czym* (предлог *po* + предложный падеж).¹⁰

Отношения между этими глаголами ниже изображены:

Более простым примером на расхождение падежных форм между глаголами двух языков может стать русский глагол *слушать*, управляющий винительным падежом (*слушать музыку*) и эквивалентный ему польский глагол *śluchać*, управляющий родительным падежом (*śluchać muzyki*).

Межъязыковые различия и тождества проникают во все слои грамматики, и между ними мы должны суметь разобраться. Что из этого всего будет действительно для нас самым важным – так это лексические сходства и различия и их причины. На занятиях по какому-либо языку необходимо уделять большое внимание несоответствиям между языками, при этом подчеркивая их сходства. Учитель должен обратить внимание студентов на тот факт, что обучение новому языку может быть разумным процессом.

¹⁰ Повод анализа – Siatkowski, Stanisław: *Założenia językoznawstwa konfrontatywnego*. In: *Nauczanie języka rosyjskiego a językoznawstwo i psychologia*. Warszawa, 1976, 281-307.

В следующей таблице приведены примеры на позитивный и негативный трансферты в разных областях грамматики:

Сфера	Позитивный трансферт	Негативный трансферт
Категория рода	<i>kot</i> (м. р.) – <i>kot</i> (м. р.)	<i>programma</i> (ж. р.) – <i>program</i> (м. р.)
Управление	<i>igрать</i> (во что?) – <i>grać</i> (во что?)	<i>учиться</i> (чему?) – <i>uczyć się</i> (чего?)
Фонетика	ж (твердое) – ż (твердое)	л (мягкое) – ł (твердое)
Выражение категории времени	<i>будет читать</i> – <i>będzie czytać</i>	<i>будет читать</i> – <i>będzie czytał</i>
Предлог	<i>для</i> – <i>dla</i>	<i>до</i> – <i>do</i> + род. падеж (русск. в + вин. падеж)
Категория одушевленности – неодушевленности	русск. <i>отца</i> – пол. <i>ojca</i> (единственное число, винительный падеж от <i>отец</i> – <i>ojciec</i>)	русск. <i>мам</i> – пол. <i>taty</i> (множественное число, винительный падеж от <i>мама</i> – <i>tata</i>)

В первой главе данной работы я остановилась на том, что совершила транслитерацию кириллицы. На этом этапе можно начать анализ лексики.

Глобальные изменения

После транслитерации мы получили русские слова нового написания: **tablica** (таблица), **pačka** (пачка), **tětâ** (тётя), **burâ** (буря), **krutit' sâ** (крутиться). Дело с польскими словами, оказывается, труднее. Нам хорошо известно, что фонетические изменения происходят в языках не изолированно, а обусловлены многими факторами – в первую очередь, качеством соседствующих звуков. Таким образом, нам следует найти не только соответствие одной буквы другой, но и соответствия между группами букв, когда мы хотим указать на сходства между лексикой двух языков. Транслитерация русских слов обусловила полное совпадение многих словарных статей (*аптека* – *apteka*, *цена* – *cena*, *долина* – *dolina*, *копыто* – *kopyto*, *коза* – *koza*). Это в значительной мере поддерживает принцип подобия двух языков, так как разница между письменными формами этих слов – азбука.

Самое простое явление в орфографии состоит в том, что обозначения некоторых букв в разных латинских алфавитах расходятся (например, венгерское *cs* – польское *cz* – хорватское *č*). Эти буквы нам

приходится заменить буквами, приведенными в нашем алфавите (см. приложение). Но надо отметить, что, принимая во внимание фонетические правила польского языка, нельзя выявить, что польское *ć* совпадает с мягким *ч*, которое входит в фонетический состав русского языка. Во-первых, польское среднеязычное *ć* неизвестно русскому языку. Во-вторых, по правилам польской орфографии, эта фонема имеет разные типы написания в слове, в зависимости от позиции (она ли перед гласным или согласным и т.п.) и с историко-лингвистической точки зрения, образует пару с русским мягким [т']. Польское слово *buć* входит в словарную статью с русским глаголом *быть*, а в значении «выдержать», эквивалентом польскому слову *cierpieć* (которое также может обозначать то же самое, что глагол «страдать») будет русское *терпеть*. Однако с полной уверенностью можно утверждать, что *ch* заменяется буквой **h** (которая характерна для заимствованных слов), а *ł* буквой **l**.

ł – это буква, задачей которой было обозначение твердого варианта от буквы *l*, пока *l* был мягким. Со второй половины XIV. века¹¹ этот звук постепенно утрачивал мягкость, и сегодня *ł* обозначает в письме звук, возникающий путем одновременной лабиализации губ, подобно как при произношении «у», и поднятии задней части языка.

В нашем словаре больше не встречается *w* и *sz* (для обозначения звука [š]), а только **v** и **š**, и на месте *ż* и *cz* пишутся **ž** и **č**. Таким образом, снова получается множество одинаково написанных слов. Интересно, что польское *cz* тоже не совпадает с русским *ч*, ведь, первое обозначает твердый, а второе мягкий звук. Однако, так как в русском языке нет соответствующего твердого [č], не стоит давать этим буквам разные отображения при транслитерации.

Межъязыковая омонимия и полисемия

Слова *ухо* – *ucho*, *дом* – *dom*, *нос* – *nos*, *брат* – *brat* совпадают как по внешнему облику (после транслитерации, которая в работе в дальнейшем подразумевается), так и по значению. Они относятся к той группе слов, которые сохранили свое первоначальное значение из праславянского языка. Уже во время общеславянского языка были синонимия и многозначность слов, и некоторые синонимы, или некоторые значения многозначных слов со временем закрепились в разных языках – это стало одним из определяющих факторов состава современной лексики этих языков (*krok* – *шаг*, *brud* – *грязь*)¹².

Для польского языка более характерно сохранение первоначального значения слов общеславянского языка¹³. Польское слово *owoc* все еще имеет первоначальное значение (плод, фрукт, заимствованное праславянским языком из немецкого – *obst*), в отличие от русского *овощ*. Русское слово *око*

¹¹ Stieber, Zdzisław: *Historyczna i współczesna fonologia języka polskiego*. Warszawa, 1966, 71.

¹² Лейчик В. М.: *Источники и типы лексических несоответствий между польскими и русскими словами*, *Studia Russica VI.*, Warszawa, 1998, 234.

¹³ Лейчик В. М. (1998), 234.

используется в книжном, поэтическом стиле, пока польское слово *oko* употребляется в значении «глаз». Также, в русском языке встречается много слов церковно-славянского происхождения (*воздух, облако, время* и т.д.), или же исконно русское слово сегодня различается стилистикой от церковно-славянского заимствования (*глава – голова, млечный – молочный* – подробнее ниже).

Слова, анализируемые нами, подразделяются на исконные и на заимствованные. Процесс обучения в таком случае облегчается тем, что много слов, которые были заимствованы из какого-нибудь третьего языка, в русском и польском языках совпадает и семантически и по звучанию. В основном это лексические единицы из латинского или греческого языков: *симфония – symfonia, акт – akt (действие), актуальный – aktualny, аптека* – из греческого *apotheca* (склад) и *аптека*. Нередко встречается, что слово, заимствованное из третьего языка польским языком, появляется в русском языке, посредством польского языка. Например, *акт – akt* (бумага, документ), *atlas* – из арабского и *атлас*; *adres* – из французского *adresse* и *адрес*.

Как мы видим, различия или сходства в данных (и не только в этих) языках зависят от многих факторов. От синонимии в праславянском языке, от склонности закрепить лишь одно из нескольких значений слова, от сохранения или замены первоначальной лексической единицы заимствованным словом. Культурные, религиозные, торговые отношения между странами и народами тоже влияют на их языки, подвергающиеся изменениям. Россия и Польша имели различные связи с другими странами. Контакты Польши с Германией также доказывают обилие лексических единиц, унаследованных из немецкого языка. По правилам произношения и правописания, эти слова приобретают грамматические черты заимствующего языка. На языковую «уютность» указывает и категоризация по роду, и возможность склонения, и растущее количество дериватов. Например, *dziękuję* от *danke*, и его лексические и семантические дериваты: *(po)dziękować* (поблагодарить), *dziękczynny*, (благодарственный), *dzięki* (благодаря), *wdzięk* (прелесть, грациозность)¹⁴. Денотат, недавно заимствованный, еще не полностью закрепленный в языке, часто характеризуется несклоняемостью.

Возможны заимствования через чешский (*msza – месса*), итальянский (*виолончель – wiolonczela, балкон – balkon*), французский языки (в последнем случае степень ассимиляции больше в польском языке, *tumult – шум, alarm – тревога, frytki – картофель фри, хотя этаж – piętro*). В наши времена, благодаря ускоряющимся темпам экономического, промышленного и технического развития, всю большую территорию лексики занимают слова английского происхождения. Надо отметить, что в плане заимствований, польский и русский (а также другие) языки имеют больше сходств, чем различий. Например, *бизнесмен – biznesmen, компьютер – komputer*,

¹⁴ Лейчик В. М. (1998), 236.

маркетинг – marketing, шоппинг – shopping, e-майл – email, аська – ICQ, эсэмэс – esemes, однако, вебсайт – strona internetowa.

Но, так как касательно заимствованных слов нет явных трудностей в области омонимии, полисемии, мы перейдем на исконный запас слов (о некоторых фонетических отношениях между заимствованными словами подробнее см. гл. Корреляции между заимствованными словами) .

Говоря об исконной лексике, нельзя пройти мимо слов, являющихся эквивалентами с наличием частичной синонимии. Частичных синонимов в двух языках довольно много. Семантическое содержание слова **žaba** (русск. *жаба*, пол. *żaba*) в двух языках уже не сходится. В русском языке эквивалентом польскому слову *żaba* будет *лягушка*. Русск. *жаба* тоже имеет свой эквивалент в польском языке: *gorucha*. Видно, что имеется параллель между словами *жаба* и *żaba* кроме одинаковости звучания также на уровне отряда животных, называющегося на венгерском просто «békáк». Они (*жаба* и *żaba*) принадлежат к отряду «békáк», причем, на польском языке этот отряд тоже обозначается существительным *żaba*, пока русский язык в плане отрядов признает «бесхвостых», обозначающих всех видов *жаб, лягушек и квакшей*. Это один из многих примеров *различного языкового деления мира*.

Русское слово *час* в своем современном первичном значении¹⁵ («промежуток времени, равный 60 минутам», *Ожегов*) имеет другое значение, нежели польское *czas* (время). Однако есть устойчивые выражения в русском языке со словом *час*, обозначающие пору, время. Например, *настал последний час* (о смерти), *вечерний час* («как я любил твои отзывы... и тишину в вечерний час, и своенравные порывы», *Пушкин*). *Всему свой час; Делу время, потехе час* (пословица, всему свое время, *Ушаков*) и *часы-пик*.

В польском языке для обозначения 60-минутного отрывка дня имеется существительное *godzina*. Оно имеет историко-лингвистические связи с русским словом *година*. *Година* употребляется в торжественной, поэтической речи. Это «время, ознаменованное важными (обычно напряженными, трудными) событиями» (*Ожегов*). Например, *суровая година*. Отношение между словами *час – czas, година – godzina – межъязыковая полисемия*, так как некоторые из их возможных значений совпадают.

Нередко встречается случай полного расхождения значения между выражениями со сходным звуковым рядом – это межъязыковая омонимия. Русское *папа* не то же, что польское *papa* (толь). В следующих главах мы будем видеть огромное количество, как и межъязыковых синонимов, так и антонимов, будем встречать примеры на антонимию, полисемию, однако, они касаются и таких слов, которые подчинялись разным лексико- и фонетическо-историческим изменениям во время развития отдельных славянских языков.

¹⁵ В толковом словаре Ушакова и Даля в качестве первичного значения от слова *час* приводится *время, пора, срок*.

Слова с таким же значением. Из результатов глобальных изменений¹⁶:

<i>дух</i> – <i>duch</i> – duh	<i>лев</i> – <i>lew</i> – lev
<i>охота</i> – <i>ochota</i> – ohota	<i>слово</i> – <i>słowo</i> – slowo
<i>пастух</i> – <i>pastuch</i> – pastuh	<i>войско</i> – <i>wojsko</i> – vojsko
<i>ухо</i> – <i>ucho</i> – uho	<i>жук</i> – <i>žuk</i> – žuk
<i>око</i> – <i>oko</i> – oko	<i>бич</i> – <i>bicz</i> – bič
<i>запах</i> – <i>zapach</i> – zapah	<i>чаша</i> – <i>czasza</i> – čaša
<i>гладко</i> – <i>gładko</i> – gladko	<i>ткач</i> – <i>tkacz</i> – tkač
<i>лопата</i> – <i>łopata</i> – lopata	<i>пшеница</i> – <i>pszenica</i> – pšenica
<i>зло</i> – <i>zło</i> – zlo	<i>абажур</i> – <i>abażur</i> – abažur (франц. abatjour)
<i>битва</i> – <i>bitwa</i> – bitva	<i>хата</i> – <i>chata</i> – hata (венг. ház)

Слова с разным значением. Из результатов глобальных изменений¹⁷:

<i>бабка</i> (бабушка) – <i>babka</i> (кулич)	<i>дружба</i> (приянь) – <i>družba</i> (дружка)
<i>рано</i> (преждевременно) – <i>rano</i> (утро)	<i>гадание</i> (предсказание) – <i>gadanie</i> (болтовня)
<i>лук</i> (для стрельбы или растение) – <i>łuk</i> (арка)	<i>меч</i> (сабля) – <i>miecz</i> (матч)
<i>балаган</i> (постройка, шутовство) – <i>bałagan</i> (беспорядок)	<i>лист</i> (лист дерева, перечень) – <i>list</i> (письмо)
<i>брак</i> (супружество) – <i>brak</i> (отсутствие, или брак как некондиция)	<i>чайка</i> (рыбалка) – <i>czajka</i> (чибис)
<i>рок</i> (судьба) – <i>rok</i> (год)	<i>дума</i> (мысль, гос. Дума) – <i>duma</i> (гордость)

Палатализация *t, d, s, z*

В предыдущем разделе мы исследовали соотношения между такими словами русской и польской лексики, фонетический состав которых только ограниченно отражает историко-лингвистическое развитие языков. Однако намного больше таких слов, которые различаются фонетически, вследствие закономерных изменений.

В русском языке три возможных формообразующих суффикса инфинитива: самый распространенный *-ть*, реже появляющийся *-ти* и используемый совсем редко *-чь*. В польском языке им соответствуют *-ć* и *-с*. Возникает вопрос, почему в польском языке только 2 варианта суффикса неопределенной формы глагола. Это объясняется утратой *i* на конце

¹⁶ Объяснение к таблице: русское слово – польское слово – **слово после транслитерации и глобальных изменений.**

¹⁷ Объяснение к таблице: *русское слово* (значение) – *польское слово* (русский эквивалент).

окончания в XIV–XVI вв.¹⁸, вследствие того, что оно не носило добавочного значения, поэтому хватило использования суффикса -ć. В польском языке, несмотря на некоторые исключения, объясняемые морфологией и структурой слов¹⁹, словесное ударение всегда падает на предпоследний слог, тогда как в русском языке оно свободное, подвижное (и дифференцирующее). Ответ на вопрос об инфинитивах становится явным, если мы обратим внимание на то, куда падает ударение в глаголах, кончающихся на -ти: *нести* (пол. *nieść*), *вести* (пол. *wieść*), *идти* (пол. *iść*). В русском языке оно всегда падает на суффикс. Может и поэтому в русском языке они могли остаться, ведь в древнерусском языке в роле суффикса инфинитива существовало только -ти (-чи – речи²⁰). Что касается суффикса -чь, он образовался от суффикса -ти и конечного согласного основы -г или -к, что отражается при склонении этих глаголов. Ему соответствует польский суффикс -с. Так сформировались следующие глаголы: *печь* – я пеку (пол. *piec*), *мочь* – я могу (пол. *móc*), *помочь* – я помогу (пол. *pomóc*), *течь* – они текут (пол. *ciec*), *сечь* – я секу (пол. *siec*), *лечь* – я лягу (пол. *lec*), *стеречь* – я стерегу (пол. *strzec*), *стричь* – я стрижу (пол. *strzyć*). В польском языке к этой группе относятся также: *бієс* (бежать), *rzec* (сказать) и еще несколько глаголов.

Таким образом, в роле формообразующего суффикса инфинитива в русском языке чаще всего употребляется суффикс -ть, а в польском языке, суффикс -ć. Раз учащиеся обнаруживают эти соответствия, им не трудно заметить, что польская буква ć во встречаемых ими словарных статьях с подобной внешней оболочкой образует пару с русской буквой т. Выше приведен пример словарных статей *терпеть* – *cierpieć*²¹. Но одно слово еще не позволяет нам сделать какое-нибудь умозаключение. Учащиеся, однако, встречают десятки, сотни таких слов. Анализ их фонологического строя лишь подтверждает это высказывание: польское ć соответствует русскому мягкому т'. Историческому языковедению хорошо известны причины смягчения праславянского t в польских говорах, однако, нельзя с уверенностью утверждать о длительности его образования. Некоторые лингвисты утверждают, что в XII веке еще существовал звук t'²², мягкий вариант от t, потом в ходе двух веков он сосуществовал со среднеязычным звуком ć, который, таким образом отличается от русского переднеязычного ч. По мнению других лингвистов возможно и то, что из t' сразу же образовался ć, без переходного этапа²³. В следующих словах с таким же значением видно, что этот польский звук, с историко-лингвистической точки зрения, никак не отвечает русскому ч: *тепло* – *ciepło*, *тётя* – *ciocia*, *лететь* – *lecieć*, *платить* – *płacić*. Так как это явление не изолированное, его можно назвать правилом.

¹⁸ Stieber, Z., 28.

¹⁹ Например, ударение в сослагательном наклонении остается на месте ударения в изъявительном наклонении: *czytała* – *czytałaby* (она читала – она бы читала).

²⁰ Костючук Л. Я. – Котова М. Ю.: *Историческая грамматика русского языка: пособие для студентов заочного отделения*. Псков, 2003, 68.

²¹ Польское *cierpieć* – страдать, реже как сходное русское *терпеть* – «...переносить, сносить что-н. бедственное... неприятное» (Ушаков).

²² Klemensiewicz, Z. – Lehr-Splawiński, T. – Urbańczyk, S.: *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Warszawa, 1981, 132.

²³ Furdal, Antoni: *O przyczynach zmian głosowych w języku polskim*. Wrocław, 1964, 26.

Буквальное отображение русских слов – которые в нашем словаре видны в их новой форме, полученной после совершения транслитерации – останется таким же, пока, по правилу, *ć* в польских словах на конце всех выражений переписывается в *t'* при помощи компьютера, чтобы далее указывать на мягкость, обозначаемую в русских глаголах мягким знаком. Из этого вытекает, что в нашем словаре уже одинаково написаны некоторые слова двух языков: *брызгать* и *bryzgać* – **bryzgat'**; *ткать* и *tkać* – **tkat'**; *женить* и *żenić* – **żenit'**. Это касается *ć* на конце слова. Как я уже отметила, этот польский среднеязычный звук может по-разному обозначаться в письме. В начале или в середине слова перед гласными добавляется *i* и пишется *ci*. Итак, буквосочетания *cio*, *cie*, *cia* получают отображение **të**, **te**, **tâ** и т.д.: *лететь* – *lecieć* – **letet'**, *тётя* – *ciocia* – **tëtâ**. Польское *cia* может соответствовать и русскому *те* (*ciało* – *тело* – подробно см. Переход *ě* > *a*). Польская орфография предписывает, что перед одиночным гласным *i* при отображении *ć* больше одного *i* не ставится. *Чтить* – *czcić* – **čtit'**, *дети* – *dzieci* – **deti**. Однако, пишется *ć* перед другим согласным и на конце слова.

Кроме того, если посмотреть на последнюю пару слов, увидим, что польская буква *dź* (которая, подобно как *ć*, перед гласным пишется через добавочную букву *i*) соответствует русской *d*. Этот звук *dź* образует пару по глухости-звонкости со слитным, среднеязычным *ć*. Легко убедиться, что при таких же условиях, в которых находилось *t*, далее превратившееся в *ć*, согласный *d*, которое отличается от *t* только звонкостью, мог перейти в *dź*. *Где* и *gdzie* – **gde**; *деление* и *dzielenie* – **delenie**; *дежа* и *dzieża* – **deža**.

Вместе с этими двумя изменениями лингвисты упоминают о переходе мягкого [s'] в *ś*, и превращении его звонкой пары [z'] в *ź*. При образовании этих звуков также характерно участие средней части языка, однако, в этом случае, язык образует с небом щель. Они отличаются от русских *ш* и *ж* также мягкостью. И тоже, как и в случае двух предыдущих согласных, если они в слове перед гласным (кроме *i*), то пишется добавочное *i*. *Лысеть* и *łysieć* – **liset'**; *осёл* и *osioł* – **osël**; *сеть* and *sieć* – **set'**. *Козёл* и *koziół* – **kozël**, *жердь* и *żerdź* – **žerd'**, *гвоздик* и *gwoździk* – **gvozdik**.

Чтобы подытожить вышесказанные утверждения в зеркале правописания польских среднеязычных согласных, приведена следующая таблица:

На конце слова:	Перед гласным кроме <i>i</i>	Перед <i>i</i>
<i>брызг<u>а</u>ть</i> – <i>bryzgać</i> (bryzgat')	<i>т<u>е</u>тя</i> – <i>ciocia</i> (tëtâ)	<i>ч<u>и</u>ть</i> – <i>czcić</i> (čtit')
<i>т<u>к</u>ать</i> – <i>tkać</i> (tkat')	<i>л<u>ы</u>сеть</i> – <i>łysieć</i> (liset')	<i>д<u>е</u>ти</i> – <i>dzieci</i> (deti)
<i>ж<u>е</u>рд<u>ь</u></i> – <i>żerdź</i> (žerd')	<i>к<u>о</u>з<u>я</u>л</i> – <i>koziół</i> (kozël)	<i>г<u>в</u>оз<u>д</u>ик</i> – <i>gwoździk</i> (gvozdik)

До сих пор мы изучали результаты палатализации звуков *t', d', s', z'* только перед гласными и на конце слов. Однако, из фонетических исследований хорошо известно, что мягкие согласные могут передать собственную мягкость предыдущему согласному. Такое явление встречается и в русском языке, хотя оно на письме не обозначается. Мягкость первого согласного обусловлена мягкостью второго согласного в следующих словах: *днем, растет, свинья* и т.п.²⁴ В ходе истории польского языка, однако, такое *мягкое положение* стало поводом палатализации и первого мягкого согласного. Один из самых простых примеров, который встречается ученикам на начальном этапе, во время обучения цифрам – это числительное *sześć*. Это прекрасный пример палатализации звука перед другим палатальным. В нашем словаре нового типа он получает написание **śest'** и совпадает с русским *шесть*, подвергшимся транслитерации. Это же явление наблюдается, между прочим, также в суффиксах *-ость* и *-ość* – **ost'** (*слабость* – *słabość*) и в ряде других слов: *гость* и *gość* – **gost'**; *пустить* и *puścić* – **pustit'**; *класть* и *kłaść* – **klast'**; *грызть* и *gryźć* – **gryzt'**; *лезть* и *leźć* – **lezt'**; а также перед другими мягкими согласными: *снег* и *śnieg* – **sneg**.

Слова с синонимическим значением, учитывая *t ~ ć, d ~ dź, s ~ ś, z ~ ź* :

зевание – <i>ziewanie</i> – zewanie	читать – <i>czytać</i> – čtit'
чародей – <i>czarodziej</i> – čarodej	гнать – <i>gnać</i> – gnat'
дикость – <i>dzikość</i> – dikost'	кисть – <i>kiść</i> – kist'
коптить – <i>korcić</i> – koptit'	масть – <i>maść</i> – mast'
болеть – <i>boleć</i> – bolet'	следить – <i>śledzić</i> – sledit'
черпать – <i>czepać</i> – čerpat'	носить – <i>nosić</i> – nosit'
платить – <i>płacić</i> – platit'	лицеть – <i>łysiec</i> – liset'
стеснить – <i>ścięsnąć</i> – stetnit'	снег – <i>śnieg</i> – sneg
болеть – <i>boleć</i> – bolet'	темнота – <i>ciemnota</i> – temnota
лететь – <i>lecieć</i> – letet'	рвать – <i>rwać</i> – rvat'
находить – <i>nachodzić</i> – nahodit'	бредить – <i>bredzić</i> – bredit'

Слова с разным значением, учитывая *t ~ ć, d ~ dź, s ~ ś, z ~ ź* :

<i>родина</i> (отчизна) – <i>rodzina</i> (семья) – rodina	<i>zapatować</i> (уделять, /время/) – <i>zatracić</i> (потерять, утратить) – zatrakit'
<i>грубость</i> (жесткость) – <i>grubość</i> (толщина) – grubost'	<i>potęcha</i> (развлечение) – <i>rosiecha</i> (отрада) – poteha
<i>начинать</i> (стартовать) – <i>naćinać</i> (нарезать) – načinat'	<i>smuć</i> (сконфузить) – <i>smucić</i> (печалить) – smutit'

²⁴ Болла К.– Папп Э. – Папп Ф.: *Курс современного русского языка*. Budapest, 1968.

охватить – *ochwacić* (запалить – опоить разгоряченную лошадь) – **ohvatit´**

сливка (слитие) – *śliwka* (слива) – **slivka**

теснина (ущелье) – *cieśnina* (пролив) – **proliv**

находить (обретать) – *nachodzić* (надвигаться) – **nahodit´**

двигать (шевелить) – *dźwigać* (поднимать) – **dvigat´**

злодей (мерзавец) – *złodziej* (вор) – **zlodej**

утекать (миновать) – *uciekać* (убегать) – **utekat´**

седеть (стать седым) – *siedzieć* (сидеть) – **sedet´**

достать (вынуть) – *dostać* (получить; или достать как достичь) – **dostat´**

целовать (лобзать) – *celować* (целить) – **celovat´**

Различия, восходящие к правописанию

Читателю может показаться странным выбор порядка разных тем, так, например, палатализация *t, d, s, z* описывалась перед различиями, восходящими к правописанию, а потом мы вновь возвратимся к подобным фонетическим проблемам. В результате изменения мягких *t, d, s, z* появляются звуки *ć, dź, ś, ź*, – не существующие в русском языке фонемы (ср. приложение, таблицы согласных). В предыдущей главе также был затронут ряд вопросов касательно орфографии. Настоящая работа, как будет видно не раз, не ставит перед собой цели следовать временному порядку явлений, касающихся исторического языкознания, с моей точки зрения лучше разобраться с орфографическими вопросами предыдущей главы, перед тем как сталкиваться с новыми вопросами.

Данная глава важна, потому что речь будет идти о таких правилах, различных в обоих языках, которые лежат в основе несовпадения множества лексических единиц. Как в русском, так и в польском языке определено правописание некоторых буквосочетаний. Графический принцип²⁵ диктует, какие сочетания букв возможны, а какие недопустимы в письме. В русском языке, например, после *ш* и *ж* пишется *и*, хотя произносится *ы*. В отличие от этого, польская орфография больше опирается на сегодняшнее произношение, детерминируется единственно возможным написанием этих буквосочетаний *-szy-* и *-ży-* (*-rzy-*)²⁶. Они соответствуют **-ši-** и **-ži-** в нашем словаре. Их встречаем в таких выражениях, как *жить* – *żyć* – **žit´**, *множить* – *mnóżyć* – **množit´**, *шить* – *szyc* – **šit´**, *сушить* – *suszyć* – **sušit´**.

Такие орфографические отклонения и несовпадения ограничивают работу над запасом слов с помощью компьютерных программ. Чтобы мы смогли найти подходящие словарные статьи «с одинаковым начертанием», нам приходится изучать все возможные явления, которые стали причиной

²⁵ Принципы правописания – это руководящие идеи для пишущего при выборе написания. Иванова В. Ф.: *Принципы русской орфографии*. Ленинград, 1977, 4.

²⁶ Пока русское [ы] заднего ряда нижнего подъема, польское [у] примыкает к произношению переднего-среднего подъема. Bań, Piotr: *Gramatyka języka polskiego*. Warszawa, 1977, 46.

различного написания слов – и не только касательно их историко-фонетического развития.

Мы должны уделить особое внимание польскому буквосочетанию *-rzy-*. Качество звука, начертанного через *rz*, когда-то не совпадало с русским *ж* и с польским *ż*. В те времена, когда происходила палатализация *t, d, s, z*, произошло слияние мягкого польского согласного *r* с призвук [ʒ] (таким образом, появилось [rʲ], теперь существующее в чешском языке). По мере того, как из произношения этого звука исчезло *r*, он повлек артикуляцию щелевого [ʒ]²⁷. Такое звуковое изменение не происходило мгновенно. К счастью, имеются хорошие письменные доказательства произношения этого звука в разных эпохах. Развитие смягченного *r* начиналось в XIII веке. На это указывают разные буквосочетания в письменных источниках на месте сегодняшнего *rz*. О том, что артикуляция *rz* сравнилась с произношением *ż* только до конца XVIII века, мы знаем из стихотворений, в которых впервые выступали рифмы типа *zorce – może*²⁸. Современное описание явно указывает на происхождение звука: *może* (может) – *morze* (море), однако, *morski* (морской).

В результате таких фонетических изменений, сегодня в польском языке буквосочетание *-ri-* встречается только в новых лексических единицах иноязычного происхождения (*psychiatria, materiał, origami* и т.п.). В любых других случаях *r* не сочетается с *i*, после него пишется только *u*, что означает, что это твердый звук. Из всего этого следует, что, где в польских словах написано *-rzy-*, там, в русском языке встречается *-ri-*: *brzytwa – бритва – britva, grzyb – гриб – grib, przyprawa – приправа – priprava, przyroda – природа – priroda*.

Конечно, буква *rz* [ʒ] характерна не только перед *u*, но и в других позициях, где *r* оказалось мягким. Например, *drzemać – дремать, gorzki – горький, burza – буря, grzech – грех, piekarz – пекарь*.

Правда, имеются еще такие согласные, после которых в польском языке единым возможным вариантом данной фонемы произносится и пишется *u*. После *cz* и *s* никогда не может писаться *i*. Как уже было сказано, при нашей транслитерации не стоит различать польское *cz* от русского *ч*, так как в русском языке нет соответствующего этому польскому звуку эквивалента (твердое *ч* в русском языке известно только в одном случае, но и тот благодаря фонетическим условиям – в слове *лучше*). Согласный *cz* обозначает в письме твердый звук, после него не может стоять буква, указывающая на мягкость предыдущего согласного. Пишется *czytać, uczyć, gorczyca, czysto*²⁹ (*читать, учить, горчица, чисто*). Что касается другого согласного, если бы после него допускалось написание *i*, то мы бы получили другое согласное, так как *ci* является вариантом от *ć* перед гласными. В русском языке имеются исключения, когда после *ц* возможно написание

²⁷ Переход *rż* в *ż*. Klemensiewicz, Z.: *Historia Języka polskiego*. Warszawa 1976, 57.

²⁸ Stieber, Z., 69.

²⁹ С половины XVI века имеется такое написание упомянутых буквосочетаний. Stieber, Z., 68.

заднеязычного *ы*. В основном, такими являются слова *цыган*, *цыпленок* и некоторые другие, а также множественное число существительных (*огурцы*, *птицы*). В остальных случаях пишется *и*. Такие соотношения между орфографическими нормами двух языков поддерживаются и словарными статьями *cytata* – *цитата*, *cyrk* – *цирк*, *cykl* – *цикл* (лат.).

Стоит подчеркнуть, что упомянутые нами правила между двумя языками встречаются не изолированно, а проникают всю систему лексики. В одном выражении может быть более одного такого соотношения, что может доставить значительные трудности начинающим изучать язык при опознании слова, хорошо знакомого из другого языка. Но, после ознакомления со сходствами между русским и польским языками, они сумеют отгадать значение большего количества слов. Например, в польском слове *przyczyna* мы с уверенностью можем сказать, что буквосочетание *-rzy-* по нашим правилам соответствует русскому *-ри-*, а *-czy-* соответствует русскому *-чи-*, таким образом эквивалентным ему русским словом будет слово *причина*. Буквенный состав этого слова можно трансформировать по данным правилам с одного языка на другой и обратно, при сохранении содержания. Чисто математически получается всегда одно и то же.

Удачное усвоение другого языка зависит также от таких факторов, как затраченное на учебу время, способ обучения родному, а также другому языку, структуральная разница между родным и вторым языками. Само собой разумеется, что большое различие между структурой венгерского и структурой славянских языков позволяет нам опираться на соотношения между ними в ходе обучения языку лишь в редких случаях, но шансы на это значительно возрастают, если речь идет о двух родственных языках. Структуральные различия могут выражаться в таких корреляциях между лексическими единицами, которые были изложены ранее. А выбор способа обучения обуславливает то, что благодаря удачному представлению подобных правил, результативность усвоения языка может улучшиться.

Говорящим на русском языке, предположительно, не представляет настоящей трудности выучить польское слово *czyścić*. Как в предыдущем примере, здесь тоже налицо более одного фонетическо-орфографического правила, причем их уже четыре, и все они уже хорошо нам знакомы. Это неопределенная форма глагола, и по корреляции *ć – t* суффиксом в русском языке будет *-ть*. Перед *i* изменяется буквенное отображение этого же звука (*ci*), а в результате его воздействия на предшествующий согласный, смягчается *s* и получается *ś*. Отношения между *-чи-* и *-czy-* мы уже установили. Так же, как происходит распознавание словарных статей *przyczyna* – *причина*, *czyścić* – *чистить*, это становится возможным в случае многих других слов. До сих пор были изложены только несколько из основных правил.

В русском письме мягкость согласного обозначается мягким знаком или гласным, указывающим на мягкость предыдущего согласного. Два согласных всегда мягкие (*щ*, *ч*). По орфографии польского языка определено два

способа обозначения мягкости. Первый вариант – это знак диакритический над данным согласным (*ń, ć, dź, ś, ź*), стоящий перед другим согласным или на конце слова. Сегодня в письменной речи польского языка явно указано на мягкость или твердость одного согласного. Как мы это уже видели, перед гласным кроме *i*, на мягкость согласных со знаком диакритическим указывается добавочной буквой *i*, а знак диакритический теряется. Есть также согласные (*p, b, m, w, f*³⁰), мягкость которых может обозначаться только добавлением *i* после них, так как на них нельзя поставить знак диакритический. В следующих словах, соответствующих вышеупомянутым правилам налицо разница, исходящая из обозначения мягкости: *bies* – бес, *imieniny* – именины, *Niemiec* – Немец, а также *piekarnia* – пекарня. Мягкость согласных фонем в русских словах смех (*śmiech*), сметана (*śmietana*), беда (*bieda*), купец (*kupiec*) не так явно ощущается для иноязычных людей, так как буквами она обозначается только в польском языке. Из этого тоже вытекает то, что мы должны опираться, прежде всего, на написание.

Слова с таким же значением, учитывая правила правописания, а также *r' ~ rz*:

<i>цыкать</i> – <i>cykać</i> – <i>cykat'</i>	<i>прислать</i> – <i>przysłać</i> – <i>prislát'</i>
<i>кухня</i> – <i>kuchnia</i> – <i>kuhna</i>	<i>положить</i> – <i>położyć</i> – <i>položit'</i>
<i>нашивка</i> – <i>naszywka</i> – <i>našivka</i>	<i>лечить</i> – <i>leczyć</i> – <i>lečit'</i>
<i>снег</i> – <i>śnieg</i> – <i>sneg</i>	<i>кончить</i> – <i>kończyć</i> – <i>končit'</i>
<i>грива</i> – <i>grzywa</i> – <i>griva</i>	<i>цитата</i> – <i>cytata</i> – <i>cytata</i>
<i>крик</i> – <i>krzyk</i> – <i>krik</i>	<i>искрить</i> – <i>iskrzyć</i> – <i>iskrit'</i>
<i>три</i> – <i>trzy</i> – <i>tri</i>	<i>доставлять</i> – <i>dostawiać</i> – <i>dostavlât'</i> ³¹
<i>дарить</i> – <i>darzyć</i> – <i>darit'</i>	<i>камень</i> – <i>kamienieć</i> – <i>kamenet'</i>
<i>парить</i> – <i>parzyć</i> – <i>parit'</i>	<i>смерть</i> – <i>śmierć</i> – <i>šmert'</i>
<i>приходить</i> – <i>przychodzić</i> – <i>prihodit'</i>	<i>белеть</i> – <i>bieleć</i> – <i>belet'</i>
<i>служить</i> – <i>służyć</i> – <i>služit'</i>	<i>жить</i> – <i>żyć</i> – <i>žit'</i>
<i>охранять</i> – <i>ochraniać</i> – <i>ohranât'</i>	<i>сенник</i> – <i>siennik</i> – <i>sennik</i>

Слова с разным значением, учитывая правила правописания, а также *r' ~ rz*:

<i>живот</i> (брюхо) – <i>żywot</i> (житие) – <i>život</i>	<i>дыня</i> – <i>dynia</i> (тыква) – <i>dynâ</i>
<i>конечность</i> (руки и ноги) – <i>konieczność</i> (необходимость) – <i>konečnost'</i>	<i>рушить</i> (разломать) – <i>ruszyć</i> (двигать) – <i>rušit'</i>
<i>заскочить</i> (впрыгнуть) – <i>zaskoczyć</i> (изумить) – <i>zaskočit'</i>	<i>зачин</i> (начало былины, сказки) – <i>zaczyn</i> (опара, замес) – <i>začin</i>

³⁰ В некоторых словах в именительном падеже единственного числа не указывается на мягкость губных на конце слов. Эти бывшие мягкие звуки постепенно подчинялись отвердению, но при склонении эти слова образуют самостоятельную группу по чередованию по твердости-мягкости. Например, *jedwab* – *jedwabie* (шелка), *gołąb* – *gołębie* (голуби), *krw* – *we krwi* (в крови), *żółw* – *żółwie* (черепахи).

³¹ «Л-эпентетикум», или «вставной л», см. посл. гл.

<i>бегун</i> (тот, кто бегаёт) – <i>biegun</i> (полюс) – <i>biegun</i>	<i>белизна</i> (ант. чернота) – <i>bielizna</i> (бельё) – <i>belizna</i>
<i>доспевать</i> (дозревать) – <i>dośpiewać</i> (допеть) – <i>dospevat'</i>	<i>герой</i> (витязь) – <i>gieroj</i> (удалец) – <i>geroj</i>
<i>кеды</i> (кроссовки) – <i>kiedy?</i> (когда?) – <i>kedy</i>	<i>себе</i> (дат. от себя) – <i>siebie</i> (себя) – <i>sebe</i>
<i>забег</i> (бег) – <i>zabieg</i> (процедура) – <i>zabeg</i>	студия (павильон) – <i>studia</i> (учеба) – <i>studiâ</i>
<i>бурить</i> (сверлить) – <i>burzyć</i> (разрушать) – <i>bužit'</i>	<i>зажить</i> (начать жить) – <i>zażyć</i> (принять, напр. лекарство) – <i>zažit'</i>

Корреляции между заимствованными словами

В данной работе по большей части речь идет об изменениях, касающихся слов общеславянского происхождения, но стоит также уделить внимание и заимствованиям из других языков. Многие из этих слов, приспособившись к системе одного из двух языков, изменили свой морфемный состав: суффиксы, окончания, характеризующие исходный язык.

Польские слова, кончающиеся на *-cja*, *-sja* и *-zja* образуют словарную статью со словами русского языка, в которых имеются буквосочетания *-ция*, *-сия* и *-зия*. Например, *redakcja* – редакция, *policja* – полиция, *sygnalizacja* – сигнализация, *sesja* – сессия, *depresja* – депрессия, *fantazja* – фантазия. Чтобы укрепить чужое слово в систему одного языка, ему нужно адаптироваться к фонетическим и грамматическим правилам адаптирующего языка. Латинские слова с таким суффиксом заимствовались польским языком в своих оригинальных формах, то есть сначала на месте *-ja* писались *-ija*, *-uja*. С 1770 года лингвистами наблюдались различия между произношением и орфографией этих слов, а в орфографической реформе 1918 года сформулировано правило о сокращении произношения на один звук.³² Если внимательно посмотреть эти слова, мы обнаруживаем, что после гласного, в русском языке пишется *-ссия*, а после согласного *-сия*, пока в польских эквивалентах они всегда пишутся через одно *s* (*-sja*). *Миссия*, *комиссия*, *процессия*, как и многие другие слова, были заимствованы посредничеством польского языка – *misja*, *komisja*, *procesja*³³. Русские варианты от *wersja*, *kopwersja* и *fleksja* пишутся через одно *s*: *версия*, *конверсия* и *флексия*.

Для польского языка более характерно сохранение заимствованных из другого языка морфем. Итак, в латинских заимствованиях остался суффикс *-um*: *muzeum*, *liceum* и т.д. Это слова среднего рода, при склонении которых в единственном числе выступает синкретизм форм³⁴. Они во множественном числе склоняются, теряют суффикс *-um*, и в именительном

³² Klemensiewicz, Z. (1976), 606.

³³ Интересно, что *Россия* по-польски когда-то писалась как *Rossja*, а сегодня пишется через одно *s* – *Rosja*. Однако, аналогичные случаи словоизменений нельзя причислить к одному правилу.

³⁴ Выступает та же падежная форма: Nom. *muzeum*, Acc. *muzeum*, Dat. *muzeum*.

падеже получают окончание множественного числа *-a*: *liceum – licea, medium – media, seminarium – seminaria*.

В русском языке эти слова приобрели новую форму, отличную от латинской. Такие существительные теряли суффикс *-um*, и если они мужского рода, то кончаются на *-й* после гласного: *критерий (kryterium), опий (opium), ораторий (oratorium), музей (muzeum), колумбарий (kolumbarium) калий (kalium)*; на согласный: *центр (centrum), курьез (kuriozum)*; или на *-я*, если они женского рода: *мистерия (misterium), стадия (или стадий - stadium), территория (terytorium), коллегия (kolegium)*. В русском языке возможна и утрата предшествующего суффиксу латинского гласного *i*: *семинар (seminarium)*.

Есть и исключения из этих правил, если слово заимствовано посредничеством третьего (напр. французского) языка. Сюда относятся, например, слова мужского рода польского языка: *kostium – костюм, technikum – техникум, album – альбом*; а также среднего рода: *podium – подиум, millenium – миллениум*.

Слова с таким же значением, учитывая корреляции между заимствованными словами:

<i>абстракция – abstrakcja</i>	<i>опий – opium</i>
<i>администрация – administracja</i>	<i>гимназия – gimnazjum</i>
<i>амнезия – amnezja</i>	<i>обсерваторий – obserwatorium</i>
<i>амбиция – ambicja</i>	<i>архив – archiwum</i>
<i>агрессия – agresja</i>	<i>центр – centrum</i>
<i>флексия – fleksja</i>	<i>монстр – monstrum</i>
<i>миссия – misja</i>	<i>трофей – trofeum</i>
<i>рецессия – recesja</i>	<i>алюминий – aluminium</i>
<i>депрессия – depresja</i>	<i>калий – raliium</i>
<i>компетенция – kompetencja</i>	<i>консилиум – konsylium</i>
<i>лицей – liceum</i>	<i>студия – studium</i>

Слова с разным значением, учитывая корреляции между заимствованными словами:

<i>лекция (урок на университете) – lekcja (урок в книге)</i>	<i>рация (переносная радиостанция) - Racja (основание, правда)</i>
<i>пенсия (доход пенсионера) – pensja (зарплата)</i>	<i>провизия (еда) – prowizja (комиссионный сбор)</i>
<i>перкуссия (постукивание) – perkusja (ударная установка)</i>	

Переход *e > o*, *ě > a*; корреляция *o ~ e*

Учитывая современное положение двух языков, нельзя сказать, что корреляция между разобранными польскими и русскими мягкими буквосочетаниями типа *bieg* – *бег*, *miecz* – *меч* верна во всех случаях, когда мы имеем дело с общими словами двух языков. Есть примеры, когда мягкость предыдущего и твердость последующего согласного обусловили качественное изменение гласных *e*, *ě* и *ę*. В эпоху самостоятельного развития славянских языков, такие изменения в разных языках происходили по-разному, что обусловило образование явных звуковых несовпадений слов праславянского происхождения.

Для русского языка характерен действующий (живой) до наших дней переход *e > o* после мягких и перед твердыми согласными. В этих словах *e* происходит из *ь*, находившегося в сильной позиции³⁵ (*тьмьнь > темно - тёмный*), или в них *e* может являться исконным (*жена – жёны*, где *ж* был мягким, а также *сестра – сёстры*). Нет перехода *e > o* в словах церковнославянского происхождения, например, *небо*, однако, он наблюдается в русских вариантах этих слов: *нёбо*. Во многих случаях переход *e > o* – это только позиционные изменения, т.е. исходная форма слова (именительный падеж, единственное число) не подвергалась изменению, или переход появляется при склонении и спряжении: *село – сёла* и *нести – нёс*. Он также наблюдается в словах с таким же корнем (*подённый - день*).

В отличие от этого, в польском языке переход *e > o* охватывал другие области лексики и больше укрепился в словарных формах непроизводных слов. В них согласный свидетельствует о мягкости до сих пор (упомянутый переход *e > o* после мягких и перед твердыми согласными того времени, итак перед *d, t, s, z, n, ł, r.*³⁶) и это на письме обозначается по принципу, описанному в главе о различиях, восходящих к орфографии. Так сформировались слова *siostra* – *сестра* (мн. ч. *сёстры*), *wiosna* – *весна* (мн. ч. *вёсны*), *miotła* – *метла* (мн. ч. *мётлы*), *wiosło* – *весло* (мн. ч. *вёсла*), *biodro* – *бедро* (мн. ч. *бёдра*), *czoło* – *чело* (мн. ч. *чёла*), *pero* – *пёро* (мн. ч. *пёра*). В *żona* (*жена*) мягкость уже не обозначается, но в тех временах, когда происходил переход *e > o*, *ż* был еще мягким согласным, и об исходной форме свидетельствует прилагательное *żeński* (*женский*). Сегодня в спрягаемых формах многих глаголов, в том числе и *nieść* (*носить*), *brać* (*брать*), *wieźć* (*везти*) мы имеем дело с чередованием гласных, что указывает на происшедшие когда-то в них изменения. В настоящем времени первого лица единственного числа после *o* имеется твердый согласный, а в третьем лице (по которому образуются формы других лиц) после *e* выступает или мягкий, или отвердевший (функционально мягкий см. ниже) согласный. Это следующие формы: *niosę* (*я несу*) – *niesie* (*он носит*); *biorę* (*я беру*) – *bierze* (*он берет*); *wiozę* (*я везу*) – *wiezie* (*он везет*); а это также видно

³⁵ Редуцированные гласные *ь* и *ъ* могли находиться в сильной или в слабой позиции. Они были в сильной позиции под ударением и перед слогом со сверхкратким в слабой позиции, а были в слабой позиции на конце слов, перед слогом с редуцированным в сильной позиции и перед слогом с гласным полного образования. Иванов В. В.: *Историческая грамматика русского языка*. Москва, 1983, 80.

³⁶ Klemensiewicz, Z. – Lehr-Spławiński, T. – Urbańczyk, S., 77.

в лично-мужском³⁷ роде прошедшего времени: *niosły – nieśli, wiozły – wieźli*³⁸. Что касается существительных, в них произошло выравнивание (т.е. упрощение) словоформ, поэтому не видно исходной формы (*miotła – o miotle, pióro – o piórze*), несмотря на несколько исключений (*kośćel – kościół – w kościele, ангел – anioł – ob aniele* и *żeński*).

Не было перехода *e > o* в русских словах, если гласный *e* образовался от *ě*. Открытое *ě* имелось во всех славянских языках, но это были звуки разного качества. В праславянском языке имелось *ě* переднего ряда нижнего подъема, а у восточных славян, как и в древнерусском, оно получило образование переднего ряда средне-верхнего подъема.³⁹ В дальнейшей истории этого звука, в русском языке он переходил в *e* и не подвергался переходу в *o*. Однако, в польском языке, помимо того, что *ě*, в первую очередь, преобразовался в *o*, множество случаев перехода *ě* в *a*: *świat – свет, siano – сено, lato – лето, cały – целый, ciało – тело, umarł – умер, miał – имел, dziad – дед, miara – мера, las – лес, biały – белый, śmiały – смелый*. Мягкие согласные в словах *ciało* и *dziad* также подвергались изменению (см. гл. Палатализация *t, d, s, z*). В склоняемых формах от польских существительных с переходом *ě > a* сказываются давние формы из-за качества следующего согласного. В предложном падеже (перед мягкими согласными) они будут на *świecie (świat), w lecie (lato), o ciele (ciało), w mierze (miara), w lesie (las)*. Этот факт налицо также в лично-мужском роде во множественном числе при спряжении глаголов: *miał – mieli* (он имел – они имели), *chciał – chcieli*⁴⁰ (он хотел – они хотели), а в сравнительной степени прилагательных: *biały – bielszy, śmiały – śmielszy*. Значение слов *место* и *miasto* (город) сегодня расходятся, хотя различие *e : a* в них существует согласно данному правилу (в предложном падеже имеется форма *w mieście*). В польском языке до XV века *miasto* имело значение «место», об этом свидетельствуют, например, глагол *mieścić (помещать)* и предлог *zamiast (вместо)*.

Переход *ě > a* наблюдается в польском языке и тогда, когда современная форма скрывает исходное качество некоторых согласных. Например, в прилагательном *rzadki*, где он налицо после отвердевшего *rz*, произошедшего от *ř < r'*. Его русский эквивалент – прилагательное *редкий*⁴¹. Такие согласные польского языка, которые до XVI века были мягкими и отвердели, называются функционально или исторически мягкими, так как в современном польском языке, при склонении они не выполняют такой же

³⁷ В польском языке в единственном числе имеются роды женский, средний, лично-мужской, безлично-мужской, и мужской неодушевленный, а во множественном числе роды лично-мужской и безлично-мужской (который не совпадает с безлично-мужским родом в единственном числе, так как во мн. ч. туда относятся и неодушевленные существительные, женщины и все существа женского пола, животные и тд.).

³⁸ Первый глагол пары безлично-мужского, а второй глагол лично-мужского рода мн. числа.

³⁹ Иванов В. В., 80.

⁴⁰ Сегодня в польском языке такие переходы в лично-мужском роде по аналогии наблюдаются даже там, где, в результате изменений уже в праславянской эпохе, всегда выступал *a*: *milczał – milczeli (молчать), krzyczał – krzyczeli (кричать)*, а также ср. *czas – wczesny (панный)*. Копецзна, Н. 51.

⁴¹ Окончание прилагательных в польском языке в именительном падеже единственного числа – мужской род: *-y/-i*, женский род: *-a/-ia*, средний род: *-e/-ie*.

роли, как твердые согласные. Это следующие согласные: *c, cz, dz, dź, rz, sz, ź*.

К вышеуказанной группе относятся также пары *grzać – греть, trzask – треск и strzała – стрела*. Если после гласного находится мягкий согласный, переход уже не наблюдается: *strzała – strzelać (стрелять), trzask – trzeszczeć (трещать), grzać – grzejnik (нагреватель)*.

В обоих языках переход из гласного *e* в другой гласный в словах с праславянскими группами **tyrt* был возможным только в редких случаях. (О группах **tyrt, *tyrt, *tylt, *tylt* см. на следующей странице).

Учащиеся могут обнаружить, что в обоих языках есть такие слова, которые отличаются беглыми гласными *o* и *e*, наверное, по другим причинам. Появление этих беглых гласных обусловлено тем, что в них сохранилось свойство бывших *ь* и *ъ*, находившихся в слабой позиции. В русском языке в сильной позиции *ь* и *ъ* перешли в *e* и *o*, а в слабой позиции они утратились. Однако, в польском языке *ь* в сильной позиции перешел в *e*, служащее поводом для смягчения согласного, стоящего перед ним (*pies*), а сильный *ъ* изменился в *e*, не смягчающее предыдущее согласное⁴². Поэтому сегодня мы имеем слова *sen – сон, łeb – лоб, krew⁴³ – кровь*. Различия русских форм мы видим в нескольких случаях. В русском языке переход *e > o* происходил позднее, чем в польском языке (в котором ему предшествовал переход *ь,ъ > e*), таким образом, он мог повлиять также на *e*, произошедшее от *ь⁴⁴*. Это объясняет, почему в польском языке есть такие слова, как *pies, len, owies, orzeł*, и *lot*, а в современном русском они имеют следующие формы: *пёс, лён, овёс, орёл* и *лёт*.

То же самое наблюдается и у непроизводных предлогов, служащих одновременно приставками, перед группой согласных⁴⁵ (в древнерусском языке: *съ, отъ, надъ, подъ*). В этом случае, в русском языке к ним прибавляется *-o*, а в польском языке *-e*: *с-/со- – z-/ze-, от-/ото- – od-/ode-, над-/надо- – nad-/nade-, под-/подо- – pod-/pode-*. Например: *zerwać – сорвать, odegnąć – отогнать, naderwać – надорвать, podestać – подослать, podeszwa – подошва*.

Слова с синонимичным значением, учитывая переход *e > o, ё > a* и корреляцию *o ~ e*:

метла – miotła – metla

тесно – ciasno – tesno

сестра – siostra – sestra

сено – siano – seno

бедро – biodro – bedro

чёрно – czarno⁴⁶

весна – wiosna – wesna

чёрт – czart

⁴² Stieber, Z., 14.

⁴³ Существительное женского рода с мягким корнем: Nom. *krew*, Loc. *we krwi*.

⁴⁴ Furdal, A., 21.

⁴⁵ Rospond, Stanisław: *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Warszawa, 2005, 52.

⁴⁶ Cz [č] – в польском языке функционально мягкий согласный.

*прадед – pradziad – **praded***

шѣпот – szept

*место – ciasto – **testo***

взлѣт – wzlot

Слова с разным значением, учитывая переход *e > o*, *ě > a* и корреляцию *o ~ e*:

измена (предательство) – *zmiana* (изменение)

кров (крыша, ст. слав. кровь) – *krew* (кровь)

волна (зыбь) – *wetna* (шерсть, волна)

замер (измерение) – *zamiar* (намерение)

История слоговых плавных

В этой главе будет рассмотрен другой аспект таких различий между лексикой польского и русского языков, которые связаны с развитием языка, и таким образом, изменением некоторых праславянских звукосочетаний в отдельных славянских языках. Как уже было замечено, в этой работе анализ историко-лингвистических явлений не всегда происходит в соответствии с хронологическим порядком изменений. Они приведены в данной последовательности, чтобы способствовать лучшему пониманию учащихся. Они, можно сказать, как бы сорганизованы от более простых к более сложным корреляциям между лексическими единицами двух языков.

Мы, в основных чертах, уже ознакомились с фонетическим аспектом, описывающим разницу между гласными и согласными двух языков. По ходу данной работы, может показаться, что мы встречаем правила, касающиеся всего лишь немногих словарных статей. В то время как палатализация *t, d, s, z* повлияла на огромное количество слов, переход *e > o* привнес значительно меньше результатов, но их все еще было много. В следующих главах речь снова пойдет о правилах, связанных с наличием многих лексических несовпадений, восходящих к состоянию языка в праславянской эпохе.

В праславянском языке звуки могли быть слоговыми или неслоговыми. Слоговыми выступали гласные и сонорные согласные *r* и *l*. С определенной эпохи праславянского языка, все слоги должны были быть открытыми, т.е. они оканчивались на слоговой звук⁴⁷. Внутри согласных, слоговые плавные *r* и *l* могли сочетаться с гласными неполного образования (переднего или заднего ряда), что может обозначаться следующим образом: **t̥rt̥*, **t̥lt̥*, **t̥rt̥*, **t̥lt̥*⁴⁸. Сегодня они соответствуют русским буквосочетаниям *-ор-*, *-ел-*, *-ер-*, и *-ел-* между согласными. Не так проста и очевидна судьба плавных в польском языке. Хотя в нем тоже образовались сочетания гласного с плавными [r] или [l], здесь языкознание различает множество путей развития.

⁴⁷ Закрытыми слогами были только предлоги и приставки на *z*.

⁴⁸ *t̥* – любой согласный.

Сейчас на месте праславянских сочетаний *tʔrt в современном русском языке встречается -op- между согласными: *горсть, горло, кормить*, в польском языке он перешел в -ar-: *garść, gardło⁴⁹, karmić⁵⁰*.

Развитие группы *tʔrt в польском языке происходило в различных вариациях в зависимости от качества согласного, следующего за r. Главным образом, сочетание слогового плавного с редуцированным, в позиции перед переднеязычным твердым согласным перешло в -ar-⁵¹ (это единственный пример перехода e > o в русском языке, где e происходит из группы *tʔrt, см. пред. гл.): *twardy (твёрдый), martwy (мёртвый), czart (чёрт), czarny (чёрный)*. По мнению Лоща, в однокоренных, или в других словах, в которых после сочетания *ʔr стоял мягкий согласный, в сочетании на месте ь появилось e: *twardy – twierdzić* (в русском языке также есть примеры, указывающие на исходное e < ь: *твердеть*), *czarny – czernieć, (чернеть)*, а также *cierpieć (терпеть), śmierć (смерть)*.

Праславянское сочетание *tʔrt в настоящее время соответствует сочетанию -ол- между согласными. В польских словах мы видим различные варианты: -lu- после переднеязычных согласных (*długi – долгий, tłusty – «толстый»* в знач. *жирный*, *tłumacz – устар. толмач*), -eł- после заднеязычных⁵² (*kiełbasa – колбаса, węgiel – уголь⁵³*). Возможен после устных согласных и вариант -uł- (*pułk – полк*). Перед твердыми согласными в группах *tʔrt (см. *pełny – полный*, и *bełtać – болтать⁵⁴*), в русском языке, по-видимому, сочетание *tʔrt сначала перешло в *tʔrt, а потом по правилу сменилось на -ол-⁵⁵ (хотя *сельдь (śledź)* это более позднее заимствованное слово), тогда как в польских словах с таким же корнем из сочетания *tʔrt появилось, в первую очередь -eł-⁵⁶. В некоторых словах, имевших группы *tʔrt, произошел переход e > o, откуда произошли формы *żółty (желтый), czolno (челн – из церк. слав.)⁵⁷*. В словах *волк, молчать*, русское -ол- тоже происходит из группы *tʔrt, перешедшей в польском языке в -il-: *wilk, milczeć*.

Чтобы подвести итог к вышесказанному, судьбу слоговых плавных в двух языках можно охарактеризовать следующим образом:

- *tʔrt > (русск.) -op-, (пол.) -ar;
- *tʔrt > (русск.) -ep- (e > o), (пол.) -ar- (a ~ e);
- *tʔrt > (русск.) -ол-, (пол.) -lu-/-eł-/-uł-;
- *tʔrt > (русск.) -ол-, (пол.) -eł-/-il-/-oł-.

⁴⁹ На польский язык характерно сохранение праславянских групп *dl и *tl: *gardło – горло, plót – он плёл, wiódł – он вёл, modlić się – молиться*. Wrocławska, Elżbieta: *Uwarunkowania i przyczyny zmian językowych*. Warszawa, 1994.

⁵⁰ Łoś, J.: *Gramatyka polska. Cz. 1*. Lwów, 1922, 62.

⁵¹ Łoś, J., там же.

⁵² Łoś, J, 70.

⁵³ Характерные параллели между русск. у-, пол. w с носовым: *węgiel – уголь, wąsy – усы, wąż – «уж» (змея), wągiel – угорь, wąski – узкий, wędka – удочка, węzeł – узел*.

⁵⁴ *Полный* – в др. русск. уже *пльнь*, но *болтать* – праславянская основа *bʔlt-. Фасмер.

⁵⁵ Иванов В. В., 146.

⁵⁶ Stieber, Z., 57.

⁵⁷ Łoś, J, 70-71.

Сочетания плавных с гласными полного образования *о и *е

Как слоговые плавные между согласными, произошедшие из праславянского языка, во всех славянских языках перешли в различные сочетания с гласными, так и / и r, выступавшие в сочетаниях *or, *ol, *er, *el также подверглись изменениям в отдельных языковых сообществах. Эти сочетания охватывали большие области лексики, чем сочетания типа *tǫrt, и они нам более интересны между согласными, так как в начале слова и перед согласными в дальнейшем они так же изменялись в обоих языках⁵⁸, но их количество не так значительно.

В результате развития праславянских групп *tort, *tolt, *tert, *telt появилось не так много разных форм, сколько нам дали слоговые плавные. На их месте сегодня в русском языке встречается полногласие, тогда как в польском языке существуют неполногласные формы. Главной причиной стало то, что языки стремились к произношению открытым слогом, что для речевого аппарата легче. И так, у восточных славян после плавного развился другой гласный, тогда как у западных славян, в результате не одного изменения⁵⁹, порядок гласного и плавного сменился. Сочетание *tort было в словах *krowa* – корова, *broda* – борода, *droga* – дорога, *wrona* – ворона, *groch* – горох, *proch* – порох, *strona* – сторона, *wrota* – ворота, *mróz* – мороз и т.д. В польских словах с сочетанием *tert тоже произошла перестановка гласного и плавного, но это стало также поводом смягчения предыдущего согласного, перешедшего из r в rz (русск. r' – польск. rz): *brzeg* – берег, *umrzeć* – умереть, *drzewo* – дерево, *trzeć* – тереть, *cietrzew* – тетерев. В позиции перед твердым переднеязычным согласным польское е переходило в о: *brzoza* – береза (ср. переход е > о) – однако *brzezina*, потому что после группы следует мягкий среднеязычный согласный.

Там, где в праславянском языке была группа *tolt, сегодня в русском языке существует полногласное сочетание -оло-, а в польском языке -ło-: *łoto* – болото, *młot* – молот, *złoto* – золото, *głowa* – голова, *młody* – молодой, *chłód* – холод, *głos* – голос, *głód* – голод, *słoma* – солома, *kłos* – колос, *słód* – солод.

Отклонение от этих правил мы видим при анализе развития праславянского сочетания *telt. В польском языке оно, как правило, в большинстве случаев, развилось в неполногласие. В отличие от вышеприведенных примеров в русском языке эта группа не просто подвергалась полногласию, но на ее месте возникло сочетание -оло- из-за депалатализации е в о.⁶⁰ Так сформировались слова *mleko* – молоко, *mleć* – молоть. В польском языке, если первый согласный в группе *telt был č, ž или š, то сегодня на месте е встречается о: *człon* (член), *źłób* (жёлоб)⁶¹.

⁵⁸ На месте сочетаний *ort, *olt мы встречаем *pa-*, *ла-* и *га-*, *la-* (*пало* – *radło*, *лакомый* – *łakomy*), если они были под восходящей интонацией, и *ро-*, *ло-*, *го-*, *ло-* (*работа*) *робот* – *robota*, *локоть* – *łokieć*), если они находились под нисходящей интонацией. Ср. англ. *arm* и пол. *ramię* (рука, плечо). Интонация различала значения. Произносился выше или начало, или конец слога. Koneczna, H., 23.

⁵⁹ Метатеза и ложная метатеза, H. Tóth Imre, 95.

⁶⁰ Koneczna, H., 24.

⁶¹ Łoś, J., 75.

Стоит отметить, что сегодня в русском языке сосуществуют полногласные и неполногласные формы от многих слов. Причиной этого служили церковнославянские заимствования, для которых характерно неполногласие южнославянского типа. Между формами с полногласием и неполногласием есть стилистическая и семантическая разница. Слова церковнославянского происхождения имеют более широкое, более абстрактное значение, чем русские варианты или же это слова высокого стиля. Часто это архаичные слова, которые мы встречаем, например, у поэтов прошлых веков. Тот факт, что между значением слов двух типов имеется разница, объясняется бывшей функцией церковнославянизмов. Они использовались в письменном литературном языке, в том числе и в деловых письмах, церковных текстах – это и был книжный язык –, в то время как разговорная речь значительно отличалась от письменной речи своими русизмами – это и был русский, некнижный язык проникнутый своеобразными грамматическими правилами, различающимся словарным запасом. Такое явление называлось церковнославянско-русской диглоссией, перешедшей потом в двуязычие, и, наконец, в монологичие.⁶²

Итак, в словах церковнославянского происхождения на месте праславянских сочетаний типа **tort* мы сегодня имеем слова с группой *-ra-* между согласными: *бразда* – *борозда*, *мраз* – *мороз*, *град* – *город*, *краткий* – *короткий*, *мрак* – *морок*, *страж* – *сторож*, *хранить* – *хоронить*, *страна* – *сторона*, *вратарь* – *ворота*⁶³. Из группы **tolt* в южнославянских языках развилось буквосочетание *-ла-*, возникают параллели: *хлад* – *холод*, *глава* – *голова*, *злато* – *золото*, *глас* – *голос*.⁶⁴ Развитие праславянской группы **telt*, как мы уже знаем, в русском языке привело к результатам, сходным с группой **tolt*, однако в церковнославянском языке здесь остается гласный *e*, и как правило, неполногласие: *млеко* – *молоко* (см. слова *млечный путь* и *млекопитающий*, которые нельзя заменить с исходно русскими словами при сохранении значения).

Такое явление также характерно для превосходной степени сравнения прилагательных, всегда имеющей более конкретное значение: *кратчайший* (*короткий*), *младший* (*молодой*).

Слова с таким же значением, учитывая результаты праславянских групп **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*:

krowa – *корова*
broda – *борода*
droga – *дорога*
wrona – *ворона*
groch – *горох*
proch – *порох*
strona – *сторона*

bloto (1. *грязь*, 2. *слякоть*, 3. *болото*) – *болото*
złoto – *золото*
głowa – *голова*
młody – *молодой*
chłód – *холод*
głos – *голос*
głód – *голод*

⁶² Успенский Б. А.: *Краткий очерк русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Москва, 1994, 184–190.

⁶³ В польском языке слова *brama*, *straż*, *praca* (работа) чешского происхождения сменили старопольские *brona*, *stroża*, *próca*. Stieber, Z., 58.

⁶⁴ Польские слова *władza* (*власть*), *władca* (*владеть*), *własny* (*собственный*), *właściwy* (*правильный*) чешского происхождения. Stieber, Z., 59.

wrota – ворота
 mróz – мороз
 brzeg – берег
 umrzeć – умереть
 drzewo – дерево
 trzeć – тереть
 cietrzew – метелев

słoma – солома
 kłos – колос
 słód – солод
 mleko – молоко
 mleć – молоть
 młot – молот

Слова с разным значением, учитывая результаты праславянских групп **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*:

кроткий (незловивый, ст.-слав. кротькъ) –
krótki (короткий)

холоп (раб, слуга) – *chłop* (крестьянин)

колотить (хлопать) – *kłócić* (ссорить)

отворот (поворот, например, дороги) –
odwrót (отход)

череда (шеренга) – *czereda* (куча, орава,
 русск. звучание вместо *trzoda* – *стадо*)

морочить (туманить) – *mroczyć*
 (затемнять)

колодка (напр. сапожника) – *kłódka*
 (висячий замок)

подорожник (сорная трава, овсянка) –
podróznik (спутник)

Носовые гласные и их эквиваленты в русском языке

В данной работе большое место отведено происхождению и истории носовых гласных, чтобы показать, почему с помощью компьютерных программ и разных алгоритмов трудно с ними работать (по данной причине только некоторые из слов с носовыми входят в наш словарь). Отображение свойств древнего общего языка славян характерно для польского языка не только в области поддержания первоначальных значений многих лексических единиц, унаследованных от праславянского языка. Оно характеризуется и тем, что пока из всех (до сих пор живых⁶⁵) славянских языков исчезли носовые гласные, польский язык отличается наличием назальных [o] (*a*) и [e] (*e*). Исследование носовых гласных является чрезвычайно проблематичной частью лингвистики. Признанные лингвисты, исследующие историю польского языка зачастую сомневаются, определяя исходную форму современных носовых гласных польского языка⁶⁶. Произшедший переход одного носового звука в другой (*e* > *a*), а также полное тождественное написание носовых в XIV веке (см. ниже) привели к тому, что определение исходного носового звука во многих случаях затрудняется.

При образовании носовых звуков мягкое небо открывает путь в носовую полость, чтобы часть воздушного потока выходила через нее. Это придает звуку определенную носовую окраску⁶⁷. Однако, в зависимости от территориальных различий языкового узуса, от качества последующего согласного и от позиции носового звука в слове, носовой резонатор может не принимать участие в образовании звука. Поэтому возможно произношение ротовых гласных [o] и [e] на конце слова на месте носовых гласных, или

⁶⁵ Лехитские языки (в том числе и полабский, вымерший в XVIII в.) сохранили носовые. Koneczna, H., 112.

⁶⁶ Klemensiewicz, Z. – Lehr-Splawiński, T., – Urbańczyk, S., 107.

⁶⁷ Koneczna, H., 109.

распад гласного на [o] или [e] с сонорными [m], [n], [ń] или [ŋ] (в зависимости от места образования следующего согласного).⁶⁸

Носовые гласные *o* и *e* праславянского языка образовались из сочетаний гласных с согласными *m* и *n* (*en*, *em*, *on*, *om*, *an*, *am*)⁶⁹. Как было упомянуто выше, носовые гласные имели различную судьбу во всех славянских языках. Как мягкое небо закрыло путь воздушного потока в носовую полость, далее не принимавшую участие в образовании носовых гласных, они были утрачены во всех славянских языках, кроме польского⁷⁰. Во всех языках, где действовала деназализация, носовые гласные перешли в другой, уже существующий гласный звук.

Мы неоднократно убеждались, что результаты языкового развития праславянских элементов приводят к более детальным результатам в польском языке, чем в русском. Мы снова имеем дело с таким же явлением. В современном русском языке носовое *o* соответствует гласному *u* заднего ряда, верхнего подъема, пока носовое *e* соответствует мягкому гласному *'a* среднего ряда, нижнего подъема.

В польском языке носовые время от времени имели различные виды написания: *e* мог писаться в виде *en* или *e*, а *o* как *am* или *an*⁷¹. С XIV века встречалось идентичное письменное отображение обоих гласных буквами *am* и *an*, а потом знаком *φ* или *ø*.⁷² Такое написание затрудняет задачу лингвистов при работе над определением возможного бывшего произношения носовых. На самом деле, носовых было четыре, потому что были две передние и две задние разновидности: долгая и краткая. В дальнейшей истории носовых, в зависимости от их продолжительности (т.е. от количества, касавшегося всех гласных), долгие носовые гласные *o* и *e* перешли в *ą*, а краткие в *ę*⁷³. Такое явление может объясняться тем, что перед исчезновением количественной разницы гласных по долготе, между долгими и краткими гласными до XV в образовалась и качественная разница: долгий эквивалент *ā* образовался при более глубоком заднем положении языка, чем *ǣ*⁷⁴.

Принимая во внимание, что в письме носовые *o* и *e* долгое время обозначались такими же буквами или знаками и точное их произношение неизвестно, итоговый результат зависел исключительно от продолжительности данного носового гласного.

⁶⁸ На конце слов носовых не слышно во всех говорах (они слышны, например, в северно-польских), пока внутри слов и на стыке слов перед щелевыми, носовая полость принимает участие в образовании звука. Можно сказать, что на конце слов, при образовании *ą* обнаруживается участие носовой полости в большей степени, чем в случае гласного *ę*. Вақ, Р., 53.

⁶⁹ Кондрашов Н. А.: *Славянские языки*. Москва, 1986, 12.

⁷⁰ Деназализация. Tóth Imre, 113.

⁷¹ Такое старое произношение объясняет современное написание носового *o* через *ą*.

⁷² Koneczna, H., 113-114.

⁷³ Tóth Imre, 112.

⁷⁴ Stieber, Z., 29.

В старославянском языке, носовые обозначались буквами ж (о носовое) и л (э носовое). Далее мы видим русские, старославянские и польские слова:

дуб	джбъ	dqb	девять	девяць	dziewięć
зуб	зжбъ	zqb	рука	ржка	ręka
голубь	голжбъ	gołqb	имя	имѣ	imię
мука	мжка ⁷⁵	mꙗka	пять	пѣть	pięć
мѹка	мжка	męka	мясо	мѣсо	mięso

В этих словах имеются очевидные параллели $y \sim a$ и $я \sim ę$ между русскими и польскими словами. Отклонение здесь мы видим в случае *мука* – *męka* и *рука* – *ręka*, потому что в них встречаются короткие носовые гласные, перешедшие в ę. Результаты анализа носовых также интересны, если мы сравним формы родительного падежа единственного числа слов с носовым a : *dębu* (*dqb*), *zęba* (*zqb*), *gołębia* (*gołqb*). Во всех формах обоих чисел от этих трех слов выступает ę, кроме именительного и сходного с ним винительного падежа, где выступает a . Чередование носовых мы видим также в форме родительного падежа множественного числа слов с носовым ę: *raꙗ* (*ręka*), *mꙗk* (*męka*). В польском языке явление, упомянутое выше, объясняется бывшей продолжительностью гласных звуков.

Наблюдаются и другие тенденции развития польских носовых. Фурдал⁷⁶ сообщает о том, что переходу $ę > a$ (произошедшему перед X веком, Stieber, 11.) способствовала функциональная палатальность предшествующего согласного, но он утверждает, что такого перехода сегодня не видно из-за последующего полного смешения носовых. Конечно говорит о том, что сам ę способствовал смягчению предшествующего согласного⁷⁷. Сегодня мы с уверенностью можем утверждать только то, что «на первоначальный тембр частично указывает характер согласного, предшествующего гласному. Сегодняшнее ę или o после согласного твердого происхождения, например, *tępy* (*тупой*), *sędzia* (*судья*), *gęba* («губа»⁷⁸, *рот*), *skąpy* (*скупой*), *prąd* («пруд», *течение воды*), *łąka* (*луг*) – происходит от * o . Сегодняшнее ę или o , выступающие после среднеязычных \acute{s} , \acute{z} , \acute{c} , $d\acute{z}$ (исключая o на конце слова, напр. *łodzią* (*Inst.* от *łódź* – *лодка*), например, *wziąć* (*взять*)... *wzięty* (*взятый*), *się* (*-ся*), *dzięcioł* (*дятел*) – происходят от ę. Если ę и o выступают после других мягких, смягченных или отвердевших согласных, то нельзя определить первоначальный характер носового гласного на основе современного польского языка. Например, *częsty*

⁷⁵ Ср. праславянскую долготу гласных *моѡа (*мукѡ, тѡка*), *моѡа (*мѹка, тѣка*).

⁷⁶ Furdal, A., 17.

⁷⁷ Koneczna, H., 113

⁷⁸ Губа и пруд – образуют только историческую пару со словами *gęba* (*рот*) и *prąd* (*течение, ток*), пока в них наблюдается изменение семантического содержания слова, но их значения все-таки остались близко друг к другу.

(частый) – от *ę*, *placzę* (я плачу) – от *ę*, *piszą* (они пишут) – от *ę*, *słyszają* (они слышат) – от *ę*⁷⁹.

Переход *ę > a* подтверждают следующие слова: *piątek* (ст.слав. пѣтъкъ, русск. пятница), *miesiąc* (ст.слав. мѣсяць, русск. месяц), *wiązać* (ст.слав. вѣзати, русск. связать). Все согласные перед носовым являются мягкими. То же самое можно отметить после функционально мягких согласных (бывших мягких согласных), например, *rząd* (ст.слав. рѣдъ, русск. ряд), *prząść* (ст.слав. прѣсти, русск. прясть), и *żać* (ст.слав. жѣти, русск. жать). Существительное *ciąża* (беременность) связано с прилагательным *ciężki* – тяжелый или тяжкий (ст.слав. тѣжъкъ, ср. тяжелый – разг. беременный).

С помощью упомянутых в предисловии компьютерных программ трудно составить подборку слов, анализируя наблюдающееся развитие польских носовых гласных и их эквиваленты в современном русском языке. Сложно было бы найти общую форму русских и польских слов, ведь эти словоформы претерпели многие качественные изменения, особенно касательно польского языка, как это было представлено выше. Итак, опираясь на свои эмпирические наблюдения и, по возможности, прибавляя старо- или церковнославянские формы современных слов, я в далее привожу некоторые из результатов развития носовых гласных:

Слова с таким же значением, учитывая результаты развития носовых гласных:

<i>девять</i> – <i>dziewięć</i> – девѣтъ	<i>брякать</i> – <i>brzękać</i> – брѣцати
<i>частый</i> – <i>częsty</i> – чѣстъ	<i>тысяча</i> – <i>tysiąc</i> – тѣсяшти, тѣсѣшти (побочные)
<i>часть</i> – <i>część</i> – чѣсть	<i>глубокий</i> – <i>głęboki</i> – глѣбокъ
<i>густой</i> – <i>gęsty</i> – гѣсть	<i>гęś</i> – гусь
<i>грязда</i> – <i>grzęda</i> – грѣда	<i>грязнуть</i> – <i>grzęznąć</i> – грѣзнѣти
<i>кус</i> – <i>kęs</i> – кѣсь	<i>коляда</i> – <i>kolęda</i> – колѣда
<i>круг</i> – <i>krąg</i> – крѣгъ	<i>обруч</i> – <i>obręcz</i> – обрѣчь (кольцо)
<i>обряд</i> – <i>obrząd</i> – об-рѣдъ	<i>память</i> – <i>amięć</i> – памѣть
<i>путать</i> – <i>petać</i> – *pōtati (прасл.)	<i>мягкий</i> – <i>miękki</i> – мѣкъкъ
<i>мудрый</i> – <i>mądry</i> – мѣдръ	<i>мучить</i> – <i>męczyć</i> – мѣчити
<i>пята</i> – <i>pięta</i> – пѣта	<i>мята</i> – <i>mięta</i>
<i>сук</i> – <i>sęk</i> – сѣкъ	<i>зять</i> – <i>zięć</i> – зѣть
<i>минуть</i> – <i>minąć</i> – минѣти	<i>суд</i> – <i>sąd</i> – сѣдъ

⁷⁹ Перевод. Klemensiewicz, Z. – Lehr-Splawiński, T., – Urbańczyk, S., 106.

Важную группу с носовыми составляют два ряда слов. Они отражают свойства старого склонения. Сегодня в русском языке различается 10 существительных среднего рода на -мя, имеющих особенное склонение. В польском языке им соответствуют существительные на -ię: *имя* – *imię*, *племя* – *plemię*, *семья* – *siemię*, *темь* – *ciemię*, *стремь* – *strzemię*, *бремя* – *brzemię*, *вымя* – *wymię*.⁸⁰ Они относились к старому типу склонения существительных с основой на *n (в суф. *men)⁸¹. В обоих языках сохранилось своеобразное расширение корня при склонении: имен. пад. *имя*, род. пад. *имени*, мн. ч. *имена* – имен. пад. *imię*, род. пад. *imienia*, мн. ч. *imiona*.

Второй ряд слов – это название детенышей животных, маленьких существ, которые относились к типу склонения слов с основой на *t (в суф. *ent > ęt). В древнерусском языке, с приобретением суффикса -онок/-енок в именительном падеже единственного числа, они перешли к существительным мужского рода с основой на *ǫ. Однако, во множественном числе они сохранили суффикс -ят-. В обоих рядах слов сочетание гласного с носовым согласным привело к образованию носового гласного, далее в русском языке перешедшего в 'а. Сюда относятся, например, следующие словарные статьи: *ягненок* – *jagnię*, *жеребёнок* – *źrebię*, *щенок* – *szczenię*, *волчонок* – *wilczę*, *поросенок* – *prosię*, *орлёнок* – *orłę*, *цыпленок* – *kurczę*, *козленок* – *koźłę*, *теленка* – *cielę* и т.п. В следующем приведен пример на склонение существительных с чередованием в корне:

Единственное число:			Множественное число:		
Им.	<i>ягнёнок</i>	—	<i>jagnię</i>	Им.	<i>ягнята</i> — <i>jagnięta</i>
Вин.	<i>ягнёнка</i>	—	<i>jagnię</i>	Вин.	<i>ягнят</i> — <i>jagnięta</i>
Род.	<i>ягнёнка</i>	—	<i>jagnięcia</i>	Род.	<i>ягнят</i> — <i>jagnięt</i>
Дат.	<i>ягнёнку</i>	—	<i>jagnięciu</i>	Дат.	<i>ягням</i> — <i>jagniętom</i>
Твор.	<i>ягнёнком</i>	—	<i>jagnięciem</i>	Твор.	<i>ягнями</i> — <i>jagniętami</i>
Пред.	<i>о ягнёнке</i>	—	<i>o jagnięciu</i>	Пред.	<i>о ягнях</i> — <i>o jagniętach</i>
Зват. ⁸²	∅	—	<i>jagnię</i>	Зват.	∅ — <i>jagnięta</i>

⁸⁰ Слова *знамя*, *время*, *пламя* имеют соответствия *sztandar*, *czas*, *plomień*.

⁸¹ Слова, относившиеся к этому типу склонения, кроме упомянутых, перешли в другой тип склонения. Иванов В. В., 270-274.

⁸² Звательный падеж, сохранившийся только в нескольких архаизмах (Боже, отче), все еще существует в польском языке. Однако он часто упоминается не в роли седьмого падежа, а как особая форма слова, в то время как именительный падеж все чаще вытесняет звательный падеж.

Конечно, есть и такие слова, которые не сохранили первоначальное значение в обоих языках и являются ложными друзьями переводчика.

Слова с разным значением, учитывая результаты носовых гласных:

губа (часть рта) – *gęba* (рот) – возможно гжба

пруд (озеро) – *prąd* (течение воды, поток) – праслав. *grǫdъ

пятно (пестрина) – *piętno* (отпечаток, родимое пятно) – патьно

лук – *łęk* – лжкъ

туча (облако) – *tęcza* (радуга) – тжча

заряд (напр. оружейный) – *zarząd* (управление)

путать (ошибаться) – *piętać* (надевать путы) – прасл. *pǫtati

знамя (флаг) – *znamię* (родинка) - знамя

Сопоставительный анализ с другой точки зрения

Перечисленные мною сходства и различия между двумя языками имеют ряд расхождений с типологией славянских языков, разработанной другими лингвистами, сопоставляющими их по результатам отдельного развития языков. Я в первую очередь старалась изучить историко-лингвистические явления, наблюдающиеся у многих (в большинстве случаев основных) лексических единиц, и способствующие овладению языком, выделяя внимание несомненной связи языков. В этой главе будут перечислены и представлены подходы к анализу двух языков, целью которых служит не столько поиск взаимосвязей между ними, сколько их классификации. Я до сих пор не касалась этой темы, потому что, хотя она и явно отражает развитие славянских языков, она ограничена лишь несколькими примерами, часто упоминаемыми в разных пособиях. Последующие правила часто касаются морфологии. Лингвисты чаще всего выделяют следующие типы классификации польского или русского языков:

Часто на первом месте приводятся параллели *цвет* (праслав. *kvěť) – *kwiat* (*цветок*), *звезда* (праслав. *gvězda) – *gwiazda*. Это разновидности второй праславянской палатализации⁸³. В сочетаниях *kv и *gv, стоящих перед гласным ё, в польском языке не происходила палатализация. Однако наблюдается переход ё > а (см. гл. переход е > о, ё > а; корреляция о ~ е).

В польском языке вторая праславянская палатализация привела и к другим отличительным свойствам польского языка: согласный ś, возникший из *h, появился там, где он в восточнославянских языках перешел в *s'. Такой переход (вместе с другими чередованиями этого типа⁸⁴ при польском

⁸³ Согласные *k, *g, *h перед *ё и *ī (происходившими от дифтонгического *ai) перешли в c', dz' > z' и s'/ ś'. Tóth Imre, 75-76.

⁸⁴ На польское склонение характерны чередования и другого типа. Например, r > rz, t > ć, d > dź, s > ś, z > ź, g > dz, k > c и тд. в дательном, предложном (и сходном с ним звательном) падежах единственного числа, а также в именительном падеже множественного числа (в лично-мужском роде) (см. ниже).

склонении, $g > dz$, $k > c$ и наконец $ch > ś$) является до сих пор живым в дательном, и предложном падежах.

См. следующие примеры:

Им.	<i>блoхa</i>	—	<i>blacha</i>	Им.	<i>мачехa</i>	—	<i>macocha</i>
Дат.	<i>блoхe</i>	—	<i>blasze</i>	Дат.	<i>мачехe</i>	—	<i>macosze</i>
Пред.	<i>o блoхe</i>	—	<i>o blasze</i>	Пред.	<i>o мачехe</i>	—	<i>o macosze</i>
Им.	<i>нoгa</i>	—	<i>noga</i>	Им.	<i>рyкa</i>	—	<i>ręka</i>
Дат.	<i>нoгe</i>	—	<i>nodze</i>	Дат.	<i>рyкe</i>	—	<i>ręce</i>
Пред.	<i>нa нoгe</i>	—	<i>na nodze</i>	Пред.	<i>в рyкe</i>	—	<i>w ręce</i>

Такие чередования действовали в старославянском языке, однако в истории русского языка падежные формы «руке» и «ноге» вернулись аналитическим путем под влиянием других падежных форм⁸⁵. Однако, это стало причиной различий в словарных статьях *серый* – *szary*, *седой* – ст. пол. *szady (siwy)*.⁸⁶

Сочетания праславянских зубных и небных звуков с последующим *j развились в новые фонемы, и в случае *t (*gt, *kt) и *d имели следующие результаты: в русском языке образовались *щ* и *ж*, а в польском *c* и *dz*: *свеча* – *świeca*, *межа* – *miedza*, *ночь* – *noc*, *мочь* (*mogti) – *moc*, *речь* (*rekti) – *rzec* (сказать). Современные слова *между*, *нужда*, *вождь* (водить), *рождение* (род), *хождение* (ходить), *наградить* (награда), *невежда* (ведать), *присудить* (суд), *утверждать* (твердь) отражают характерное для старославянского языка сочетание «жд», возникшее из сочетания *d и *j. На данном этапе истории русского литературного языка была тенденция к очищению церковно-славянского языка от русизмов. Церковно-славянский и русский языки стали различаться также по определенным формальным и семантическим признакам (ср. слова *межа*, *нужа*, *вожак*, *рожество*, *хоженный*, *невежа*, *суженый*). А в польском языке такой корреляции соответствуют слова *między*, *nędza*, *wódz*, *rodzenie*, *chodzenie*, *nagradzać*, *wiedza przysądzać*, *utwierdzać*.

Это не единственные различия, которым способствовали изменения, наступившие в праславянском языке. В сочетаниях губных с гласным *l̥ (>j) в начале слова во всех славянских языках появился т.н. «л-эпентетикум» (вставной л). К таким словам относятся: *блюдо* – *bludo*, *плевать* – *pluć*, примеров отмечают совсем немного. «Л-эпентетикум» в западнославянских языках не появляется внутри слов, после губных он ставится в спрягаемых формах русских глаголов *купить* – *куплю*, *ступить* – *ступлю*, *любить* – *люблю*, *ловить* – *ловлю*, *кормить* – *кормлю*, *славить* – *славлю*, *дымить* – *дымлю*, а также в существительном *земля*, а не ставится в польских глаголах *kupić* – *kupię*, *postąpić* – *postąpię*, *lubić* – *lubię*, *łowić* – *łowię*, *karmić* – *karmię*, *sławić* – *sławię*, *dymić* – *dymię*, и, наконец, *ziemia*. Неизвестно, были ли изначально, как в русском, так и в польском формы со «вставным л», однако

⁸⁵ Tóth Imre, 40.

⁸⁶ Koneczna, H., 29.

есть исключения из правил: *pluć* (плевать), *kropła* (капля), *grobla* (плотина), *niemowlę* (младенец).⁸⁷ Так как «л-эпентетикум» не является признаком категоризации польского языка, примеров больше приводить не стоит, однако, изучающим русский язык такие примеры хорошо известны во многих словах.

Сохранение праславянских групп *tl, *dl в польском языке и упрощение их в русском тоже является отличительным признаком двух языков. В качестве примеров чаще всего приводят пары *вел* – *wiódł*, *плел* – *piótl*, однако, к ним можно отнести и такие примеры, как *горло* – *gardło*, *мыло* – *mydło*, *правило* (прибор) – *prawidło*, *крыло* – *skrzydło*, *шило* – *szydło*, *вилы* – *widły*, *жало* – *żadło*, *молиться* – *modlić się*, *шел* – *szedł*, *ел* – *jadł*, *сел* – *siadł*.

И, наконец, я намерена выявить различия, образовавшиеся в начале слов при данных условиях. Существует две разновидности таких различий. К первой группе относятся слова *один* – *jeden*, *озеро* – *jezioro*, *осень* – *jesień*, *олень* – *jeleń*, *омела* – *jemioła*, *осетр* – *jesiotr*. Во всех восточнославянских языках произошла депалатализация в начале слов. Однако, есть исключения из этого правила, например *еще* – *jeszcze*.⁸⁸

Ко второй группе относятся такие слова, которые характеризуются начальной гласной у- в русском языке, тогда как в польском языке встречается сочетания согласного w с носовым гласным. В раннем праславянском периоде, произошло такое фонетическое изменение в начале слов перед гласным *ŷ и *ū, в результате которого в начале этих слов развился согласный w.⁸⁹ Получаем следующие лексические параллели *węgieł* – *уголь*, *wąsy* – *усы*, *wąż* – «уж» (змея), *wągiel* – *угорь*, *wąski* – *узкий*, *wędka* – *удочка*, *węzeł* – *узел*.

Выше были описаны те правила, по которым лингвисты чаще всего характеризуют польский язык, как язык, отличающийся от других славянских языков. Ведь лингвистов больше интересует то, чем один язык отличается от другого, и язык больше характеризуется тем, что в нем имеется, и что он может выражать, чем тем, чего в нем нет и что посредством этого языка выразить нельзя. В разных работах, конечно, перечисляются еще результаты развития групп *tъrt, *tъlt, *tъrt, *tъlt, а также групп *tort, *tolt, *tert, *telt, не раз упоминается о том, что результатами развития ь и ъ, находившихся в сильной позиции были в русском языке о и е, а в польском только е. Местами упоминаются переходы е > о и ё > а, рассказывается о судьбе носовых гласных. Однако, о самом важном историко-лингвистическом факте, о палатализации t, d, s, z, служившей множеством лексических параллелей, можно читать чаще всего только в книгах, занимающихся историей польского языка.

⁸⁷ Stieber, Z., 61.

⁸⁸ Koneczna, H., 60.

⁸⁹ Koneczna, H., 25.

Конечно, существуют такие различия между лексическими единицами двух языков, которые мы не анализировали, так как, в основном упущенные нами правила, которые (также как и большинство правил, разобранных в последней главе) не дают множества результатов. Анализ этих правил не является нашей первичной задачей.

Заключение

В данной работе был проведен анализ русско-польских лексических параллелей с точки зрения историко-лингвистических и семантических аспектов, с учетом того, что русско-польские лексические параллели могут помочь учащимся в более быстром овладении языком. Однако некоторые подобные зависимости могут помешать процессу обучения и правильному употреблению. Это так называемые ложные друзья, к которым можно отнести и межъязыковые омонимы и паронимы.

Я исходила из того, что результатом моей работы станет словарь таких лексических параллелей. Конечно, найти их с помощью компьютерных программ не всегда удастся, так как любой язык слишком сложен для того, чтобы в точности описать его математическими формулами. Но, учитывая огромное количество лексических единиц, я работала над их поиском только с помощью компьютерных программ, и таким образом составила своеобразный словарь. В других же случаях, когда требуется соблюдать множество правил, я опиралась на свои эмпирические наблюдения и примеры, приведенные другими лингвистами. Между двумя языками существуют, конечно, явные грамматические сходства, которые мы не разбирали. Перед нами не стояло задачи сопоставить склонение, спряжение и т.п., хотя, как я показала читателям, описанные мною фонетические правила не раз касаются и таких грамматических аспектов. Например, русское слово «буду» по истории носовых, соответствует польскому «*będę*», а в третьем лице, по истории палатализации *d* мы видим «будет» – «*będzie*».

Мы могли легко убедиться в том, что зачастую результаты развития разных сочетаний имеют больше разновидностей в одном языке, чем в другом. В основе историко-лингвистических реконструкций лежит правило исключения беспричинных тенденций. Итак, если одной фонеме в одном языке соответствуют 2-3 другие, то оригинальная форма сохранилась в том языке, в котором и сегодня 2-3 разновидности этой фонемы (например, *сон* – *sen*, *день* – *dzień*, *I. Tóth*).

Я старалась провести анализ русско-польских лексических параллелей с точки зрения, отличной от общепринятого подхода к исследованию подобной темы у других лингвистов. Полный список результатов исследований приложен к работе на компакт-диске.

Приложение

Транслитерация

<i>Кириллица</i>	<i>После транслитерации</i>
а	a
б	b
в	v
г	g
д	d
е	e
(ё)	ë
ж	ž
з	z
и	i
й	j
к	k
л	l
м	m
н	n
о	o
п	p
р	r
с	s
т	t
у	u
ф	f
х	h
ц	c
ч	č
ш	š
щ	ş
ъ	~
ы	y
ь	'
э	ě
ю	ů
я	â

Согласные звуки русского языка

Участие голоса и шума		Место обр.	Губно-губные	Губно-зубные	Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные
					Зубные	Альвеолярные		
		Способ образования	тв. мяг.	тв. мяг.	тв. мяг.	тв. мяг.	тв. мяг.	тв. мяг.
Ш у м н ы е	глух.	Смычные	п п'		т т'			к к'
	звон.		б б'		д д'			г г'
	глух.	Щелевые		ф ф'	с с'	ш ш'		х х'
	звон.			в в'	з з'	ж (ж')		
глух.	Слитные			ц (ц')		ч'		
звон.				(дз)		(дж')		
С о н о р н ы е		Щелевые					й	
	Смычно-проходные	носовые	м м'		н н'			(η)
		главные			л л'	р р'		

Гласные звуки русского языка

Ряд	Передний	Средний	Задний
	Подъем		
Верхний	и	ы	у
Средний	э		о
Нижний		а	

Согласные звуки польского языка

Участие голоса и шума		Место обр.		Губно-губные	Губно-зубные	Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные
						Зубные	Альвеолярные		
		Способ образования		тв. мяг.	тв. мяг.	тв. мяг.	тв. мяг.	тв. мяг.	тв. мяг.
Ш у м н ы е	глух.	Смычные		р р́		t (t´)	(t)		k ḱ
	звон.			b b́		d (d´)	(d)		g ǵ
	глух.	Щелевые			f f́	s (s´)	š	ś	x x́
звон.				v v́	z (z´)	ž	ź		
	глух.	Слитные				c	ć	ć	
	звон.					z	ź	ź	
С о н о р н ы е	Щелевые								j
			Смычно-проходные	носовые	m ḿ		n ń		
	главные	w				ł ł́	r ŕ		

Гласные звуки польского языка

Ряд		Передний	Средний	Задний
		Подъем		
Верхний		i, y		u
Средний		e, é		o, ó
Нижний			a	

Результаты исследований – лексические единицы, имеющие одинаковое значение в обоих языках (отрывок)

<i>важность</i>	<i>važnost´</i>	<i>ważność</i>
<i>ваза</i>	<i>vaza</i>	<i>waza</i>
<i>вал</i>	<i>val</i>	<i>wał</i>
<i>валить</i>	<i>valit´</i>	<i>walić</i>
<i>валиться</i>	<i>valit´sâ</i>	<i>walić się</i>
<i>ванна</i>	<i>vanna</i>	<i>wanna</i>
<i>варить</i>	<i>varit´</i>	<i>warzyć</i>
<i>вбегать</i>	<i>vbegat´</i>	<i>wbiegać</i>
<i>вбить</i>	<i>vbit´</i>	<i>wbić</i>
<i>ввозить</i>	<i>vvozit´</i>	<i>wwozić</i>
<i>вгрызаться</i>	<i>vgryzat´sâ</i>	<i>wgryzać się</i>
<i>вгрызться</i>	<i>vgryzt´sâ</i>	<i>wgryźć się</i>
<i>вдаваться</i>	<i>vdavat´sâ</i>	<i>wdawać się</i>
<i>вдаться</i>	<i>vdat´sâ</i>	<i>wdać się</i>
<i>вдевать</i>	<i>vdevat´</i>	<i>wdziewać</i>
<i>вдеть</i>	<i>vdet´</i>	<i>wdziać</i>
<i>вдова</i>	<i>vdova</i>	<i>wdowa</i>
<i>вдыхать</i>	<i>vdyhat´</i>	<i>wdychać</i>
<i>вебмастер</i>	<i>vebmaster</i>	<i>webmaster</i>
<i>вегетарианка</i>	<i>vegetarianka</i>	<i>wegetarianka</i>
<i>вегетация</i>	<i>vegetaciâ</i>	<i>wegetacja</i>
<i>вербовать</i>	<i>verbovat´</i>	<i>werbować</i>
<i>верста</i>	<i>versta</i>	<i>wiorsta</i>
<i>весло</i>	<i>veslo</i>	<i>wiosło</i>
<i>весна</i>	<i>vesna</i>	<i>wiosna</i>
<i>ветеран</i>	<i>veteran</i>	<i>weteran</i>
<i>вживаться</i>	<i>vživat´sâ</i>	<i>wżywać się</i>
<i>вжиться</i>	<i>vžit´sâ</i>	<i>wżyć się</i>
<i>вздохать</i>	<i>vzdyhat´</i>	<i>wzdychać</i>
<i>взлететь</i>	<i>vzletet´</i>	<i>wzlecieć</i>
<i>взятка</i>	<i>vzâtka</i>	<i>wziq̄tka</i>
<i>взять</i>	<i>vzât´</i>	<i>wziq̄ć</i>
<i>видеть</i>	<i>videt´</i>	<i>widzieć</i>
<i>видеться</i>	<i>videt´sâ</i>	<i>widzieć się</i>
<i>виза</i>	<i>viza</i>	<i>wiza</i>
<i>визаж</i>	<i>vizaž</i>	<i>wizaż</i>
<i>визажистка</i>	<i>vizažistka</i>	<i>wizażystka</i>
<i>визг</i>	<i>vizg</i>	<i>wizg</i>
<i>вилла</i>	<i>villa</i>	<i>willa</i>
<i>вина</i>	<i>vina</i>	<i>wina</i>
<i>винить</i>	<i>vinit´</i>	<i>winić</i>
<i>вино</i>	<i>vino</i>	<i>wino</i>
<i>виолончелистка</i>	<i>violončelistka</i>	<i>wiolonczelistka</i>
<i>вираж</i>	<i>viraž</i>	<i>wiraż</i>

<i>висеть</i>	<i>viset'</i>	<i>wisiej</i>
<i>вист</i>	<i>vist</i>	<i>wist</i>
<i>вить</i>	<i>vit'</i>	<i>wić</i>
<i>виться</i>	<i>vit'sâ</i>	<i>wić się</i>
<i>вклад</i>	<i>vkład</i>	<i>wkład</i>
<i>вкладка</i>	<i>vkładka</i>	<i>wkładka</i>
<i>вклеить</i>	<i>vkleit'</i>	<i>wkleić</i>
<i>вклейка</i>	<i>vklejka</i>	<i>wklejka</i>
<i>вкомпоновать</i>	<i>vkomponovat'</i>	<i>wkomponować</i>
<i>вкопать</i>	<i>vkopat'</i>	<i>wkopać</i>
<i>вкраплять</i>	<i>vkraplât'</i>	<i>wkrapiać</i>
<i>вкрасться</i>	<i>vkrast'sâ</i>	<i>wkraść się</i>
<i>вкрутить</i>	<i>vkrutit'</i>	<i>wkręcić</i>
<i>владыка</i>	<i>vładyka</i>	<i>władyka</i>
<i>вламываться</i>	<i>vlamyvat'sâ</i>	<i>włamywać się</i>
<i>влезть</i>	<i>vlezt'</i>	<i>wleźć</i>
<i>влепить</i>	<i>vlepít'</i>	<i>wlepić</i>
<i>влеплять</i>	<i>vleplât'</i>	<i>wlepiać</i>
<i>влететь</i>	<i>vletet'</i>	<i>wlecieć</i>
<i>вложить</i>	<i>vložít'</i>	<i>włożyć</i>
<i>вмесить</i>	<i>vmesít'</i>	<i>wmiesić</i>
<i>вмешать</i>	<i>vmešat'</i>	<i>wmieszać</i>
<i>вмешаться</i>	<i>vmešat'sâ</i>	<i>wmieszać się</i>
<i>вмотать</i>	<i>vmotat'</i>	<i>wmotać</i>
<i>вмуровать</i>	<i>vmurovat'</i>	<i>wmurować</i>
<i>вмуровывать</i>	<i>vmurovyvat'</i>	<i>wmurowywać</i>
<i>вникать</i>	<i>vnikat'</i>	<i>wnikać</i>
<i>вникнуть</i>	<i>vniknut'</i>	<i>wniknąć</i>
<i>вносить</i>	<i>vnosit'</i>	<i>wnosić</i>
<i>внук</i>	<i>vnuk</i>	<i>wnuk</i>
<i>внучка</i>	<i>vnučka</i>	<i>wnuczka</i>
<i>вобла</i>	<i>vobla</i>	<i>wobła</i>
<i>вода</i>	<i>voda</i>	<i>woda</i>
<i>водить</i>	<i>vodít'</i>	<i>wodzić</i>
<i>водность</i>	<i>vodnost'</i>	<i>wodność</i>
<i>водо-</i>	<i>vodo-</i>	<i>wodo-</i>
<i>водолаз</i>	<i>vodolaz</i>	<i>wodolaz</i>
<i>возить</i>	<i>vozit'</i>	<i>wozić</i>
<i>возница</i>	<i>voznica</i>	<i>woźnica</i>
<i>войлок</i>	<i>vojlok</i>	<i>wojłok</i>
<i>война</i>	<i>vojna</i>	<i>wojna</i>
<i>войско</i>	<i>vojsko</i>	<i>wojsko</i>
<i>вон</i>	<i>von</i>	<i>won</i>
<i>воск</i>	<i>vosk</i>	<i>wosk</i>
<i>вотум</i>	<i>votum</i>	<i>wotum</i>
<i>вощина</i>	<i>vošina</i>	<i>woszczyna</i>

<i>впадать</i>	<i>vpadat´</i>	<i>wpadać</i>
<i>впасть</i>	<i>vpast´</i>	<i>wpaść</i>
<i>вписать</i>	<i>vpisat´</i>	<i>wpisać</i>
<i>вписаться</i>	<i>vpisat´sâ</i>	<i>wpisać się</i>
<i>вписывать</i>	<i>vpisyvat´</i>	<i>wpisywać</i>
<i>вписываться</i>	<i>vpisyvat´sâ</i>	<i>wpisywać się</i>
<i>впиться</i>	<i>vpit´sâ</i>	<i>wpić się</i>
<i>вплывать</i>	<i>vplyvat´</i>	<i>wpływać</i>
<i>впустить</i>	<i>vpustit´</i>	<i>wpuścić</i>
<i>врастать</i>	<i>vrastat´</i>	<i>wrastać</i>
<i>врыть</i>	<i>vryt´</i>	<i>wryć</i>
<i>врыться</i>	<i>vryt´sâ</i>	<i>wryć się</i>
<i>всадить</i>	<i>vsadit´</i>	<i>wsadzić</i>
<i>вскакивать</i>	<i>vskakivat´</i>	<i>wskakiwać</i>
<i>вскочить</i>	<i>vskočit´</i>	<i>wskoczyć</i>
<i>вспоминать</i>	<i>vspominat´</i>	<i>wspominać</i>
<i>вставать</i>	<i>vstavat´</i>	<i>wstawać</i>
<i>вставить</i>	<i>vstavit´</i>	<i>wstawić</i>
<i>вставка</i>	<i>vstavka</i>	<i>wstawka</i>
<i>вставлять</i>	<i>vstavlât´</i>	<i>wstawiać</i>
<i>встать</i>	<i>vstat´</i>	<i>wstać</i>
<i>всунуть</i>	<i>vsunut´</i>	<i>wsunąć</i>
<i>всходить</i>	<i>vshodit´</i>	<i>wschodzić</i>
<i>всыпать</i>	<i>vsypat´</i>	<i>wsypać</i>
<i>втекать</i>	<i>vtekat´</i>	<i>wciekać</i>
<i>втирать</i>	<i>vtirat´</i>	<i>wcierać</i>
<i>втиснуть</i>	<i>vtisnut´</i>	<i>wcisnąć</i>
<i>втыкать</i>	<i>vtykat´</i>	<i>wtykać</i>
<i>вулкан</i>	<i>vulkan</i>	<i>wulkan</i>
<i>входить</i>	<i>vhodit´</i>	<i>wchodzić</i>
<i>вчитаться</i>	<i>včitat´sâ</i>	<i>wczytać się</i>
<i>вчитываться</i>	<i>včityvat´sâ</i>	<i>wczytywać się</i>
<i>вшивать</i>	<i>všivat´</i>	<i>wszywać</i>
<i>вшивка</i>	<i>všivka</i>	<i>wszywka</i>
<i>вшить</i>	<i>všit´</i>	<i>wszyć</i>
<i>вы-</i>	<i>vy-</i>	<i>wy-</i>
<i>выбегать</i>	<i>vybegat´</i>	<i>wybiegać</i>
<i>выбелить</i>	<i>vybelit´</i>	<i>wybielić</i>
<i>выбелиться</i>	<i>vybelit´sâ</i>	<i>wybielić się</i>
<i>выбирать</i>	<i>vybirat´</i>	<i>wybierać</i>
<i>выбить</i>	<i>vybit´</i>	<i>wybić</i>
<i>выбиться</i>	<i>vybit´sâ</i>	<i>wybić się</i>
<i>выбраковать</i>	<i>vybrakovat´</i>	<i>wybrakować</i>
<i>выбраковывать</i>	<i>vybrakovyvat´</i>	<i>wybrakowywać</i>
<i>выбрать</i>	<i>vybrat´</i>	<i>wybrać</i>

вывалить	vyvalit´	wywalić
вывалиться	vyvalit´ sâ	wywalić się
выводить	vyvodit´	wywozić
вывозить	vyvozt´	wywozić
выгладить	vygladit´	wygładzić
выгладиться	vygladit´ sâ	wygładzić się
выгнать	vygnat´	wygnać
выгнивать	vygnivat´	wygniwać
выгон	vygon	wygon
выгрызать	vygryzat´	wygryzać
выгрызть	vygryzt´	wygryźć
выдавать	vydavat´	wydawać
выдать	vydat´	wydać
выделить	vydelit´	wydzielić
выдра	vydra	wydra
выдыхание	vydyhanie	wydychanie
выдыхать	vydyhat´	wydychać
выжимать	vyžimat´	wyżymać
выжинать	vyžinat´	wyżynać
выжирать	vyžirat´	wyżerać
выжить	vyžit´	wyżyć
вызвать	vyzvat´	wyzwać
вызывать	vyzyvat´	wyzywać
выклеить	vykleit´	wykleić
выклепать	vyklepat´	wyklepać
выкопать	vykopat´	wykopać
выкосить	vykosit´	wykosić
выкрасить	vykrast´	wykraść
выкрикивать	vykrikivat´	wykrzykiwać
выкрикнуть	vykriknut´	wykrzyknąć
выкроить	vykroit´	wykroić
выкрутить	vykrutit´	wykręcić
выкрутиться	vykrutit´ sâ	wykręcić się
выкуп	vykup	wykup
выкупить	vykupit´	wykupić
выламывать	vylamyvat´	wyłamywać
вылезть	vylezt´	wyleźć
вылететь	vyletet´	wylecieć
вылечить	vylečit´	wyleczyć
вылечиться	vylečit´ sâ	wyleczyć się
вылизать	vylizat´	wylizać
вылизывать	vylizyvat´	wylizywać
выловить	vylovit´	wyłowić
выложить	vyložit´	wyłożyć
вылущить	vylušit´	wyłuszczyć
вымазать	vymazat´	wymazać

вымазаться	vymazat' sâ	wymazać się
вымазывать	vymazyvat'	wymazywać
вымесить	vymesit'	wymiesić
вымешать	vymešat'	wymieszać
вымирать	vymirat'	wymierać
вымокнуть	vymoknut'	wymoknąć
вымотать	vymotat'	wymotać
вымочить	vymočit'	wymoczyć
вымущтровать	vymuštrovat'	wymusztrować
вымывать	vymyvat'	wymywać
вымыть	vymyt'	wymyć
вымыться	vymyt' sâ	wymyć się
выносить	vynosit'	wynosić
вынюхать	vynûhat'	wyniuchać
вынянчить	vynânčit'	wyniańczyć
выпад	vypad	wypad
выпадать	vypadat'	wypadać
выпарить	vyparit'	wyparzyć
выпариться	vyparit' sâ	wyparzyć się
выпасать	vypasat'	wypasać
выпасть	vypast'	wypaść
выпекать	vypekat'	wypiekać
выписать	vypisat'	wypisać
выписаться	vypisat' sâ	wypisać się
выписывать	vypisyvat'	wypisywać
выписываться	vypisyvat' sâ	wypisywać się
выпить	vypit'	wypić
выплакать	vyplykat'	wypłakać
выплакаться	vyplykat' sâ	wypłakać się
выплата	vypłata	wypłata
выплатить	vypłatit'	wypłacić
выплывать	vyplyvat'	wypływać
выпросить	vyprosit'	wyprosić
выпуклость	vypuklost'	wypukłość
выпустить	vypustit'	wypuścić
выражать	vyražat'	wyrażać
выражаться	vyražat' sâ	wyrażać się
выражение	vyraženie	wyrażenie
выразить	vyrazit'	wyrazić
выразиться	vyrazit' sâ	wyrazić się
вырастать	vyrastat'	wyrastać
вырвать	vyrvat'	wyrwać
вырваться	vyrvat' sâ	wyrwać się
выродиться	vyrodit' sâ	wyrodzić się
выроиться	vyroit' sâ	wyroić się
вырывать	vyrivat'	wyrywać

вырываться	vyryvat'sâ	wyrywać się
вырыть	vyryt'	wyryć
высадить	vysadit'	wysadzić
высадка	vysadka	wysiadka
высватать	vysvatat'	wyswatać
высвободить	vysvobodit'	wyswobodzić
высев	vysev	wysiew
высевать	vysevat'	wysiewać
выскакивать	vyskakivat'	wyskakiwać
выскочить	vyskočit'	wyskoczyć
выслать	vyslat'	wysłać
выследить	vysledit'	wyśledzić
выслуга	vysluga	wysługa
выслужить	vyslužit'	wysłużyć
высмаркивать	vysmarkivat'	wysmarkiwać
высмаркиваться	vysmarkivat'sâ	wysmarkiwać się
высоко	vysoko	wysoko
высоко-	vysoko-	wysoko-
выспаться	vyspat'sâ	wyspać się
выставить	vystavit'	wystawić
выставлять	vystavlât'	wystawiać
выстелить	vystelit'	wyścielić
выстригать	vystrigat'	wystrzygać
выстругать	vystrugat'	wystrugać
выстругивать	vystrugivat'	wystrugiwać
выстудить	vystudit'	wystudzić
выстукать	vystukat'	wystukać
выстукивать	vystukivat'	wystukiwać
высунуться	vysunut'sâ	wysunąć się
высушить	vysušit'	wysuszyć
высушиться	vysušit'sâ	wysuszyć się
высылать	vysylat'	wysyłać
высылка	vysylka	wysyłka
высыпать	vysypat'	wysypać
высыпаться	vysypat'sâ	wysypać się
высыхать	vysyhat'	wysychać
вытащить	vytašit'	wytaşczyć
вытекать	vytekat'	wyciekać
вытёсывать	vytësyvat'	wyciosywać
вытирать	vytirat'	wycierać
вытираться	vytirat'sâ	wycierać się
выткать	vytkat'	wytkać
вытопить	vytopit'	wytopić
выточить	vytočit'	wytoczyć
вытравить	vytravit'	wytrawić
вытравлять	vytravlât'	wytrawiać

выть	vyt'	wyc
выучиться	vyučit'sâ	wyuczyć się
выходить	vyhodit'	wychodzić
вычерпать	vyčerpāt'	wyczerpać
вычесать	vyčesat'	wyczesać
вычески	vyčeski	wyczeski
вычистить	vyčistit'	wyczyścić
вычитатъ	vyčitat'	wyczytać
вычитывать	vyčityvat'	wyczytywać
вышивание	vyšivanie	wyszywanie
вышивать	vyšivat'	wyszywać
вышить	vyšit'	wyszyć
жакет	žaket	żakiet
жандарм	žandarm	żandarm
жандармерия	žandarmeriâ	żandarmeria
жар	žar	żar
женить	ženit'	żenić
жениться	ženit'sâ	żenić się
жердь	žerd'	żerdź
жетон	žeton	żeton
живица	živica	żywica
живо	živo	żywo
живость	živost'	żywość
жила	žila	żyła
жилка	žilka	żyłka
жирафа	žirafa	żyrafa
жиро	žiro	żyro
жить	žit'	żyć
жук	žuk	żuk
йога	joga	joga
йогурт	jogurt	jogurt
йод	jod	jod
кабан	kaban	kaban
кавалер	kavaler	kawaler
кавалерия	kavaleriâ	kawaleria
кадить	kadit'	kadzić
каламбур	kalambur	kalambur
калан	kalan	kałan
калека	kaleka	kaleka
калечить	kalečit'	kaleczyć
канал	kanal	kanal
капать	kapat'	kapać
капнуть	kapnut'	kapnąć
капсула	kapsula	kapsuła
капуста	kapusta	kapusta
карнавал	karnaval	karnawał
карп	karp	karp

<i>карт</i>	<i>kart</i>	<i>kart</i>
<i>карта</i>	<i>karta</i>	<i>karta</i>
<i>картинг</i>	<i>karting</i>	<i>karting</i>
<i>картограф</i>	<i>kartograf</i>	<i>kartograf</i>
<i>картография</i>	<i>kartografiâ</i>	<i>kartografia</i>
<i>картон</i>	<i>karton</i>	<i>karton</i>
<i>каста</i>	<i>kasta</i>	<i>kasta</i>
<i>кастет</i>	<i>kastet</i>	<i>kastet</i>
<i>катар</i>	<i>katar</i>	<i>katar</i>
<i>каторга</i>	<i>katorga</i>	<i>katorga</i>
<i>каторжник</i>	<i>katoržnik</i>	<i>katoržnik</i>
<i>каша</i>	<i>kaša</i>	<i>kasza</i>
<i>кашалот</i>	<i>kašalot</i>	<i>kaszalot</i>
<i>кашка</i>	<i>kaška</i>	<i>kaszka</i>
<i>каштан</i>	<i>kaštan</i>	<i>kasztan</i>
<i>квартет</i>	<i>kvartet</i>	<i>kwartet</i>
<i>квас</i>	<i>kvas</i>	<i>kwas</i>
<i>квасить</i>	<i>kvasit´</i>	<i>kwasić</i>
<i>кекс</i>	<i>keks</i>	<i>keks</i>
<i>кибитка</i>	<i>kibitka</i>	<i>kibitka</i>
<i>кивать</i>	<i>kivat´</i>	<i>kiwać</i>
<i>кивнуть</i>	<i>kivnut´</i>	<i>kiwnąć</i>
<i>кизяк</i>	<i>kizâk</i>	<i>kiziak</i>
<i>киѣ</i>	<i>kij</i>	<i>kij</i>
<i>кино</i>	<i>kino</i>	<i>kino</i>
<i>киоск</i>	<i>kiosk</i>	<i>kiosk</i>
<i>кипеть</i>	<i>kipet´</i>	<i>kipieć</i>
<i>киснуть</i>	<i>kisnut´</i>	<i>kisnąć</i>
<i>кисть</i>	<i>kist´</i>	<i>kiść</i>
<i>кишка</i>	<i>kiška</i>	<i>kiszka</i>
<i>клавиш</i>	<i>klaviš</i>	<i>klawisz</i>
<i>кланяться</i>	<i>klanât´sâ</i>	<i>klaniać się</i>
<i>кларнет</i>	<i>klarnet</i>	<i>klarnet</i>
<i>класть</i>	<i>klast´</i>	<i>kłaść</i>
<i>клеить</i>	<i>kleit´</i>	<i>kleić</i>
<i>клеиться</i>	<i>kleit´sâ</i>	<i>kleić się</i>
<i>клей</i>	<i>klej</i>	<i>klej</i>
<i>клещ</i>	<i>kleš</i>	<i>kleszcz</i>
<i>клиент</i>	<i>klient</i>	<i>klient</i>
<i>клика</i>	<i>klika</i>	<i>klika</i>
<i>кликание</i>	<i>klikanie</i>	<i>klikanie</i>
<i>кликать</i>	<i>klikat´</i>	<i>klikać</i>
<i>кликнуть</i>	<i>kliknut´</i>	<i>kliknąć</i>
<i>клубук</i>	<i>klobuk</i>	<i>kłobuk</i>
<i>клон</i>	<i>klon</i>	<i>klon</i>
<i>клуб</i>	<i>klub</i>	<i>klub</i>
<i>кобыла</i>	<i>kobyła</i>	<i>kobyła</i>

<i>кожух</i>	kožuh	<i>kożuch</i>
<i>коза</i>	koza	<i>koza</i>
<i>козёл</i>	kozël	<i>koziół</i>
<i>козетка</i>	kozetka	<i>kozetka</i>
<i>козлы</i>	kozly	<i>kozły</i>
<i>кокетка</i>	koketka	<i>kokietka</i>
<i>комар</i>	komar	<i>komar</i>
<i>комикс</i>	komiks	<i>komiks</i>
<i>комиссия</i>	komissiâ	<i>komisja</i>
<i>комитет</i>	komitet	<i>komitet</i>
<i>компенсация</i>	kompensaciâ	<i>kompensacja</i>
<i>компоновать</i>	komponovat´	<i>komponować</i>
<i>компрессия</i>	kompresiâ	<i>kompresja</i>
<i>конвенция</i>	konvenciâ	<i>konwencja</i>
<i>конверсия</i>	konversiâ	<i>konwersja</i>
<i>кондуктор</i>	konduktor	<i>konduktor</i>
<i>конец</i>	konec	<i>koniec</i>
<i>конина</i>	konina	<i>konina</i>
<i>конкретность</i>	konkretnost´	<i>konkretność</i>
<i>конкурс</i>	konkurs	<i>konkurs</i>
<i>конспект</i>	konspekt	<i>konspekt</i>
<i>конструкция</i>	konstrukciâ	<i>konstrukcja</i>
<i>контрабанда</i>	kontrabanda	<i>kontrabanda</i>
<i>контрактировать</i>	kontraktovat´	<i>kontraktować</i>
<i>концентрация</i>	koncentraciâ	<i>koncentracja</i>
<i>концерт</i>	koncert	<i>koncert</i>
<i>кооперация</i>	kooperaciâ	<i>kooperacja</i>
<i>копание</i>	kopanie	<i>kopanie</i>
<i>копать</i>	kopat´	<i>kopać</i>
<i>копейка</i>	kopejka	<i>kopiejka</i>
<i>коптить</i>	koptit´	<i>kopcić</i>
<i>копыто</i>	kopyto	<i>kopyto</i>
<i>кора</i>	kora	<i>kora</i>
<i>кордон</i>	kordon	<i>kordon</i>
<i>корнет</i>	kornet	<i>kornet</i>
<i>короновать</i>	koronovat´	<i>koronować</i>
<i>корыто</i>	koryto	<i>koryto</i>
<i>коса</i>	kosa	<i>kosa</i>
<i>косить</i>	kosit´	<i>kosić</i>
<i>костёл</i>	kostël	<i>kościół</i>
<i>кость</i>	kost´	<i>kość</i>
<i>костюм</i>	kostûm	<i>kostium</i>
<i>кот</i>	kot	<i>kot</i>
<i>котёл</i>	kotël	<i>kocioł</i>
<i>котиться</i>	kotit´sâ	<i>kocić się</i>
<i>кошмар</i>	košmar	<i>koszmar</i>
<i>краб</i>	krab	<i>krab</i>

<i>край</i>	<i>kraj</i>	<i>kraj</i>
<i>кран</i>	<i>kran</i>	<i>kran</i>
<i>красить</i>	<i>krasit'</i>	<i>krasić</i>
<i>красть</i>	<i>krast'</i>	<i>kraść</i>
<i>кратер</i>	<i>krater</i>	<i>krater</i>
<i>крах</i>	<i>krah</i>	<i>krach</i>
<i>креветка</i>	<i>krevetka</i>	<i>krewetka</i>
<i>кредо</i>	<i>kredo</i>	<i>kredo</i>
<i>крем</i>	<i>krem</i>	<i>krem</i>
<i>кривизна</i>	<i>krivizna</i>	<i>krzywizna</i>
<i>кривить</i>	<i>krivit'</i>	<i>krzywić</i>
<i>кривиться</i>	<i>krivit'sâ</i>	<i>krzywić się</i>
<i>криво</i>	<i>krivo</i>	<i>krzywo</i>
<i>крик</i>	<i>krik</i>	<i>krzyk</i>
<i>крикнуть</i>	<i>kriknut'</i>	<i>krzyknąć</i>
<i>кроить</i>	<i>kroit'</i>	<i>kroić</i>
<i>кропить</i>	<i>kropit'</i>	<i>kropić</i>
<i>крупник</i>	<i>krupnik</i>	<i>krupnik</i>
<i>крупчатка</i>	<i>krupčatka</i>	<i>krupczatka</i>
<i>крутить</i>	<i>krutit'</i>	<i>kręcić</i>
<i>крушина</i>	<i>krušina</i>	<i>kruszyna</i>
<i>крыть</i>	<i>kryt'</i>	<i>kryć</i>
<i>крыться</i>	<i>kryt'sâ</i>	<i>kryć się</i>
<i>кто</i>	<i>kto</i>	<i>kto</i>
<i>кукла</i>	<i>kukla</i>	<i>kukła</i>
<i>кулисы</i>	<i>kulisy</i>	<i>kulisy</i>
<i>кулуары</i>	<i>kuluary</i>	<i>kuluary</i>
<i>кум</i>	<i>kum</i>	<i>kum</i>
<i>кума</i>	<i>kuma</i>	<i>kuma</i>
<i>кумач</i>	<i>kumač</i>	<i>kumacz</i>
<i>кумыс</i>	<i>kumys</i>	<i>kumys</i>
<i>купец</i>	<i>kupec</i>	<i>kupiec</i>
<i>купить</i>	<i>kupit'</i>	<i>kupić</i>
<i>курить</i>	<i>kurit'</i>	<i>kurzyć</i>
<i>курс</i>	<i>kurs</i>	<i>kurs</i>
<i>куртаж</i>	<i>kurtaž</i>	<i>kurtaż</i>
<i>куртка</i>	<i>kurtka</i>	<i>kurtka</i>
<i>кухарка</i>	<i>kuharka</i>	<i>kucharka</i>
<i>кухня</i>	<i>kuhnâ</i>	<i>kuchnia</i>
<i>лаборант</i>	<i>laborant</i>	<i>laborant</i>
<i>лава</i>	<i>lava</i>	<i>ława</i>
<i>лавина</i>	<i>lavina</i>	<i>lawina</i>
<i>лавировать</i>	<i>lavirovat'</i>	<i>lawirować</i>
<i>лавка</i>	<i>lavka</i>	<i>ławka</i>
<i>лавра</i>	<i>lavra</i>	<i>ławra</i>
<i>лагуна</i>	<i>laguna</i>	<i>laguna</i>
<i>лазить</i>	<i>lazit'</i>	<i>łazić</i>

<i>лайка</i>	<i>lajka</i>	<i>łajka</i>
<i>лама</i>	<i>lama</i>	<i>lama</i>
<i>лампа</i>	<i>lampa</i>	<i>lampa</i>
<i>латать</i>	<i>latat'</i>	<i>tatać</i>
<i>лауреат</i>	<i>laureat</i>	<i>laureat</i>
<i>лгать</i>	<i>lgat'</i>	<i>łgać</i>
<i>лебеда</i>	<i>lebeda</i>	<i>lebioda</i>
<i>лев</i>	<i>lev</i>	<i>lew</i>
<i>лево-</i>	<i>levo-</i>	<i>lewo-</i>
<i>легализация</i>	<i>legalizaciâ</i>	<i>legalizacja</i>
<i>лежак</i>	<i>leżak</i>	<i>leżak</i>
<i>лезть</i>	<i>lezt'</i>	<i>leźć</i>
<i>лей</i>	<i>lej</i>	<i>lej</i>
<i>лекарство</i>	<i>lekarstvo</i>	<i>lekarstwo</i>
<i>лениться</i>	<i>lenit'sâ</i>	<i>lenić się</i>
<i>лепить</i>	<i>lepit'</i>	<i>lepić</i>
<i>лепиться</i>	<i>lepit'sâ</i>	<i>lepić się</i>
<i>лететь</i>	<i>letet'</i>	<i>lecieć</i>
<i>лечение</i>	<i>lečenie</i>	<i>leczenie</i>
<i>лечить</i>	<i>lečit'</i>	<i>leczyć</i>
<i>лечиться</i>	<i>lečit'sâ</i>	<i>leczyć się</i>
<i>лещ</i>	<i>leš</i>	<i>leszcz</i>
<i>лещина</i>	<i>lešina</i>	<i>leszczyna</i>
<i>лизать</i>	<i>lizat'</i>	<i>lizać</i>
<i>лизнуть</i>	<i>liznut'</i>	<i>liznąć</i>
<i>лингвистка</i>	<i>lingvistka</i>	<i>lingwistka</i>
<i>липа</i>	<i>lipa</i>	<i>lipa</i>
<i>лис</i>	<i>lis</i>	<i>lis</i>
<i>лисица</i>	<i>lisica</i>	<i>lisica</i>
<i>лисичка</i>	<i>lisička</i>	<i>lisiczka</i>
<i>лишай</i>	<i>lišaj</i>	<i>liszaj</i>
<i>логика</i>	<i>logika</i>	<i>logika</i>
<i>ложа</i>	<i>loža</i>	<i>łóża</i>
<i>лопата</i>	<i>lopata</i>	<i>łopata</i>
<i>лопатка</i>	<i>lopatka</i>	<i>łopatka</i>
<i>лопух</i>	<i>lopuh</i>	<i>łopuch</i>
<i>лук</i>	<i>luk</i>	<i>łuk</i>
<i>лупа</i>	<i>lupa</i>	<i>lupa</i>
<i>лучник</i>	<i>lučnik</i>	<i>łucznik</i>
<i>лущить</i>	<i>lužit'</i>	<i>łuszczyć</i>
<i>лыко</i>	<i>lyko</i>	<i>łyko</i>
<i>лысеть</i>	<i>lyset'</i>	<i>łysieć</i>
<i>лысина</i>	<i>lysina</i>	<i>łysina</i>

Библиография

- Болла К., Папп Э., Папп Ф.: *Курс современного русского языка*. Budapest, 1968, Tankönyvkiadó.
- Даль В. И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Электронная версия. www.slovopedia.com (28.02.2009).
- Иванов В. В.: *Историческая грамматика русского языка*. Москва, 1983, Наука.
- Иванова В. Ф.: *Принципы русской орфографии*. Ленинград, 1977, Издательство Ленинградского Университета.
- Кондрашов Н. А.: *Славянские языки*. Москва, 1986, Просвещение.
- Костючук Л. Я. – Котова М. Ю.: *Историческая грамматика русского языка: пособие для студентов заочного отделения*. Псков, 2003, ПГПИ им. С. М. Кирова.
- Крылов Г. А.: *Этимологический словарь русского языка*. Электронная версия. www.slovopedia.com (28.02.2009).
- Лейчик В. М.: *Источники и типы лексических несоответствий между польскими и русскими словами*. Studia Russica VI, Warszawa, 1998.
- Лейчик В. М.: *Основы конфронтативной лексикологии польского и русского языков*. Szczecin, 2000, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego.
- Ожегов С. И. – Шведова Н. Ю.: *Толковый словарь русского языка*. Электронная версия. www.slovopedia.com (28.02.2009).
- Успенский Б. А.: *Краткий очерк русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Москва, 1994, Гнозис.
- Ушаков Д. Н.: *Толковый словарь русского языка*. Электронная версия. www.slovopedia.com (28.02.2009).
- Фасмер М.: *Этимологический словарь русского языка*. Электронная версия. www.slovopedia.com (28.02.2009).
- Bąk, Piotr: *Gramatyka języka polskiego*. Warszawa, 1977, Wiedza Powszechna.
- Benni, Tytus: *Fonetyka opisowa języka polskiego*. Wrocław, 1959, Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Bihari József – H. Tóth Imre: *Bevezetés a russisztikába*. Budapest, 1988, Tankönyvkiadó.
- Brückner, Aleksander: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1957, Wiedza Powszechna.
- Furdal, Antoni: *O przyczynach zmian głosowych w języku polskim*. Wrocław, 1964, Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Harczuk, Zenon: *Interferencja języka polskiego w procesie nauczania języka rosyjskiego*. Warszawa, 1972, Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych.
- H. Tóth Imre: *Bevezetés a szláv nyelvtudományba*. Szeged, 1996, JATEPress.
- Klemensiewicz, Zenon: *Historia Języka polskiego*. Warszawa, 1976, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Klemensiewicz, Zenon – Lehr-Splawiński, Tadeusz – Urbańczyk, Stanisław: *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Warszawa, 1981, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Koneczna, Halina: *Charakterystyka fonetyczna języka polskiego na tle innych języków słowiańskich*. Warszawa, 1965, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Kozielewski, Ignacy: *Słownik wyrazów o podobnym brzmieniu a odmiennym znaczeniu w języku rosyjskim a polskim*. Warszawa, 1959, Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych.
- Kusal, K.: *Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych / Русско-польский словарь межъязыковых омонимов*. Wrocław, 2002, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Łoś, Jan: *Gramatyka polska*. Cz. 1. Lwów, 1922, Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich.
- Mańczak, Witold: *Polska fonetyka i morfologia historyczna*. Warszawa, 1983, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Rospond, Stanisław: *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Warszawa, 2005, Wydawnictwo Naukowe PWN.

- Siatkowski, Stanisław (red.): *Założenia językoznawstwa konfrontatywnego*. In: *Nauczanie języka rosyjskiego a językoznawstwo i psychologia*. Warszawa, 1986, Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 281-307. p.
- Stieber, Zdzisław: *Historyczna i współczesna fonologia języka polskiego*. Warszawa, 1966, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Wawrzyńczyk, Jan (red.): *Wielki słownik rosyjski PWN*. Wersja: 1. Wydawnictwo Naukowe PWN SA [CD].
- Wawrzyńczyk, Jan: *Rosyjsko-polskie i polsko-rosyjskie językoznawstwo konfrontatywne*. Warszawa, 1987, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Wrocławska, Elżbieta: *Uwarunkowania i przyczyny zmian językowych*. Warszawa, 1994, Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy.
- Zmarzer, Wanda: *Podstawy analizy konfrontatywnej języków pokrewnych*. Warszawa, 1992, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.

Mellékletek:

[Eltérések a jelentésben](#)

[Azonos jelentéssel](#)

[Azonos jelentéssel átalakítási sorrendben](#)